

ОБРЫВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ОЛЬГА ДАШКОВА

18+

Ольга Викторовна Дашкова

Обрыв

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63764383

SelfPub; 2023

Аннотация

Я бежала так далеко: от прошлого, от самой себя, от мужа. Бежала, потому что не умею бороться, не умею быть сильной. Теперь я – другой человек, с чужим именем и чужой историей, но мое личное прошлое, что я пытаюсь забыть и от которого хочу надежно спрятаться, нашло меня даже здесь, вдали от дома. Придется учиться быть сильной, ведь защитить меня некому. Или есть? Ранее роман назывался «Обрыв».

Ольга Дашкова

Обрыв

Глава 1

Вера

Не люблю холод, не люблю зиму и все, что с ней связано, даже этот спящий белый снег на фоне чёрного леса – не люблю так, что раскалывается голова.

Ноябрь – это всего лишь ноябрь, а снега столько, словно уже середина января, именно так в тех местах, откуда я. В какие ещё далекие дали меня занесёт мое бегство? Хотя то, где я сейчас – это ещё не крайний север, у меня всё впереди. Паршивая перспектива.

Забор. Почему такой длинный, нескончаемый забор? Не хватает вышек, колючей проволоки и лая собак. Снова несучушь, нервы. Да бог с этим забором! Красный кирпич, белый снег, чёрный лес. Интересно, здесь водятся волки?

В салоне такси надрывно заливалась Адель, что-то про боль и разбитое сердце. Даже символично.

Ход мыслей прервал громкий сигнал автомобиля, оказывается, мы уже приехали. Массивные кованые ворота были закрыты, но спустя полминуты они распахнулись – и нас наконец-то впустили на территорию участка.

Ровное пространство, красивые голубые ели – все вокруг, как и везде, в снегу, он искрит на солнце и слепит глаза.

Расчищенные дорожки, большое крыльцо шикарного белого особняка. Но мы проезжаем мимо. Ах да, конечно, центральный вход не для меня, плавно огибаем огромное строение и тормозим возле крыльца поменьше.

Охрана делает вид, что она незаметна, как и положено охране. Несколько камер по фасаду и звонкий лай – а я угадала с собаками. Нет, я вовсе не зануда, но за несколько лет моих скитаний приходится все замечать и подмечать, делать сравнения и выводы. Я раньше жила в доме, подобном этому, менялась охрана, на ночь выпускались собаки, и камеры так приветливо мигали красными огоньками.

Я долгое время не понимала: меня так фанатично охраняли или всё-таки этот дом был моей тюрьмой? Да и куда мне в то время что-то понимать, наивная, глупая... дура!

На крыльце стояла невысокая полноватая женщина в сером строгом платье и дружелюбно улыбалась. Женщину звали Тамара Степановна, мы общались по телефону три дня назад. Случайно подслушанный мной разговор в одном из кафе торгового центра, а также так случайно забытый буклет какого-то агентства по подбору персонала с написанным телефоном для связи, – все это стало началом моей новой карьеры.

Не в моем положении раскидываться такими подарками судьбы. Быстро набрала номер, приятный голос сообщил, что в большой загородный дом на зимний сезон срочно требуется экономка, а точнее, доверенное лицо хозяина дома.

Это, безусловно, звучит солидней, но сути не меняет. Требуется срочно и немедленно, может быть, именно поэтому так быстро согласились на мою кандидатуру и так горячо ждали приезда. Хотя теперь, проделав такой путь, я понимаю, что сюда, далеко и безвылазно, поедет не каждый, это точно. Как раз то, что надо мне.

С меня взяли паспортные данные, конечно, служба охраны должна проверить нового работника. Прощупать со всех сторон его благонадежность. Это не придорожное кафе, а я уже не официантка, где всем было абсолютно все равно, кто я такая и откуда. Вот тут могут возникнуть сложности. И пойду я вдоль этого забора из красного кирпича пешком по снегу до трассы. Перспектива так себе.

– Добрый день, я очень рада видеть вас, Вера Васильевна, – Тамара Степановна с интересом рассматривает меня, пребывая в легком недоумении. – Можно просто Вера? Право, я не думала, что вы столь молоды.

– Нет, это всего лишь на первый взгляд, очень рада знакомству, Тамара Степановна, – подхожу ближе, снимая перчатки, протягиваю руку.

– Ох, что вы, Вера, это комплимент, но, уверяю вас, вы выглядите словно девочка, и меня, знаете ли, смущает это, – Тамара Степановна пожимает мою холодную ладонь и приглашает зайти в дом.

– Что именно вас смущает? Что я могу с чем-то не справиться?

– Нет, дело не в этом, – мы все-таки заходим в небольшой холл. – Вам придется жить здесь не один месяц, пока я не вернусь, а это почти замкнутое пространство, в котором достаточное количество мужчин, молодых и крепких. Могут возникнуть не совсем приятные ситуации, хотя я уверена, что мальчишки не наделают глупостей, хозяин этого не любит, – женщина слегка задумалась и отвела взгляд в сторону.

– Мальчишки, это, я понимаю, охрана?

– Да, да, но я говорю снова глупости и пугаю такую милую молодую женщину, не слушайте меня. Очень волнуюсь, предстоит серьезная операция, надо срочно уезжать и оставить свое хозяйство.

– Да, хозяйство, я смотрю, большое.

– Пойдемте, Вера, вы разденетесь, я покажу вам вашу комнату, и мы обо всем поговорим позже. Вы с дороги, вам надо отдохнуть.

Идем по бесконечным коридорам, темные полы без покрытия, так отчетливо слышны наши шаги, бежевые стены, лестница наверх.

– В доме два крыла, – рассказывает по пути Тамара Степановна, – левое – то, где мы сейчас – это крыло прислуги, персонала и охраны, внизу кухня, прачечная, котельная, серверная, там же столовая для персонала, на втором этаже комнаты тех, кто здесь ночует или живет. А вот и ваша комната.

Снова темный пол и бежевые стены, но все довольно мило и функционально: кровать, комод, тумба и отдельная ду-

шевая.

– Вера, вы отдохайте, ваш багаж принесут, а я зайду чуть позже.

Дверь закрылась, и я осталась одна. «Ну, что, Вера Васильевна, – сказала самой себе, – если служба безопасности не пробила мой паспорт и меня не вышвырнут, как котенка на мороз, перезимуем как-нибудь». Далекая даль и дикая глушь – моё любимое место.

Глава 2

Вера

– Стрельникова Вера Васильевна, одна тысяча девятьсот восемьдесят третьего года рождения, место рождения город Самара, в браке не состоит, детей нет, все верно?

Начальник службы безопасности местного олигарха, хозяина, босса, шефа и отца-кормильца, а в том, что это очень богатый человек, судя по внушительному забору, сомнений нет, смотрел на меня сверху вниз пронзительным взглядом голубых глаза методично задавал вопросы. Работа у него такая.

– Да, все верно, одиннадцатого апреля одна тысяча девятьсот восемьдесят третьего года рождения, город Самара, родильный дом №1, мать Стрельникова Мария Викторовна, отец неизвестен. Образование высшее.

Я знала свою биографию наизусть, могла даже рассказать имена одноклассниц, кличку кота и первого парня Стрельниковой Веры, могут проверять сколько угодно, если не ко-

пать глубоко.

– Я не люблю работать в такой спешке, всегда стараюсь выполнять свою работу качественно и профессионально. На проверку вашей личности, Вера Васильевна, уйдет чуть меньше суток, кое-какая информация уже есть. Надеюсь, у меня с вами не возникнет проблем, так, Вера Васильевна?

Пронзительные голубые глаза начальника службы безопасности впились в мое лицо, настойчиво исследуя, взгляд заскользил вниз по шее, на вырез платья, еще ниже, до обтянутых тканью бедер, и вернулся опять к лицу.

Он даже не предложил мне присесть, но представился: Морозов Глеб – так просто, без отчества, хотя сканировал он меня с замашками следователя по особо тяжким, или это называется взгляд профессионала? Что ж, спишем все на его тяжелую работу. Я вообще ни разу не удивлюсь, если здесь, в этом шикарном особняке, есть очень темный подвал и камера пыток. Вот меня туда этот «милашка» Морозов Глеб отведет лично, если что-то пойдет не так.

– Проблем не возникнет, я вас уверяю, – отчеканила я, прилепив милую улыбку.

Ему на вид и сорока нет, хорошо сложен, цепкий взгляд, красивые глаза, такие голубые, как морозное небо января, четкий профиль, короткая стрижка. Снова взгляд на меня и легкая, но какая-то пакостная улыбка – не нравится мне это.

– Предупреждаю вас, Вера Васильевна, вы приехали сюда

выполнять определенные обязанности, давайте не выходить за рамки, не проявлять инициативу и не строить иллюзий.

– Я вас не совсем понимаю, – непонимание в моих глазах отразилось так явно, что ухмылка с его лица исчезла. – Я прекрасно знаю функции и обязанности экономки, могу вас заверить, что по поводу закончившейся туалетной бумаги или средства для травли крыс я вас беспокоить не стану. Если возникнут более глобальные проблемы, я непременно обращусь именно к вам.

Слушая всю мою тираду, начальник службы безопасности смягчился в лице и как-то по-хитрому улыбнулся.

– Ну-ну, я все понял, не надо так остро реагировать, вы можете идти, Вера, – и указал на дверь.

– Скот, – захлопнув дверь, пробубнила я. Наглый, уверенный скот, хотя девочкам такие нравятся. Вояка, преданный пес своего хозяина. Но кто знает, что у него внутри, такой и хозяину глотку перегрызет.

Обход особняка занял добрый час. Кричащее богатство, отнюдь не лишённое вкуса, радовало глаз. Столовая: красное дерево, хрусталь и стекло; гостиная: мрамор, стекло и снова хрусталь; цоколь: сауна, бильярдная, бассейн, небольшой кинотеатр. В блоке прислуги несколько спален, кладовая – с объяснением, где что лежит, сколько чего и куда необходимо, стратегические запасы на случай оккупации, ну это уже мысли вслух.

– Вера, я вас не сильно утомила? – Тамара Степановна

тревожно посмотрела мне в глаза.

– Нет, что вы, я все запомнила, и если тот мужчина, начальник службы безопасности, проверит мою родословную, и она подойдёт для данного места, то я с удовольствием займусь этим большим хозяйством до вашего возвращения. Вам не о чем сильно переживать, – я старалась улыбаться и как можно мягче смотреть на милую женщину.

– А, вы про Глеба? Ой, Глебушка прекрасный мальчик, он так предан своему делу и Егору Ильичу.

Глебушка? Как мило. Глебушка мил, как бультерьер. Хватка, оскал – все при нем.

– Я понимаю, Тамара Степановна, безопасность – это очень важно, тем более я новый человек. Егор Ильич – это хозяин, я так понимаю? Когда можно будет и надо ли мне с ним знакомиться?

Мы как раз завершили обход, вернувшись в начальную точку, на огромную кухню. Тамара Степановна остановилась, опираясь рукой на столешницу.

– Вам плохо? Чем мне помочь? – я была встревожена, быстро нашла стакан, налила воды и протянула женщине.

– Спасибо, Вера, – она отпила глоток и поставила стакан обратно, – у меня обнаружили опухоль, неприятный диагноз, но что есть – то есть. Узнав об этом, Егор Ильич не стал ничего слушать, и вот я лечу в какую-то суперклинику делать супероперацию, вернусь ли, не знаю.

– Ну, что вы, Тамара Степановна, все непременно будет

хорошо,— хотелось поддержать, приободрить, хоть как-то помочь— чем могу, но разве я могу хоть что-то?

— Вот поэтому мы так быстро искали мне замену на первое время, а потом уже как сложится.

— Егор Ильич очень хороший человек, раз так заботится о вас.

— Да, хороший, но сложный,— женщина снова как-то задумалась, но быстро собралась и продолжила: — Он приедет завтра, и не только он, к вечеру приедет прислуга и повар, они знают, что и как делать, займут свои комнаты, вот тогда вас и представят, но это буду уже не я.

Глава 3

Вера

Стоять под горячими струями душа было приятно, мышцы расслаблялись, уходила усталость, но вернулась тревога, откуда она взялась, это я понять не могла, нет причин и предпосылок для неё.

Прокручивая в памяти прошлый вечер, невольно улыбнулась. Представление меня как новой экономки прошло почти торжественно. Начальник службы безопасности Глебушка собрал всех, кто был, в холле крыла для прислуги. Вручил мне мой же паспорт, произнёс речь на тему уважения, гаркнул на своих парней из охраны, чтобы держали гениталии при себе, осмотрел меня с ног до головы холодным взглядом, мол, я за тобой слежу, и удалился, видимо, решать дела поважнее, чем какая-то там странная экономка.

Тамара Степановна уехала ещё раньше, я искренне желаю ей выздоровления. Две женщины-горничные, приходящие каждый день из соседнего посёлка, оказались вполне нормальными, платят им хорошо, работа не пыльная, хозяйки почти не видели. Парни из охраны ушли вслед за боссом, повар— пожилой мужчина— занимался своим делом, иначе охрана останется голодной, а Глебушка— злым. Ох, не хотелось бы мне такого врага, поэтому надо спрятать своё жало куда подальше и просто мило улыбаться. Вера умеет мило улыбаться.

Я практически не спала, ночь была лунной, я стояла у окна и вглядывалась в темноту, отчётливо был слышен вой волков, на этот вой лаяли собаки. И с волками, и с собаками я угадала. Я снова в тюрьме, она в моей голове, иллюзия свободы, столько времени я самонадеянно считала, что могу спокойно и нормально жить, но нет, его нет рядом, а я все равно бегу и живу по его правилам.

Утро нового дня, горячий душ. Машинально провела рукой по животу, задев старые шрамы, и тут же отдернула. Не сейчас, не время для воспоминаний.

Быстро домылась и вышла, вытираясь на ходу. Я предельно собрана, в зеркале молодая женщина, чёрное закрытое платье, туфли на небольшом каблуке, никаких украшений, но есть макияж, чтобы казаться старше. Меня зовут Вера, и мне тридцать три года. Я так вжилась в шкуру Веры, что забыла, кто я такая на самом деле, вот бы было хорошо забыть

совсем все.

На кухне царила суета, все готовились к приезду хозяина, посуда отполирована, спальни готовы, даже затоплена сауна. Половина дня прошла в работе, все-таки было сомнение, что смогу справиться, но кругом был порядок, и четкие вчерашние указания Тамары Степановны помогали.

Все бы ничего, но все молчали— молча завтракала охрана, повар молча занимался кухней, не то чтобы яочень любила поговорить, но люди ведь как-то должны общаться между собой. Ладно я, у меня давно внутренние диалоги со своим разумом.

Начальник охраны в черном костюме и белой рубашке был ослепителен и неотразим. Мы сегодня как люди в черном— ждем прибытия высшей силы, и, если этой силе что-то не понравится, нас испепелят.

Глебушка буркнул мне:«Приятного аппетита» и молча жевал завтрак. Наблюдая за ним с другого конца стола, отметила: он, безусловно, хорош, сильные руки, крепкая шея, он что-то все ковырялся в телефоне и даже не обращал на меня внимания.

На мгновенье представила, какая у него может быть семья, обязательно хрупкая девушка и маленькая дочурка с такими же голубыми глазами. Часто фантазирую и примеряю на себя чужую жизнь, как будто мне мало того, что я живу чужой жизнью. Нередко в этих фантазиях представляю себя, вот я заботливо поправляю на нем пиджак, он нежно обни-

мает и целует в висок, заправляя волосы за ухо...

– Вера, вы так на мне дыру протрете своим взглядом, – Морозов отрывает глаза от телефона и пристально смотрит на меня, снова его эта холодная оценка происходящего.

– Вы привлекательный мужчина, сильный, знающий свое дело и, безусловно, любящей его, отчасти потому, что другого просто не умеете, а еще вы делаете неверные выводы, но это уже на ваш чисто мужской взгляд. Я поняла, на что вы вчера так упорно намекали мне в своём кабинете, и нет, я не охотница за богатыми мужчинами, строить глазки вашему хозяину я не собираюсь.

– Интересная вы женщина, Вера, – он так странно протянул мое имя, словно пробуя на вкус. – Загадка в нашей забытой глуши, это меня и настораживает, вас хочется разгадать, да и просто глядя на вас, много чего хочется.

– Посчитаю это за комплимент, приятного аппетита, Глеб, извините, надо работать, – уношу чашку на мойку и покидаю кухню. Да, странные дела, не хватало мне еще ухажёра занять здесь.

Напряженное ожидание хозяина отразилось и на мне, как-то резко захотелось курить. Накинув пальто, вышла на крыльцо заднего двора. Солнце также слепило глаза, собаки где-то надрывалась лаем в своих вольерах, аромат ментола оседал никотином на губах. Если закрыть глаза, подставив лицо солнцу, можно представить, что нет ничего вокруг, нет снега и этого ожидания зимы, нет того холода, что сковывает

душу.

Слышу шаги— уверенные, скрип снега, так не хочется открывать глаза, делаю последнюю затяжку, выпускаю дым в морозный воздух, поворот головы, глаза щурятся от слепящего солнца. Мужчина.

Черное пальто нараспашку, черная рубашка, в нашем ряду людей в черном прибавление. Строгий взгляд, он смотрит точно в мои глаза, он не оценивает, не осуждает, он просто смотрит. Выбрасываю сигарету в урну, кутаюсь в пальто, понимаю, надо как-то начать разговор, поздороваться, в конце концов, но не могу ничего произнести, смотрю на него, прямо в глаза, и не могу оторваться.

— Вы замерзли, лучше зайти в дом, — мужчина заговорил первым, я отвожу взгляд, киваю головой и, не произнеся ни слова, захожу в открытую им дверь.

— Простите, я не представилась, — начала я, когда уже зашли, — Стрельникова Вера Васильевна...

— Я знаю, кто вы, можете не объяснять. Идите, занимайтесь своими делами, — и ушел в сторону комнат охраны.

Вот и познакомились, как говорится, это и был собственной персоной наш хозяин, немногословен, однако. Я ждала помпезного появления, красной ковровой дорожки на фоне белоснежного крыльца и снега, черный лимузин, персонал, стоящий по струнке и приветствующий своего кормильца. Жаль, что вышло все не так, было бы красиво.

Меня даже как-то не совсем вежливо по-своему отосла-

ли на задний двор заниматься своими холопскими делами, у меня даже не было возможности залезть в интернет и разведать, кто вообще такой этот Егор Ильич, интернет глушился, но связь была. Любопытно просто было, куда все-таки я попала, хотя, Вера, надо было раньше думать об этом, как только увидела этот забор, все покоя не дает, вот тогда надо было разворачивать такси и гаситься дальше в той забегаловке.

Опасный мужик, очень, Глебушка и правда на его фоне милаха. О таких переломашешь зубы, но что-то в нем есть— такое опасно-притягательное, эта энергетика хищника, уверенность в себе и в том, что он может. А может он многое, если захочет.

Избавь меня, Господи, от мужиков, что при власти и деньгах, потому что, когда есть это гремучее сочетание, нет тормозов, все безнаказанно. Спасибо, мне хватило, рука как-то опять машинально легла на живот и замерла. Как бы я сейчас жила, не случись того, что случилось? Представить трудно.

Глава 4

Егор

Она стояла на крыльце, подставив лицо солнцу, глаза закрыты, на губах дым. Первое, что пришло на ум— Снежная королева, но вся в черном на белом фоне. Светлые прямые волосы до плеч зачесаны на один бок, макияж— лишь глаза и губы. Вот губы— да, слегка полноватые, с четким контуром, такие порочные. Она посмотрела на меня, глаза карие, слегка щурясь, а я сам не мог отвести глаз. Мистика какая-то.

– Вы замерзли, лучше зайти в дом, – открываю дверь, пропуская девушку вперед.

Ей, наверное, холодно, что-то говорит, я отвечаю, а в голове бардак, ответил не совсем то, что она ожидала, развернулся и ушел. Прекрасно, теперь буду бегать от первой попавшейся на глаза бабы, где Морозов ее нашел, где вообще таких находят?

– Морозов, – резко распахиваю дверь без стука, – что это там было такое, точнее, кто?

– И вам доброго дня, Егор Ильич, вы, как всегда, самовольничаете, отказываетесь от охраны и сопровождения, не соблюдаете время прибытия, зачем и для чего нужна охрана, если вы ей пренебрегаете?

– Ой, захлопнись, Морозов, я не королева Великобритании, выдохни и расскажи, кто это там курил на моем крыльце?

Как был, в пальто, я уселся в кресло и стал ждать объяснений.

– Вера Васильевна Стр...

– Я знаю, как ее зовут, ты мне писал. Где ты ее нашел?

– Она сама нашлась, позвонила Тамаре Степановне, приехала вчера утром, агентство по подбору персонала, хорошее агентство, я проверял и его, и девочку.

– Девочку? У нее в паспорте написано тридцать три года, далеко не девочка. Прошрое?

– Чисто, не состояла, не привлекалась. А чего случи-

лось-то, Егор Ильич?

– Да ничего, извини, казахи мозг ебут, фуры стоят, они ебут, все стабильно. И да, найди мне эту Веру, и пусть зайдет ко мне.

Резко встал и так же резко вышел. Дерьмовое утро, казахи, истерики Снежаны, безумно красивые губы новой экономки. Там что, в агентстве, не было никого более преклонного возраста? Как-то странно она меня завела.

– Вера Васильевна, вы должны зайти к Егору Ильичу, – так на официозе мне сообщил Глебушка.

Должна – так зайду. Стук каблучков по коридору, стук в дверь, краткое «зайдите». Здесь меньше света, кабинет словно в полумраке, книжные полки, широкий стол, открытый бар. Егор Ильич с бокалом спиртного. И снова этот взгляд, теперь он меня изучает как что-то странное, возникшее у него в кабинете.

– Присядьте, Вера, расскажите о себе, только не стандартную заученную биографию.

Он красив в своем несовершенстве, его явно не заботит, как он выглядит, легкая щетина, плотно сжатые губы. Взгляд скользит по мне, я чувствую его физически, замирает на губах, и мне инстинктивно хочется их прикрыть.

Муж безумно любил мои губы, любил любить мой рот. Как он говорил: «Из тебя, милая, вышла бы самая красивая и дорогая шлюха в городе, но ты только «моя шлюха».

– В моей биографии нет ничего интересного, все, как вы говорите, стандартно, – поправляю платье и открыто смотрю в глаза, я сама наивность и невинность.

– И все-таки? Что вас к нам привело?

– Деньги, их всегда не хватает, поступило хорошее предложение, я согласилась.

– Вы очень красивая женщина, Вера, разве не было других предложений и способов обогатиться?

– Вы предлагаете мне обогатиться определенным способом? – от наивности и невинности не осталось и следа. Ненавижу таких самодовольных кретинов, все-то у них продается и покупается, вешают ярлыки, ставят ценники не глядя. – Я не проститутка и никогда ею не была, если вы про этот метод обогащения.

– Почему сразу проститутка? Ваша заниженная самооценка при таких внешних данных меня пугает. Выйти замуж за состоятельного человека – я это имел в виду.

– Спасибо за совет, я обязательно им воспользуюсь, как только встречу состоятельного и, главное, порядочного человека.

Я так скалилась, что вот-вот должны были треснуть щеки, а Егор Ильич злился – челюсти плотно сжаты, и стакан в руке вот-вот треснет, надо убираться, иначе быть скандалу.

– С вашего позволения, я пойду. Что-то еще? Указания, пожелания?

– Нет, ничего. Идите, Вера.

– Ужин в семь.

– Спасибо.

Надо отдать должное, этот мужчина умеет держать себя в руках. Муж так бесился, когда я вот так, почти молча, послала его на хуй. В стену летели бокалы, бутылки, телефоны— все, что было под рукой. Иногда это все летело в меня.

Не понимаю, к чему все эти разговоры? Если что-то не так, мне бы сказали в лицо, указали бы на ворота и направление, куда следует идти. Хотя знать, что документы не мои— это дело одно, а вот знать, кто я и мое настоящее имя— это история интересней. Как же все надоело.

Ужин попросили подать в кабинет, гостей ожидали только на днях. Как всегда, от долгого хождения болели ноги и спина, время было уже позднее, я решила рискнуть и пойти в сауну.

Лежа на прогретых досках парной, вдыхая полными легкими этот горячий воздух, я реально кайфовала. Тело покрылось испариной, найдя на полке лавандовое масло, налила на ладони. Провела руками по бедрам вверх, задевая грудь, шею и снова вниз, как же хорошо, мыслей ноль.

Руки скользят по горячей коже, так медленного, глаза закрыты. Развожу бедра, прикасаюсь себе между ног, так плавно и не спеша.левой рукой сжимаю грудь. Перед глазами настойчивый взгляд Егора, хм... он стал уже Егором, мои прикосновения становятся настойчивей, проникаю между

складочек, задевая такой чувствительный клитор, лаская его круговыми движениями.

Его рука, сжимающая бокал, там, в кабинете, его руки по моему телу. Как же хорошо, выгибаю спину, с губ срывается стон, дыхание обрывается, слишком горячо, слишком жарко...слишком близко. Картинка резко меняется...другие глаза, другие руки и бокал, летящий и разбивающийся о стену около меня.

Твою мать...нет, отдергиваю руки и закрываю ими лицо. Пытаюсь восстановить дыхание, но слишком жарко, слишком часто и так гулко стучит сердце.

Руки трясутся, нахожу брошенное полотенце, кое-как прикрываюсь, голова слегка кружится, на слабых ногах выхожу из парной, хочется сесть, а больше всего— вдохнуть холодного воздуха. Просто чего-то холодного, чтобы остудить тело и унять сердце.

– Вера! Вам плохо?

Господи, он-то здесь откуда?

Глава 5

Егор

Какая острая на язычок попалась дамочка, так и хочется все ее слова размазать по пухлым губам. А это ее: «Что-то еще? Указания? Пожелания?». Язва.

Извожу себя на беговой дорожке, почти первый час ночи, прокручиваю в голове минувший день и все чаще цепляюсь за такие порочные губы новой экономки. Хороша, ничего не

скажешь. Такая холодная, отстраненная, не удивлюсь, если фригидная— с таким-то характером.

Спускаюсь в сауну, горит свет, сбрасываю футболку, иду в парную и замираю на месте. Сквозь прозрачную дверь виден полог парной, на нем женщина, точно женщина. Это Вера? Точно, Вера. Ее руки скользят по влажному телу, сжимают грудь, она размазывает по себе масло, кожа блестит в свете тусклых ламп.

Я, наверное, не видел за свою жизнь ничего более сексуального и возбуждающего, член болезненно дергается, желание подкатывает так быстро и неотвратимо. Вера разводит ноги, трогает тонкими пальцами влажные складочки, совершая плавные круговые движения. Ей хорошо, спина выгибается, а я сейчас начну выть.

Понимаю, что надо уйти, но я словно врос в кафель. Рука тянется к паху, я что, сейчас буду трогать себя? Мастурбировать на то, как кончает моя экономка? Вера издает стон, но быстро отдергивает руки и закрывает лицо.

Все, надо уходить, делаю несколько шагов в смежное помещение, стараюсь переварить то, что сейчас увидел и свою реакцию на это.

Были женщины, которые откровенно ласкали себя передо мной, иногда об этом просил их я. Но никогда это не было так откровенно подсмотрено, никогда не было таких эмоций на живое удовольствие, которое она получала. Было красиво, безумно красиво, ее кожа, покрытая маслом, закрытые глаза

и стоны.

Выхожу из своего укрытия, Вера открывает стеклянную дверь парной, шаг неровный, она еле прикрывает тело полотенцем и держится за шею, словно ей не хватает воздуха.

– Вера! Вам плохо? – быстро подхожу, поднимаю на руки, несу в комнату отдыха, чтобы положить на диван.

– Откуда вы здесь? – она не сопротивляется, но выглядит очень уставшей.

– Я живу здесь. Воды?

– Да, спасибо.

Опускаю девушку на диван, вкладываю в руку бутылку с холодной минералкой. Она жадно пьет воду, та стекает по подбородку, на почти не прикрытую грудь, ее дыхание восстанавливается, она поднимает глаза и смотрит на меня.

– Спасибо, и не надо на меня так смотреть. Я не была при смерти, наверное, всего лишь скачок давления, так бывает.

– Вообще-то, вы передо мной почти голая.

– Извините, – она кутается в полотенце, но оно небольшое, прикрывает грудь и середину бедра, у нее шикарные ноги. Губы и ноги.

– О вашем здоровье мы поговорим позже, – присаживаюсь рядом, всматриваюсь в ее глаза, там нет кокетства и игры, ей на самом деле неудобно. Убираю волосы ей за ухо, беру за подбородок и поворачиваю к себе.

– У тебя такие красивые губы, – голос слегка хрипит, хочется провести по ним большим пальцем, узнать, насколько

они мягкие и влажные, она сглатывает, я смотрю, словно замороженный, а стояк как был, так и остался.

– Не надо.

– Что не надо?

– То, что вы сейчас хотите сделать. Не надо.

Голос ровный, еле слышный, даже какой-то отстраненный, смотрю в глаза, а в них стоят слезы.

Долбанный извращенец, какая же ты скотина, Воронцов, запугал девочку, а она ведь совсем девочка, ей не дашь возраст по паспорту. Без косметики, смотрит со слезами на глазах, прикусывая губы.

– Простите, Вера, не хотел вас напугать, – беру свое полотенце, накидываю ей на плечи.

– Это вы извините за этот инцидент и мою реакцию, я пойду.

Она встает и, не оборачиваясь, уходит. Да, Воронцов, умешь ты соблазнять женщин. Что-то с ней не так, то дерзкая и острая, то безумно сексуальная в своих ласках, то ранимая. Ее хочется жестко трахать и нежно целовать одновременно. Ты не глупый мужик, Воронцов, думай, а потом делай, но это правило совсем не работало сегодня. И оно совсем не работает рядом с Верой.

Сколько за свою жизнь я встречал женщин без фальши и притворства? Которым от тебя не было что-то нужно? Не припомню таких. Хотя сам считаю, что товарно-рыночные отношения прочнее чувств и какой-то там любви. Я даю на-

дежность, достаток, исполнение желаний, мне дают секс и верность, пожалуй, верность – самый важный пункт, не потерплю измен и обмана.

Сажу на том же диване в сауне, злюсь на самого себя. Чувствую, что-то не то с девочкой, строит из себя сучку, а сама словно беззащитный котенок. Беру телефон, нахожу контакт и жму «вызов».

– Морозов! Если не сплю я, то не спишь и ты. К вечеру наркой мне всю информацию на Стрельникову, – услышав Морозовское «хорошо», сбрасываю.

Глава 6

Вера

Стоило ему заговорить о моих губах, и все полетело в пропасть. А ведь он меня волновал, его близость, его прикосновения, это движение, как он заправляет мне волосы. Такой взгляд, без похоти и голода, лучше бы он молчал.

Он горячий, он очень горячий, но рядом с ним успокоилось сердце. В глазах, таких черных, забота и тревога. Не стоило думать о нем и фантазировать, но даже в моих фантазиях больше чистоты, чем в прошлой жизни. Это прошлое не дает расслабиться.

Нет, я вовсе не считаю себя жертвой насилия– психологического разве только. Мне слишком долго вбивали в голову, что я бесполезна и никчемна, что моя задача ублажать мужа, рожать детей и красиво стоять рядом с закрытым ртом. Я так устала сопротивляться и биться о бетонную стену непонима-

ния, что смирилась и просто молчала.

Почти два часа ночи, сна нет, за окном метель, ветер швыряет снег в стекло. Я ушла в такую же ночь почти два года назад, нет, я не выбирала специально число, просто знала: время пришло. С погодой повезло, из-за метели не принимал аэропорт, я услышала случайно разговор охраны, еще днем. Самолеты разворачивали в соседнюю область, значит, Толя приедет не скоро, не помчится по трассе в ночь, заночует где-то там – с парой шлюх, под дозой алкоголя или еще чего.

Я не собирала вещи, даже обручальное кольцо так и осталось лежать в ванной, на полке. Взяла только то, что влезло в женскую сумку, смену белья, наличные деньги и чужой паспорт. Было опасно брать много денег, но я понимала, что придется где-то жить, а за это надо платить.

Мой побег не был спонтанным решением, надо было сделать это еще раньше. Но тогда еще был жив дядя Геша, хоть я и пыталась донести до него всю утопию нашего с Анатолием брака. Но единственный мне близкий человек ничего не хотел слышать.

«Доченька, так будет лучше и хорошо для всех», – говорил он. Да, всем было лучше и хорошо, только не мне.

Охрана отвезла меня в торговый центр, там я была очень часто, изучая все камеры и выходы. Пройдя как можно незаметнее к одному из черных ходов, вывернула куртку на другую, более темную сторону, накинула капюшон, спрятав длинные темные волосы, я шагнула в темный переулок на-

встречу колючему снегу и своей новой жизни.

Охрана хватится не скоро, часа через три, они знают мои привычки. Пары часов хватит на то, чтобы перевернуть весь торговый центр, еще час на изучение записей с камер. Звонить своему хозяину сразу не станут, боятся, будут бегать до утра, рыскать по городу, как шакалы. А за это время мне нужно как можно дальше быть от них и от гнева их хозяина.

Стоя в туалете вокзала с купленным билетом на имя Стрельниковой Веры Васильевны, я обрезала свои длинные волосы. Мне не было их жалко, как не было жалко своей прошлой жизни. Обидно, да, но не жалко. Обида на саму себя за то, что была безвольной куклой и позволяла слишком многое. За то, что была бесхребетной овцой, понимая, что так жить нельзя, но все равно жила. По щекам катились слезы, волосы падали в раковину, мне было хорошо.

Больно, но хорошо.

Под стук колес, в снежную ночь, поезд уносил меня в соседний крупный город. Смысла прятаться по маленьким пригородам не было, в крупном легче затеряться, есть дешевые хостелы и работа, не требующая документов. Паспорт есть— и ладно.

Мне нравилось моё новое имя Вера, я теперь просто обязана верить в себя, в свои силы, верить в свое новое будущее, каким бы оно ни оказалось. Краем сознания я прекрасно понимала, что бегать долго не получится. У Толи слишком мало терпения и слишком много злости. Изнасилует всю охра-

ну, их-то мне не жалко, поставит раком полицию, а потом в ход пойдут излюбленные методы – бандитские связи.

Он может решить, что я не сбежала, а меня похитили, такое вполне возможно, если учесть, чьей законной женой я являюсь. Кто оказался таким дерзким и бессмертным, муж долго будет гадать.

Я ехала на север, Толя знал, как я не люблю холод, и, скорее всего, поиски пойдут южнее. Город, что меня встретил первым на моем пути в новую жизнь, был довольно милым. Сменив куртку на пуховик и осветлив волосы в первом попавшемся салоне красоты, снова двинула на вокзал. Ехать надо дальше, так прошли три моих пересадки, и я, уставшая от дороги, решила: все, хватит.

Я пробыла в этом городе три месяца, устроиться в кафе официанткой не составило большого труда. После рассказанной истории об украденных деньгах и почти всех документах меня взяли. Так начался мой первый трудовой опыт в двадцать пять лет.

Не скажу, что было трудно, раздражало излишнее внимание клиентов и управляющего. Кафе было среднего уровня, менеджеры ближайших офисов звали на свидание, студенты просили телефончик. Я загружала себя работой, чтобы потом валиться от усталости на кровать и просто спать без снов и страхов в съёмной гостинке.

Первый самый мерзкий момент был от управляющего, он-то придирался к работе, то грозил штрафами, то дарил цве-

ты и звал в кино. Мои тактичные и вежливые отказы заводили его еще больше, дело дошло до попытки изнасилования в его кабинете.

Пухлые ладони скользили по бедрам, задирая юбку, весь вспотевший, мокрыми губами целовал шею, прижимая меня к стене. Я как-то опешила первое мгновение, напал ступор от мерзости происходящего, а потом я начала дико отбиваться и кричать, истерика накатила внезапно, меня всю трясло. Управляющий отшвырнул меня к двери, больно ударилась плечом, кое-как выбралась, не понимая, что со мной.

Меня трясло, сердце надрывалось в грудной клетке, не хватало воздуха. Кое-как придя в себя на кухне, выпив два стакана воды с накапанным любезной посудомойкой пустырником, я ушла домой, понимая, что сюда я больше не вернусь.

Спустя два дня утренний рейс автобуса привез меня в другой город. Но таких моментов потом было много, меня напрягало излишнее внимание мужчин. Они были разные, кто-то предлагал секс и содержание, кто-то руку и сердце, меня это больше пугало, чем льстило. Я считала, что не имею право на нормальные отношения. Я и не знаю, какие они— нормальные.

Я не могла расслабиться и позволить себе просто жить, получать маленькие радости, которые имеют такое большое значение. Ходить на свидание с понравившимся парнем, завести подруг. Я была одна, всегда одна.

Глава 7

Вера

Глеб меня смешил. Мы стояли на том же крыльце, курили уже вдвоем, рядом работала снегоуборочная машина, снега навалило так, что пришлось выводить ее в бой. Она шумела, снег мелкими искрами летел на нас, оседал на черном пальто, мы опять как люди в черном.

Глеб мило щурился от солнца, смотрел на меня, рассказывал какие-то смешные случаи из жизни, а я реально за все это время искренне смеялась.

– Вы очень милый, Глеб. Я считала вас другим, более заносчивым.

– Я тоже считал вас другой, что вы не умеете улыбаться и вообще склочная дамочка. И давай на «ты», не люблю весь этот официоз.

– Хорошо, давай, – я легко соглашаюсь, потому что, по сути, с ним легко. Он сильный, надежный, я бы хотела, чтобы у меня был такой старший брат.

– У меня есть предложение, я приглашаю тебя на свидание.

– Свидание? – я была слегка удивлена, нет, не самим фактом предложения, меня звали, и не раз, но я никогда не принимала эти предложения. Я вообще никогда не была на свиданиях. В теории я знала, как это происходит, но дело в том, что я хотела бы пойти на свидание именно с Глебом, но как это будет, не представляла.

– Да, свидание, хотя мы в глуши, и этот особняк как центр цивилизации в тайге, но я что-нибудь придумаю. Соглашайся, Вера!

Глеб был в меру настойчивым и безумно обаятельным с этой мальчишеской улыбкой и искрящимися голубыми глазами.

Разговор прервал сигнал автомобиля у центральных ворот. Нам было видно только часть заезда, ехал белый «Мерседес», плавно объезжающий большую центральную клумбу. Из-за неубранного снега машина остановилась чуть дальше. Водитель заглушил мотор, обошел автомобиль и открыл заднюю дверь. Вышла девушка – бежевые сапоги на огромной шпильке, кожаная короткая юбка, розовая шубка и облако белокурых кудрей.

– Почему не розовый? – мой вопрос просто был в никуда.

– Розовый? – переспросил Глеб.

– Да, почему автомобиль не розовый? – указала в сторону гостыи и ее авто.

– Да, шутка хорошая, я передам шефу, – Глеб искренне рассмеялся.

– Не стоит, сомневаюсь, что он поймет юмор. У нас гости? – я вопросительно посмотрела на Глеба.

– Надеюсь, она ненадолго, это Снежана, девушка Егора Ильича, – с легким пренебрежением ответил Глеб.

Тем временем девушка Егора Ильича чинно прошагала в дом и скрылась за дверью. Да, дела интересные, не думала,

что у Егора Ильича такой своеобразный вкус, хотя кто я такая, чтобы судить о вкусах?

У Глеба затрещала рация, охрана не могла решить какие-то вопросы без предводителя, он извинился и ушел. О свидании забылось, странно, но испортилось такое хорошее настроение. Я пробыла на крыльце еще минут пятнадцать, было не так уж и холодно, солнце скользило по верхушкам заснеженных кедров, искрилось.

Зайдя в дом, сразу натыкаюсь на чью-то твердую грудь, на рефлекс опираюсь руками, под тонкой рубашкой горячая кожа, пальцы покалывает от этого тепла. В нос ударяет запах, что-то цветочно-восточное, а еще коньяк и ваниль. Поднимаю голову и вижу черные глаза Егора, он в очках, ему безумно идет, придает солидности.

– Извините, – делаю шаг назад и в сторону.

– Где вас носит, Вера Васильевна? – он чем-то рассержен и взвинчен.

– Я была на улице.

– Да, вы были с Морозовым и мило улыбались, я видел. Так вот, вы здесь на работе, а личную жизнь устраивайте в свободное от работы время.

– Егор Ильич, я откровенно не понимаю ваших претензий. Моя личная жизнь никак не касается ни вас, ни работы. А если у вас есть претензии именно по работе, я рада их выслушать, если они конструктивны и по существу.

Мы смотрели друг на друга так, что только искры не лете-

ли. Его странные претензии, моё непонимание этих претензий. К нему вообще приехала девушка, она сейчас должна активно снимать стресс, а он злой и мечет в меня молнии.

– Что вы хотели? – я первая начала диалог, он смягчил взгляд, но в сторону не отошел.

– Я хотел спросить, как вы себя чувствуете? Но судя по тому, как вы улыбались Морозову и смеялись над его шутками, у вас все хорошо.

– Да, все хорошо, спасибо за заботу. У вас, я видела, гости, ужин накрывать на двоих? – тактично перевожу тему.

– Я сообщу позже, – резко разворачивается и уходит, унося с собой аромат и грозу, что сверкала над нами.

Остаток дня прошел без эмоциональных скачков, ужин все-таки подали на двоих. Я старалась не думать ни о Егоре, ни о его госте, ни о том, чем они могли сейчас заниматься. В душе был некий раздрай, хотелось чем-то себя занять и отвлечь. В дверь комнаты постучали.

– Вера, я обещал тебе свидание, ты готова? – Глеб стоял на пороге моей комнаты и держал в руке белую розу.

Это было очень трогательно, прижав руки к груди, я смотрела на этот цветок, как на что-то нереальное. Чувствую, что краска приливает к лицу, краснею от смущения, как девочка.

– Ты так смотришь, словно тебе ни разу не дарили цветов, – Глеб подходит ближе, заглядывает в лицо, хмурит брови. – Вера, я подарю тебе еще много цветов, обещаю.

– Тамара Степановна называет тебя Глебушка, можно я

тоже так буду тебя называть? – лукаво улыбаюсь и принимаю розу.

– Я подумаю. Ну что, идем на свидание?

– Идем.

Глава 8

Егор

Снежана возникла, как всегда, неожиданно, ее никто не звал, но она приехала. Несколько звонков и моё категорическое «нет» её не остановили.

– Егор, я так скучаю, так скучаю, но ты совсем обо мне забыл. Зачем ты приехал в эту глушь, я ехала почти час по трассе, все дороги занесены метровыми сугробами. Почему нельзя поехать отдохнуть не в лес, а на море, туда, где жарко, где будем только ты и я?

– Здесь тоже, Снежана, только ты и я. Что тебя не устраивает, если ты, как говоришь, скучала? И вообще, я тебя не звал, ты сама приехала.

– Какой ты грубый, Егор, – девушка надула губки и отвернулась к окну.

Снежана реально раздражала, её манера говорить, как капризная девочка, её образ, эти слишком выбеленные волосы, откровенный и вызывающий вид. Такое чувство, что я был слеп, а сейчас резко прозрел и увидел всю эту нелепицу, из которой состояла буквально вся Снежана.

А ведь она меня возбуждала, её готовность везде и как угодно принять мой член в себя. Она никогда не говорила

«нет», а мне не нужно было её согласие. Словно кукла. Да и сама похожа на куклу, дорогая, но уже надоевшая кукла.

Не понимаю, что вообще так долго делает эта девушка в моей жизни. Устал. От ее истерик, претензий, неожиданных появлений, безумных ночных тусовок. Масло в огонь моего настроения подлил перекур Морозова и Веры, я прекрасно видел из окна кабинета их милую беседу, то, как Вера открыто смеялась.

Я хотел, чтобы она так улыбалась со мной, улыбалась именно мне, видеть свет в ее глазах, а не слезы паники, как вчера. Я злился на Морозова и Веру, на Снежану, которая начала бесить и раздражать, самое главное, злился на самого себя.

Вера меня волновала, я не знал о ней практически ничего, но она притягивала. Морозов ничего не нарыл, родилась, жила, училась, все в далеком от нас городе. Что привело её к нам – неизвестно, было даже фото, правда, отвратительного качества, сканированное с какого-то документа, зачетка или студенческий билет. Молодая девушка с длинными волосами и челкой, на снимке с трудом можно узнать Веру.

Никогда не задумывался о том, что пора заводить семью и детей, как это делают мои знакомые. Не считаю, что семью нужно заводить, как собаку или кота, создавать – да, что-то свое, родное, чистое и светлое. Строить по кирпичикам основу и фундамент своей жизни, крепкий фундамент.

Но я всё равно не думал об этом. Считал себя одиночкой,

но не гордился этим и не говорил на каждом углу. Не понимал тех мужиков, которые теряли голову и совершали глупости от внезапно накрывшей любви. Любил ли я когда-то?

Потеряв всю семью в восемнадцать лет, сам строил свою жизнь, капитал, бизнес. Много чего было, первые взлеты, жёсткие падения, изматывал себя, изводил, поднимался и шёл дальше. Дикий график, в нем не было места семье. Родители погибли в автомобильной катастрофе, ехали на машине в Крым.

Фура вылетела на встречную полосу, водитель заснул за рулем. Мама так долго ждала своего отпуска, накупила новых платьев. Я не поехал, сдавал экзамены в институте, не сдал, не пошел сдавать и после этой страшной новости. Моя семья, то, что я действительно любил, умерла тогда, под раскоряченной грудой железа, а другую я не хотел.

А сейчас что-то необратимо меняется. Точка отсчета этого изменения во мне – Вера. Её подставленное ноябрьскому солнцу лицо, тень от ресниц на бледной коже и эти полные соблазна чувственные губы. Хочу, чтобы она улыбалась только мне, стонала, как тогда в сауне, но только подо мной.

Не дослушав нытье Снежаны, срываюсь вниз, в крыло прислуги, хочу выйти на улицу, но Вера заходит навстречу, сталкиваясь со мной. У нее очень холодные руки, чувствую этот холод через ткань, а я словно горю от её прикосновения. Она пахнет морозом и немного сигаретным дымом, поднимает на меня глаза, а меня несет, я говорю совсем не то, что

хотел сказать. В итоге дергаюсь и ухожу. Какой кретин.

Я приехал за город отдохнуть, но загружаю себя работой допоздна. Снежана уже спит, после нескольких попыток заняться сексом и соблазнить своим телом она утомилась и заснула. А я не хочу, ничего не хочу, ни её тела, ни умелых рук и губ. Стало резко не хватать других, иных эмоций, давать свою заботу не в обмен на что-то, а просто так, потому что мне хочется.

Пошел искать Морозова, надо срочно поговорить. В другом крыле особняка был полумрак, из кухни лился ровный свет, но тоже приглушённый. Стоя на пороге, я решил, что у меня галлюцинации, снова Вера и снова Морозов. Никогда не видел начальника своей службы безопасности в компании девушки, считал его отъявленным холостяком, а тут девушка, и эта девушка Вера— моя Вера. Странно, что она так быстро, буквально за доли секунды, стала моей.

Они о чем-то тихо разговаривали, сидя на другом краю большого обеденного стола, что ближе к окну. Перед ними открытая бутылка вина, два бокала, фрукты и белая роза, как яркое пятно на темной поверхности стола.

А вот это уже интересно. Морозов оказался умнее меня: вместо того, чтобы страшать и рычать на девочку, как это делал я, он включил романтика, молодец. А ты, Воронцов, стой, смотри и грызи себя изнутри, учись, как нужно ухаживать за женщинами, или пойди и примени Снежану по назначению. Нет, не хочу, да и мешать людям не буду.

Глава 9

Вера

Утро выдалось спокойным, все шло своим чередом. Чашка кофе грела ладони, на улице опять шел снег, но он был таким сказочным, большими хлопьями падал на голубые ели. Мне бы радоваться, но на душе тоска и тревога.

Вчерашние посиделки с вином в полумраке кухни, называемые свиданием, прошли довольно мило. Глеб больше спрашивал меня о моей жизни, где училась, чем увлекалась. Все чаще ловила себя на мысли, что это деликатный допрос.

– Ты позвал меня на свидание, чтобы узнать, как и где я жила? – как-то не очень мне нравился ход нашей беседы.

– Нет, что ты, Вера, нет, конечно, хотя это нормальное желание – узнать о вкусах и увлечениях понравившейся девушки.

– Хорошее желание, но слишком настойчивые вопросы.

Мы выпили по бокалу вина, Глеб проводил меня до комнаты, сделал попытку поцеловать, что странно, у меня это не вызвало паники или тревоги. Мужчина был милым, но не более, меня не волновало его присутствие рядом, не волновал его запах. Он так по-мальчишески смутился, извинился и ушел.

Какое все-таки странное впечатление производят люди при первой встрече. Я посчитала Глеба грубым, беспринципным, резким, а на самом деле он приятный, даже заботливый мужчина. Хотя я могу ошибаться, очень сильно ошибаться.

– Доброе утро, Вера, – Егор стоял у входа на кухню, сегодня без костюма, на нем темный джемпер и джинсы. – Как прошла ваша ночь?

– Доброе утро, Егор Ильич, спасибо, хорошо. Надеюсь, и ваша прошла прекрасно.

Мне совершенно не хотелось отвечать колкостями на его странные намеки о проведенной мной ночи.

– Как ваше здоровье?

– Не надо так активно интересоваться моим здоровьем, будто оно вас и правда заботит. Почему вам хочется постоянно меня задеть и унижить? То предлагаете быть проституткой, то интересуетесь, как я провела ночь. Что это, личная неприязнь? Или вам просто не с кем поговорить?

Слушая мою гневную речь, Егор подходил все ближе, неспешно, пока не остановился так близко, что я могла уловить аромат его парфюма, опять эти нотки коньяка и ванили.

– А ты такая язва всегда или только со мной? Скорее всего, только со мной, с другими ты милая и приветливая, – заглядывает в глаза, а я так неотрывно смотрю на него.

– Я совершенно не язва, – скользнула взглядом по его лицу, он снова небрит, волосы слегка в беспорядке, глаза уставшие, будто не спал всю ночь.

– У тебя очень богатая фантазия, я не хочу и не пытаюсь тебя задеть, ты все воспринимаешь слишком буквально.

– Тогда что вы пытаетесь?.. – он слишком близко, от него столько жара, берет из моих рук чашку, ставит на стол.

– Я пытаюсь тебя поцеловать, а ты показываешь свой остренький язычок.

Рука обхватывает мою шею, пальцы зарываются в волосы, он неотрывно смотрит на мои губы, я– на его, и тут меня накрывает волна, он, словно цунами, сносит все мои панические атаки, он целует, целует жадно, жарко, пробуя на вкус губы, слегка покусывая.

Врывается языком в рот, и меня уносит так далеко, даже не надо отвечать на поцелуй, он пьет моё дыхание неотрывно и жадно. Из горла вырывается стон, мне нечем дышать, хочется глотнуть воздуха, но я так боюсь, что он остановится, и это безумие прекратится. Оказывается, поцелуй может быть таким властным, подчиняющим, но до безумия желанным.

Хочется ещё и ещё, мои руки на его груди, пальцы сжимают джемпер, притягивая к себе. Сама кусаю в ответ его губы, я словно падаю с обрыва в эти новые ощущения, мне страшно, по телу мурашки, но мне так безумно хорошо.

Егор отстраняется и с каким-то надрывом шепчет мне в висок: «Все, моя хорошая, тихо, надо остановиться, иначе я возьму тебя прямо здесь».

Мы оба тяжело дышим, я отворачиваюсь к окну, пытаюсь прийти в себя, снаружи идёт снег, а у меня перед глазами сплошная белая пелена. Мозг хаотично соображает, что в доме девушка Егора, что он спал с ней эту ночь, а сейчас целует меня. Это что, такая прихоть? Я не знаю, как реагировать в таких ситуациях, потому что у меня не было таких ситуаций

никогда.

Все путается – чувства, эмоции, мысли. Я целовалась с чужим мужчиной, этот мужчина мой работодатель. Служебный роман и адюльтер. Прекрасно!

На кухню вваливается Морозов, весь в снегу, жмет руку в приветствии Егору, тут же улыбается мне, я киваю в ответ.

– Что здесь происходит? Вера? – Глеб обращается ко мне, осматривая с ног до головы, словно пытаясь что-то уловить. – Егор, там Снежана везде тебя ищет, – показывает в сторону двери.

– Спасибо, – кивок готовы, Егор уходит, даже не посмотрев на меня.

– Да и мне пора, – надо быстрее покинуть это помещение, оказаться подальше от Глеба и его вопросов, которые он точно начнет задавать.

Глава 10

Вера

Ну и дела! На горизонте так отчетливо маячит перспектива стать любовницей хозяина этого особняка. Эта перспектива семимильными шагами приближается ко мне, чтобы взять за руку и увести прямо к нему в постель.

Там место уже нагрето, Снежана постаралась, так и вижу ее белокурые кудри, разбросанные по темному шёлку белья, и приглашение составить компанию. Фу, как-то мерзко.

Господи, да что со мной? То впадаю в хандру и истерики, то краснею, как восьмиклассница при первом поцелуе.

За столько времени выживания одной я должна была нарастить защитный панцирь, перестать эмоционировать и давать волю чувствам. Чувства заведут далеко, а дорога назад станет слишком болезненной.

Моя самоирония и вера в то, что хуже уже не будет, всегда спасала. А здесь я не знаю, как быть, что будет дальше, и самое главное, что мне делать. Не покидает ощущение тревоги и приближения чего-то необратимого.

День прошел спокойно, не считая того, что очень надрывно лаяли собаки. Они были не так близко, но их лай был слышен везде. В доме появилось больше охраны, они практически не обращали на меня внимания, кто-то ужинал, люди приходили и уходили. Очень рано стемнело, небо было без туч, с яркими звездами. Я снова на крыльце, кутаюсь в пальто, воздух морозный, в свете фонарей блестит снег.

Из-за темного угла дома вышли две мужских фигуры, одна чуть крупнее в пальто нараспашку, шаг твердый и широкий, другой чуть меньше, в куртке и военных берцах, под их шагами хрустит снег. Я смотрю на их приближение и начинаю волноваться. В свете фонарей я узнала Егора и Глеба, но спокойней не стало.

– Вера, ты почему здесь? – Егор подходит ближе, берет за локоть и тянет в дом. – Ты вся холодная, завтра закрою эту дверь на замок, чтобы ты не выходила на мороз.

Я смотрю то она одного, то на другого мужчину, Глеб провожает нас взглядом, странно смотрит в спину своего шефа

и уходит в сторону ворот.

– Пойдем, Вера, ты ледяная вся.

– Прекрати меня куда-то тянуть. Что случилось?

– Ничего, что могло бы тебя волновать, пойдем со мной.

– Куда?

– Просто пойдем, я хочу, чтобы ты была рядом, – голос усталый и взволнованный, его горячая ладонь сжимает мою холодную руку.

Егор тянет меня по коридорам, мимо просторного холла в свой кабинет. Здесь полумрак, горит только торшер в углу. Снимает пальто и помогает снять мне, в баре наливает два бокала чего-то темного – явно спиртного, и один из них протягивает мне.

– Пей, иначе точно простынешь.

– Я не пью такое крепкое, – пытаюсь отодвинуть бокал.

– Пей, иначе пойдешь со мной в горячий душ, – пристально смотрит на меня и все-таки впихивает бокал в мои руки.

– Спасибо, – делаю небольшой глоток, за ним побольше, жидкость обжигает горло, но мне приятно, в груди разливается тепло.

– Вера, то, что случилось утром на кухне...

– Не надо, – я перебиваю Егора. – Это случилось, и такого больше не должно повториться.

– Ты опять не даёшь мне договорить.

Он снова очень близко, делаю последние два больших глотка из бокала, не знаю, куда его деть, Егор, не глядя, бе-

рет и кидает его на пол. Но он не разбивается, а только глухо ударяется о ковер.

Все происходит очень быстро и стремительно, его губы на моих губах, его язык сплетается с моим. Его хриплый стон в ответ на мой. Так настойчиво двумя руками держит мое лицо, притягивает к себе и целует, целует. В нем столько голода и страсти, толкает меня к окну, на подоконник.

Руки спускаются по плечам, на спину, Егор гладит её, сминная ткань, опускается на талию, бедра, до колен, пытается развести ноги. Головой я понимаю, что надо сказать «нет», надо оттолкнуть, но я не могу, да и не хочу. Впервые после мужа нет паники, нет страха, нет истерики. Этому мужчине словно место между моих ног, только его губам место на моих.

Целует висок, мочку уха, спускается на шею, такие томительные, такие сладкие поцелуи, обнимаю за плечи, поднимаю его лицо, сама нахожу губы и целую с таким же голодом.

Егор развязывает тесемки на платье, распахивает его в разные стороны, нехотя отрывается от губ и смотрит на мое тело в скромном белье телесного цвета. На каких-то старых рефлексах пытаюсь прикрыть живот, он некрасивый, там шрам, а под рёбрами еще один, но он словно ничего этого не видит, очень быстро скользит по груди.

– Ты же понимаешь, что я не остановлюсь, ведь так, Вера, – это даже не вопрос, а утверждение.

Я только сглатываю и прикусываю губу.

– А вот так не надо делать, – в глазах вспыхивают огни, он снова набрасывается на мои, уже припухшие от его поцелуев, губы.

Где-то внизу раздастся треск моего порванного белья, его горячие пальцы скользят по уже возбужденной плоти, развожу ноги шире, он снова хрипит мне в губы, что-то говорит. Я ничего не понимаю, его пальцы творят какую-то долбаную магию с моим телом.

Я пьяная, я точно пьяная– от его поцелуев, от его аромата, я пропитана вкусом алкоголя с его губ, живот стягивает тугим узлом, там, внизу, так горячо. Поцелуи по шее, звук пряжки ремня, его пальцы во мне, а мне мало воздуха, слишком мало.

– Черт, какая же ты мокрая и узкая, не могу больше, маленькая, не могу.

Его пальцы выходят, распахиваю глаза, смотрю на Егора, он словно не видит ничего, размазывает членом по мне мою же влагу, задевая такой чувствительный клитор, толкается вперед, я смыкаю ноги у него за спиной.

Его руки на моих бедрах, тянет на себя, резкий толчок, и он во мне.

Наш общий протяжный стон, ещё движение, ещё, боже, я не думала, что так бывает, движения медленные, но глубокие. Толчок...ещё, внутри закручивается спираль, тело начинает дрожать, ещё толчок, ноги слабеют, тело вибрирует всё больше.

Меня накрывает волна за волной, мышцы внутри сокращаются, я хочу быть еще ближе, прижимаюсь, надрывно дышу со стонами Егору в плечо, хватаюсь руками за джемпер, чтобы только не упасть. А меня словно накрывает лавиной, в ушах шум, я не слышу даже себя и своих сдавленных стонов.

– Вера, твою ж мать, – Егор ругается матом, резко вынимает член из моего все еще сокращающегося от оргазма лона, делает несколько движений рукой, кончая мне на живот.

Дышит тяжело, уткнувшись лбом мне в висок, я зарываюсь пальцами в его волосы, медленно поглаживаю затылок, закрыв глаза.

Глава 11

Егор

Вера ушла быстро, вот только была такой нежной, гладила тонкими пальцами по голове, перебирала волосы. Потом как-то собралась, запахнула платье, словно стыдясь меня, подхватила пальто с кресла и ушла. Я пытался остановить и помешать, держал за руку, но это вызвало только сопротивление. Она ушла.

Стою под душем, член болезненно ноет, словно и не было ничего. Это даже и не секс, какая-то вспышка, всплеск гормонов. Остро, ярко и чертовски мало. Вера безумно сексуальная, вспоминаю её рваное дыхание, как она дрожала всем телом и сокращалась внутри, сжимая мой член. Такая узкая, влажная, ловил её стоны, целуя эти порочные губы, не мог насытиться, так было мало.

Её мало.

После утреннего поцелуя на кухне решил поставить точку в отношениях со Снежаной. Не потому, что увлекся другой, я не мог понять свои ощущения рядом с Верой, да и не пытался в них разобраться. Вера другая, она совершенно другая, я не общался близко с такими женщинами, не ухаживал за ними. Вообще, в моих взаимоотношениях с противоположным полом было все предельно просто, женщины менялись не часто, но обозначались рамки и границы.

Последнее время Снежана подходила на роль эскорта и секса идеально. Она справлялась, но временами переигрывала, была капризной, требовала больше внимания, хотя прекрасно понимала, на чём построены наши отношения.

Поначалу она не поняла, о чем я говорю, впала в какой-то ступор, долго разглядывала свои руки, а потом так тихо прошептала: «Я же люблю тебя, Егор, я не смогу без тебя!»

По щекам текли слезы, губы дрожали, нервничая, она перебирала кольца на пальцах.

– Ты что, меня бросаешь?

– Снежана, пойми, тебя никто не бросает, потому что как таковых нас и не было, был секс и некоторые события, которые требовали присутствия рядом со мной женщины на мероприятиях. Нет и не было никакой любви.

– Я понимаю, ты хочешь других отношений, да? Тогда давай жить вместе, давай поженимся, я рожу тебе ребенка, Егор, ты ведь хочешь ребёнка? Все мужчины в твоём воз-

расте хотят продолжения рода, я знаю.

– Снежана, о чем ты? Какая из тебя мать? Да и жена? Ты сама себя слышишь? Нас больше ничего не связывает, всё, что я тебе подарил – это твоё, между нами всё.

– У тебя кто-то есть? – слезы мгновенно высохли, Снежана прищуривала глаза и пристально смотрела на меня. – Я её знаю? Точно, у тебя кто-то есть! Отвечай!

– Так, успокойся, или мне придется тебя успокоить, – я уже повышал голос. – Даже если бы кто-то был, тебя это не касается никак. Я вызову Глеба, он скажет парням, чтобы отвезли тебя в город.

– Егор, ну пожалуйста, что мне сделать, чтобы ты меня не бросал? – девушка медленно подходит ко мне, применяя все эти уловки роковой соблазнительницы, облизывает губы, гладит мою ширинку.

– Снежана, прекрати, ты выглядишь жалко, – отталкиваю её руки. – Ты молодая, красивая девушка, не лишенная определённых талантов, и встретишь ещё своего принца, это не моя роль.

Ну, не мастер я утешать девушек, да, вышло не совсем деликатно, но по-другому я не умею. Снежана уехала, поистерев и поплакав ещё час, припомнив все, по её мнению, мои косяки, на прощание сказала, что я еще об этом пожалею, но всё-таки уехала.

Позже охрана сообщила, что в тайге неподалеку от особняка были гости. Пришлось отправлять туда Глеба, прики-

дывать, кто же это мог быть, местные охотники, браконьеры или кто-то ещё, вот о «ком-то ещё» совсем не хотелось думать.

А потом была Вера, её такая холодная ладонь в моей, вел её в свой кабинет, хотел, чтобы она просто посидела рядом. Её такие тёплые и мягкие губы с привкусом коньяка, и я мгновенно опьянел, её телом, её запахом – шоколад и корица, её жаром и таким чистым, откровенным оргазмом на моем члене.

Включаю душ на контраст, стою под холодными струями, но внутри пожар и дикое желание этой женщины. Мог ли я в свои почти сорок так подсесть с первого раза на девушку, которую знаю всего несколько дней? Не могу понять. Даже пока не пытаюсь. Зря её отпустил, ушла, словно жалея о том, что произошло. Вера как закрытая книга, и у меня слишком много к ней вопросов.

Снова сидел до поздней ночи и прикидывал варианты, кто эти неожиданные гости, перепроверял документы по покупке одной крупной фирмы и дальнейшему её распилу. Могут ли быть связаны эти два события? Но все мысли возвращались к Вере. Хотел знать, что она любит на завтрак, как спит, где любит отдыхать, какая была в детстве. Все эти мелочи и глупости, которым раньше не придавал никакого значения, тем более уж в отношениях с женщинами.

Что её беспокоит и почему она чаще грустит, хочу знать, о чём она думает, а ещё хочу видеть её глаза, когда она будет

кончать, и слышать, как громко будет кричать в это мгновение. Хочу пить её оргазм с её мокрой девочки, такой открытой до предела передо мной...

И как только я начал засыпать в своих откровенно порнографических мечтах, на весь дом включилась пожарная сигнализация. Первое мгновение я ничего не понял, откуда шум и почему, как был, в одних домашних штанах, вышел в коридор, сигнализация надрывалась, свет везде погас, видимо, сработала система защиты, но дымом не пахло.

Возвращаюсь в комнату, хватаю телефон, быстро набираю Морозову.

– Глеб, что за представление? – спрашиваю, как только тот отвечает.

– В нашем крыле очень много дыма, – Глеб кашляет, говорит глухо, – практически ничего не видно.

Звонок сбрасывается, а я срываюсь как есть в другой конец дома. Бегу по тёмным коридорам, подсвечивая экраном телефона, на первом этаже чувствуется едкий дым, прикрываю лицо ладонью, пытаюсь задержать дыхание.

Сигнализация здесь слышна ещё громче, от нее закладывает уши. По кухне скользят лучи фонариков в чьих-то руках, не обращаю внимания. Через темный холл на второй этаж бегу к комнате Веры, сердце замирает. Дверь закрыта, плечом вышибаю её, Вера сидит на полу, схватившись за горло, сонная, в одной майке и шортиках. Смотрит на свет мобильного в моей руке, заваливается на бок и падает, теряя

сознание.

Глава 12

Вера

Как ни странно, после того, что произошло между нами с Егором, после нашего секса, кстати, первого почти за два года, я заснула очень быстро. Стоило выйти из душа, где смыла с живота и бедер его сперму, упасть на подушку, как меня накрыл сон.

Но спокойный сон длился недолго, в сознании так резко вспыхивало прошлое, отдельные яркие картинки, полные животной страсти и моего страха.

Толя берёт меня грубо, в его любимой манере, так, как его возбуждает больше всего. Я не сопротивляюсь, только подстраиваюсь под его ритм, иногда он замирает, словно смакуя происходящее, его руки становятся обманчиво-нежными, а губы мягкими.

В такие моменты я терялась, но потом снова были грубые толчки, его нарочно нежные поглаживания клитора. От этого я даже иногда испытывала какое-то болезненное и неправильное, по моим понятиям, удовольствие.

Толя так ехидно улыбается и шепчет: «Тебе ведь хорошо, моя птичка, я вижу, как тебе хорошо...не обманывай, что тебе не нравится то, как я тебя трахаю, и только я буду тебя трахать...всегда».

Он безумно любил брать меня стоя, сзади, напротив зеркала или окна, запрокинув голову и жадно целуя, ловя от-

ражение наших тел. Я словно безвольная кукла в его руках, он подчинял меня себе, приучал к своим безумным играм. Вдалбливал в меня не только свой член, но и свои привычки, то, как ему нравится больше всего меня иметь.

Я выучила за столько времени, в какой позе лучше всего стоять, под каким углом держать спину, чтобы проникновение было достаточно глубокое для него. Я всегда была не особо эмоциональна в сексе, и Толя так бесился, когда я не произносила ни звука, поэтому я научилась стонать, кричать, лишь бы он быстрее кончил.

Иногда он забывал обо мне на несколько недель, срывался, куда-то уезжал, мне было всё равно. Но потом возвращался, говорил, что скучал, набрасывался на мои губы, и все повторялось по кругу, его безумие и мои жалкие попытки сопротивления.

Можно ли назвать наш секс насилием? Кто-то скажет— да, а я не знаю. Я чувствовала, как он сдерживался, как его животная энергия рвалась наружу, готовая меня растерзать, но он держался. Он брал меня, словно наказывая, он бралто, что по праву принадлежит только ему. Он брал меня, свою жену. Разве тут поспоришь?

Мой страшный сон... его руки снова на моей шее, то сдавливают, то отпускают, мне практически нечем дышать, он душит ещё сильнее, с удовольствием и кайфом наркомана всматриваясь в мои глаза, я цепляюсь за его руки, но они так сильно меня держат.

Просыпаюсь от дикого кашля, хватаюсь за горло, дышать действительно нечем. Очень темно, сползаю с кровати, голова кружится, угарный газ проникает в легкие, в глазах слезы, они стекают ручьями по щекам. С треском распаивается дверь, яркий свет направлен на меня, и я теряю сознание.

Мне так холодно, тело дрожит, вокруг много шума, не могу открыть глаза. Кто-то кричит рядом, меня хлопают по щекам.

– Вера... Вера, очнись! – голос мужской, требовательный.

А я не хочу, ничего не хочу, не хочу снова в этот ад, телу так холодно, как тогда, в тот жаркий день. Вокруг тоже была беготня и паника, тоже выла сирена, как и сейчас, пытаюсь закрыть уши, чтобы больше не слышать её звук. Но мои руки отдергивают, прижимают к чему-то горячему, снова настойчиво зовут.

– Вера, открой глаза! Посмотри на меня! Вера!

Я снова сопротивляюсь, очень холодно, прижимаю руки к своему животу, как тогда, снова вижу, как сквозь мои пальцы сочится кровь, что-то горячее разливается между ног, и мне ужасно холодно.

– Вера, маленькая, посмотри на меня, Вера!

С трудом открываю глаза, передо мной Егор, на его лице испуг и злость. Он шарит взглядом по моему лицу, ощупывая его руками, заправляет волосы, вытирает слёзы. Притягивает к себе, так быстро и отчаянно целует куда придется – губы, щёки, глаза, гладит по голове, прижимает крепко

к груди.

– Все хорошо, хорошо, очнулась. Я уже не знал, что делать, Вера, я чуть не сдох, пока ты была в отключке. Хорошо, что я успел, это хорошо.

Обнимаю его за шею, всхлипываю, я так благодарна, что нет никакого кошмара, что всё в прошлом, что Егор рядом. Его жаркое дыхание в висок и поглаживания успокаивают.

– Егор, почему так холодно?

– Мы на улице, и тут холодно.

Только сейчас смотрю по сторонам, горят фонари, кругом бегают охрана, из дома воеет сигнализация, мы почти полуголые, Глеб сидит прямо на каменной дорожке в одних домашних штанах, я у него на руках, в шортах и майке.

– Что случилось?

– Не знаю, будем разбираться. Пойдем, надо в тепло, как ты, нормально всё?

– Да, вроде да, – Егор пытается встать со мной на руках.

– Не надо, отпусти меня, я сама могу идти.

– Сиди спокойно, сегодня я твой герой и сам донесу спасенную мной красавицу, буду ждать награды за спасения.

Все это произносится серьезным тоном, мои сопротивления бесполезны, он так и идет босиком по снегу, куда-то по дорожке, в сторону домика охраны. Парни расступаются, пропуская нас вперед, открывают двери. Он так и продолжает идти со мной на руках.

– Всем вон из дома, – кричит охране, – пока не узнаете,

что произошло, не приходите сюда.

Поднимается на второй этаж, ногой толкает дверь одной из комнат, здесь никого нет, идет дальше, это просторная душевая, ставит меня прямо в поддон и включает воду, она горячим потоком льёт на мою голову. Недолго думая, становится рядом, закрывая душевую кабину, ещё горячее настраивает воду. Он очень серьезный и сосредоточенный, не решаюсь ничего спросить, просто стою и смотрю на него.

Тянет меня к себе, крепко обнимает, горячие струи льются на нас сверху, обжигая кожу после холода улицы. Тело покалывает, вода стекает по нам и нашей одежде, я сама крепче обнимаю в ответ. Почему так хорошо? Почему я хочу, чтобы он спас меня от всего, как спас сейчас? Я так хочу, чтобы мне всегда было так спокойно и тепло, как в его руках.

Я снова плачу, но слезы смывает вода. Егор словно чувствует их, прижимает еще крепче. Его тело словно из камня, провожу руками по спине, по напряженным мышцам. Кожа гладкая, очень горячая. Он всегда такой горячий, что можно обжечься, скорее всего, со мной так и будет.

Запрокидываю голову, провожу пальцами по лицу Егора, его глаза закрыты. Медленно веду по лбу, темным бровям, ровному носу, останавливаюсь на губах, осторожно трогаю, пальцы начинают слегка покалывать. Встаю на цыпочки, медленно тянусь своими губами к его, прикасаюсь так нежно, кончиком языка слегка скольжу по ним. Егор стонет, открывает глаза.

– Ну, все, маленькая, теперь держись, моя очередь.

И меня вновь накрывает волна его голода, терзает губы, руки сжимают попку в мокрых шортах. Так сильно притягивает к себе, трется пахом и возбуждённым членом о мой живот, по нам стекают струи воды, она проникает везде, в глаза, в рот, мы словно этого не замечаем.

Так болезненно ноет грудь, Егор срывает с меня майку, толкает к стене душевой, он словно дикий ураган, его губы и руки везде, шея, чувствительные соски, он сосет один, а другой сжимает пальцами. Снова возвращается к моим губам, стягивая шорты вниз. Я так часто дышу, мой стон как отклик на каждое его прикосновение, вот его руки уже между моих ног, пальцы скользят по складочкам, проникая внутрь, ноги не держат, громкий стон.

Мои руки скользят по его телу, он очень большой, с рельефными мышцами, сама тяну вниз его штаны, высвобождаю член, он очень возбуждён, беру двумя руками, скольжу вверх, обвожу головку пальцами, затем вниз, глажу, сжимаю.

– Да, Вера, да... вот так...еще...сука...Вера...

Меня так заводят его откровения, я ласкаю его, он ласкает меня, проникая пальцами глубже, растягивая. Стоять трудно, внутри все горит и скручивает узлом.

– Не могу больше...Егор...– мой стон почти мольба.

Меня разворачивают спиной, наклоняют, руки упираются в мокрый кафель, над нами клубы пара, но я ничего не замечаю. Его член скользит по моим складочкам, заполняет меня

одним толчком. Кафель мокрый, мне не за что зацепиться, с каждым его движением во мне из груди вырывается глухой протяжный стон.

Сильные руки до боли сжимают бедра, держат, чтобы я не упала. Правая ладонь опускается вниз, находит мой набухший клитор, трёт его, а толчки становятся сильнее.

Сжимаю свою грудь, ощущаю приближение оргазма, он, как снежная лавина, сметает все мои мысли, тело начинает потряхивать, мышцы вибрируют, очередной толчок, и меня накрывает. Сердце готово вырваться из груди, Егор прижимает меня к себе сильнее, делает последний толчок, изливаясь внутрь. Я чувствую его пульсацию, от этого снова сжимаются мышцы, пронося по телу последнюю волну моего оргазма. Нет слов, нет даже эмоций, я опустошена. Разве так бывает?

Глава 13

Егор

Это было безумие, чистой воды безумие. Дикое желание и страсть обладать этой женщиной здесь и сейчас, а ведь не хотел её трогать после того, как вынес без сознания из задымлённого дома.

Не видел и не замечал ничего вокруг себя, только Верино бледное лицо. Так и сидел с ней прямо на улице, звал, слегка тряс ее. Она сопротивлялась, слезы бежали по щекам. Мне было страшно, реально страшно, что с ней может что-то случиться, так остро кольнуло сердце. Страх, мой страх

потерять её здесь и сейчас.

Она очнулась, не понимая, что происходит, потом так крепко обняла, и, наверное, именно в этот момент я пропал. Нёс босиком по снегу в домик охраны, гаркнул на всех, чтобы не заходили. В горячий душ, чтобы она согрелась, а потом меня уже нельзя было остановить, её тонкие пальцы на моих губах, такой невесомый поцелуй, и мы падаем с обрыва в пропасть.

Не знаю, что было потом, как дать название тому безумию, что происходило. Кому расскажи – не поверят, что за мои почти сорок лет такого секса у меня не было, мы даже не предохранялись, хотя это было основным пунктом всегда. Вера своими стонами срывала все преграды и нарушала правила.

После оргазма, от которого гудело в ушах и не держали ноги, плавно выхожу из нее. Разворачиваю, двигаю снова в сторону душа, стоим так под струями воды, молча, открываю кабину, вокруг клубы пара, нахожу большой банный халат, укутываю в него Веру.

– Иди в комнату, я сейчас, – подталкиваю Веру к выходу.

Сам быстро вытираюсь, спускаюсь на первый этаж, из шкафа беру бутылку коньяка, два бокала. Вера сидит на кровати, с мокрых волос вода стекает на халат. Наливаю в бокал спиртное, подношу к её губам, она пытается сопротивляться, но я заставляю сделать пару глотков.

– Это чтобы не простыть, ты же понимаешь?

Сажусь на другой край кровати, пью прямо из бутылки, коньяк обжигает горло, делаю еще несколько глотков, пока в груди не разливается тепло. Поворачиваюсь к Вере, а она уже спит, привалившись к спинке кровати.

Аккуратно поднимаю, чтобы уложить под одеяло, сама устраиваюсь рядом, чтобы только посмотреть на неё спящую. Лицо спокойное, ресницы слегка подрагивают, полные, так жадно мной зацелованные губы приоткрыты. Смотрю, и мне хочется прикоснуться к ним, но не решаюсь. Двигаюсь чуть ближе, только прикрываю глаза и проваливаюсь в сон.

Просыпаюсь от того, что меня кто-то трясет.

– Егор, проснись, – Вера настойчиво меня будит, трогая за плечо.

– Да, что случилось? – не могу сообразить, где я и что рядом делает Вера.

– Там, внизу, Глеб, я спускалась, чтобы попить, он хочет поговорить. Я, конечно, сказала, что ты спишь, но, видимо, что-то срочное.

Вера собрана, говорит без эмоций, будто ничего и не было. Туго завязан халат, она смотрит на меня и ждёт ответа.

– Да, хорошо, сейчас, – встаю, вижу, что совершенно голый, Вера, словно девочка, отводит глаза в сторону. Ей остается только залиться краской, и тогда точно сама невинность. Подбираю с пола покрывало, оборачиваю вокруг бедер, потираю лицо руками и спускаюсь вниз.

По Морозову видно – он не спал, и не спал уже давно.

– Ну, рассказывай, мой друг Глебушка, как наши дела и что это было за представление ночью, дом-то хоть цел?

– Дом цел, огня не было, сильное задымление, нашли три дымовых шашки, ну, те, что используют фанаты на матчах. Все три в левом крыле, две на первом и одна на втором.

– И что за фанат перепутал футбольное поле с моим домом?

– Выясняем.

– Камеры?

– Отключены.

– У нас завелась крыса?

– Не исключено. Скорее всего, да.

– Морозов, ты понимаешь, – я начинаю тихо закипать и повышать голос. – В моем доме, где херова туча охраны, ходит человек, который умеет отключать камеры и зажигает дымовые шашки, и заметь, чтобы не я задохнулся, а вы– вся охрана и персонал!

– Мы работаем, Егор, но это не всё.

– Что ещё?

– На подъезде к особняку, до поста охраны, нашли мертвых птиц.

– Это что, какая-то шутка?

– Не думаю.

– У птиц эпидемия, болезнь, что с ними, Глеб, почему я должен об этом думать, ну, решили они сдохнуть все у моего забора, где связь?

– Нет, Егор, это не эпидемия, им всем свернули шеи, их там больше двадцати, головы словно оторваны руками, вместе с костями, ну, в общем, мясо.

– Мясо, говоришь? Я из своей службы безопасности сделаю мясо, на фарш все пойдете! То долбаные фанаты, то орнитологи-садисты! Что дальше будет, Глеб?! Я приехал отдохнуть, а тут целый, мать его, детектив разворачивается!

Считал себя человеком сдержанным и невспыльчивым, но тут из меня выходил весь гнев, и даже не за то, что моя дырявая служба безопасности не может организовать безопасность мне, а за Веру.

– Да прекрати ты орать, Егор, сядь и подумай. Люди в тайге, происшествие в доме, птицы эти еще, все как-то связано. Покупка «Легранда», кто знает, что всё уже решено, осталось подписать несколько документов. Ты специально уехал сюда, даже я тут пасусь для отвода глаз от сделки. Мол, мы отдыхаем, охота, бабы, баня. Никто не знает, что сделка пройдет раньше, или знает, и нам пытаются помешать.

– Не понимаю, как это все может быть связано. Что за люди действуют такими странными способами? Все какая-то нелепица, детские проказы. Серьезные люди приезжают и разговаривают, на крайняк– убивают или забивают «стрелку».

– Как Вера? – Глеб меняет тему, смотрит на меня, вроде бы простой вопрос, но мне это не нравится. Не собираюсь отвечать.

– Все, Глеб, иди работай. И найди мне этого любителя загадочных посланий.

Поднимаюсь наверх. Вера стоит у окна, снова кутается в халат.

– Когда можно вернуться в дом? – на меня не смотрит, снова ушла в себя и отстранилась. Даже могу угадать, сейчас в ход пойдет её любимое: мол, этого не должно было быть, это всё было ошибкой. Знаю я, чем это заканчивается. Но она меня удивила ещё больше.

– Мне надо уехать. Я больше не могу здесь работать. Я понимаю, что только устроилась, и трудно, да практически невозможно быстро найти замену, но я правда не могу, извините меня.

– Значит, уехать? – подхожу ближе и пытаюсь заглянуть ей в лицо. – Вера, посмотри на меня, я что, похож на долбаного пацана? Что в твоей голове, я не понимаю! То ты целуешь, сладко стонешь и кончаешь на моём члене, словно у тебя в жизни не было оргазмов. А сейчас ты заявляешь, что тебе надо уехать?!

– Ничего не случилось, точнее, случилось, между нами случился секс, его не должно было быть. Я вообще не понимаю, как мне с тобой разговаривать после всего, как себя вести. Было проще и понятнее в первый день, ты хозяин, я экономка. Я не хочу этих сложностей, мне они не нужны. У тебя есть девушка, она приезжала, я видела, и я не хочу, чтобы в обязанности экономки была включена функция обслужива-

нии в постели, а это именно так и выглядит.

Она говорит на полном серьезе, но начинает смущаться, я стою слишком близко, покрывало низко на моей талии. Вера так забавно отводит взгляд от моего голого торса, опускает глаза вниз, видит мой возбужденный член, который выпирает бугром, сглатывает.

– Ты все сказала?

– Нет, – мотает головой, в испуге поднимает на меня глаза.

– Нет, ты все сказала!

Хватаю её за халат, снова целую, не могу удержаться, в её порочные губы, которые она постоянно кусала, пока говорила об отъезде. Целую жадно, с ней я словно дикарь, первобытный человек, готов закинуть на плечо и отнести в пещеру, чтобы залюбить там до смерти, и наверняка это будет моя смерть.

Глава 14

Вера

Я все слышала, слышала каждое слово, что говорили мужчины внизу. И мне становилось страшно. А ещё потом, когда Егор снова нёс меня в дом, после поцелуя, тогда он так странно и резко отстранился, на мгновение крепко прижал к себе, сказал не говорить ерунды, взял на руки и понёс.

Найдя забытый за эти дни телефон, я увидела сообщение. Первое время, как только он у меня появился, я пугалась сообщений и звонков, но они все чаще были о какой-то рекламе, предложениях кредита, посещениях салонов, распрода-

жах и всевозможных акциях.

Но это было сообщение от закрытого номера, оно пришло вчера ночью, когда я так крепко и быстро уснула.

«Ну, привет, моя Птичка!»

Всего четыре слова, после которых хотелось исчезнуть совсем.

А следом тут же еще одно: «Я знаю, ты скучала по мне».

Руки так и чесались собрать чемодан и уйти в тайгу, чтобы уж точно меня никогда не нашли, скорее всего, там загрызут волки, а дальше жалкие останки обглодает дикое зверье. В любом случае моя смерть будет неприглядной.

Но я поняла, что Толя меня нашел, еще до сообщения. Мужчины говорили о мертвых птицах, мой муж любил такого рода намеки. Значит, мне скоро оторвут голову. И зачем я сюда приехала, думала, чем дальше, тем лучше, прогадала. Считала, что это место идеально подходит, но, видимо, ошиблась, хотя мой муж оправдывает статус конченого психа, но дураком никогда не был.

А что если вся эта моя мнимая свобода – только иллюзия? Что если он давно знает и знал, где я находилась и чем занималась, куда ездила, чем жила? Я ведь реально думала, что я такая фартовая, и мне так дико везет. Что за столько времени Толины шакалы меня не обнаружили. Господи, какая дура! Хочется выть и рвать на себе волосы от осознания, что со мной играют.

Мной снова играют, манипулируют, подчиняют себе. Егор

тоже хорош, лучший способ избежать ответа на мою просьбу об отъезде— начать целовать. Мне не нужны отношения, мне не нужны никакие отношения.

Я отгородилась от всего и от всех, я жила в своём замкнутом мире якобы свободы, была этому рада и не хотела отношений. И даже не потому, что не хочу быть с кем-то, не потому, что я не хочу нормального женского счастья. Я хочу, очень хочу. Но я не могу дать ничего взамен, не могу подставить человека под удар, рано или поздно Толя меня найдёт, не хочу, чтобы кому-то было плохо.

А сейчас я не знаю, что делать. Надо либо обо всем рассказать Егору, чего делать совершенно не хочется, да и зачем ему проблемы какой-то там экономки, секс не считается, для таких, как Егор, он наверняка не имеет веса. У таких мужчин, уверенных, наглых, которые считают, что им все дозволено, выбор женщин, что скрасят ночь, такой же богатый, как они сами.

Тут уж я не конкурент, женщина с прошлым, с чужим именем, да еще и в бегах. Поэтому я не строю иллюзий, стараюсь не думать об этом, не включать эмоции, но это так сложно, когда он рядом. Я теряюсь, здравый смысл покидает меня, хочется снова его губ, его рук, его всего во мне. Что это: инстинкт, гормоны, влечение, любовь? Что я могу знать о любви, если её у меня никогда не было?

В дверь постучали. За ней стоял Глеб, уже переодетый, но такой же уставший.

– Пойдем, мне надо кое-что тебе показать.

Просьба не вызывала тревоги, скорее всего, что-то по работе, всё-таки я на работе, а не в пансионе с опцией «всё включено», где плюсом идёт первоклассный секс с хозяином.

Мы прошли по первому этажу, спустились в подвал, здесь было сухо, но достаточно прохладно. В брюках и водолазке холод чувствовался не так сильно. Свернули еще несколько раз, Глеб открыл передо мной дверь, пропуская вперед.

Помещение было маленькое, стол, два стула, в углу узкая кровать, а в другом – кран и раковина.

– Что это за помещение, Глеб? – мужчина молчал, смотрел тяжелым взглядом.

– Присаживайся, – указал на стул, закрыл дверь, но остался стоять после того, как я села.

– Вера, мне неприятно это делать, но это моя работа, – тон был жесткий и даже не извиняющийся, как его слова.

– Не понимаю, о чем ты.

– Ты очень хорошая актриса, Вера. Но дело в том, что ты заигралась. Уверяла, что с тобой не будет проблем, но они появились. Как тебя зовут?

– Вера, меня зовут Вера, – мозг быстро начал работать, делать предположения за доли секунды, что же конкретно может знать Глеб, или это, как говорится, «брат на понт».

– Это не твоё имя, ведь так? Не стоит придумывать сказки и рассказывать их мне. Девушка с таким именем и фами-

лией, датой и местом рождения живёт уже на протяжении нескольких лет в Америке, она замужем, у неё двое детей, – Глеб садится напротив и очень пристально меня разглядывает.

– Так твоя вдруг вспыхнувшая ко мне симпатия, что была в тот вечер, чисто профессиональный интерес? Ты уже тогда знал, что я якобы не та, за кого себя выдаю?

– Предполагал. Но всё не совсем так, как ты сейчас решишь. Ну, так что? Ты мне расскажешь, кто ты?

– Интересные у вас методы, и где только такому учат?

Как ни странно, но мне не было страшно, видимо, всё, это последняя стадия, мне всё равно до всего. Я устала бояться, устала убегать и прятаться. Ничего не доказано.

– Я не знаю, о чем ты, меня зовут Вера, я родилась в городе Самара одиннадцатого апреля, – Глеб меня перебил и с силой ударил ладонью по столу.

– Прекрати врать, ни одному твоему слову нет веры! – он кричал, вены на шее вздулись, на виске бился пульс. – Ты расскажешь мне всё: кто ты, откуда и зачем сюда приехала, иначе...

– Иначе что? – я тоже повысила голос. – Иначе ты будешь меня пытаться, держать здесь, в этой комнате, насиловать, унижать, так всё будет, да? Ты ведь офицер? Тебя этому учили в твоих спецшколах?

Лицо после моих слов искривилось, как от чего-то мерзкого. Ему была неприятна эта ситуация. Но как бы ни бы-

ло противно, это его работа, и выполнять её он будет качественно.

– Нет, ты посидишь здесь и подумаешь, а когда я вернусь, ты мне расскажешь всю свою увлекательную и интересную жизнь от начала и до того момента, как ты переступила пороги этого дома.

Резко встает, хлопает дверь, щелкает дверной замок. Я остаюсь одна, над головой тускло светит лампа, а в углу капает кран.

Темная высотка на проспекте Ленина была освещена яркими огнями. Мужчина в черной кожаной куртке выкинул недокуренную сигарету мимо урны, беспрепятственно шагнул в подъезд и прошёл мимо спящего консьержа.

Открыть дверь квартиры на восьмом этаже не составило особого труда, в просторной прихожей, когда глаза привыкли к темноте, мужчина прошёл по коридору, дверь спальни была приоткрыта, свет включенного телевизора с новостным каналом разбавлял темноту.

Диктор, девушка с красиво уложенными волосами, что-то рассказывала о биржевых сводках и падении рубля, но хозяин этой дорогой недвижимости в центре города не слушал, он спал.

Рука в перчатке профессиональным движением прикрутила к стволу пистолета глушитель и сделала два выстрела. Посмотрев на свою работу, мужчина такими же верны-

ми движениями убрал оружие. Достал простенькую рабочую Nokia, нажал на последний вызов.

– Всё сделано, – проговорил сухо в трубку и отключился.

Чуть склонил голову набок, рассматривая мужчину, лежавшего на кровати, даже как-то позавидовал ему, умереть во сне в преклонном возрасте, что может быть лучше? Взял пульт от телевизора, выключил его и ушёл так же незаметно.

Глава 15

Вера

Мою маму нашли за городом, в лесополосе, причина смерти – асфиксия, а если без терминов, то её изнасиловали и задушили. Нашли местные, там небольшой поселок, парочка подростков. По чистой случайности наткнулись, а может, её специально там оставили – недалеко, или убийца слишком торопился, никто так и не узнал. Как она туда попала, кого встретила, что с ней случилось в тот день – тоже было загадкой.

Мне было пятнадцать лет, соседка очень долго причитала: «Как же так, Любушка, как же так, не ушла ты от своей судьбы!» Соседка, пожилая женщина Зинаида Никифоровна, всё прикладывала мою голову на свою пышную грудь, гладила по волосам, а я ничего не понимала из её слов. Какая судьба и почему мама от неё не ушла?

Я тоже плакала, мне было жалко маму, я её любила, какой бы она ни была, но я любила её. Плакала от того, что так и не увидела на её лице счастливой улыбки, какая у неё была на

старых, спрятанных фотографиях. Плакала от того, что так и не могла понять её странной и замкнутой жизни.

Мы жили вдвоем, жили очень скромно, в доме, сколько я себя помню, никогда не делался ремонт, все было старенькое, но чистенькое. Мама работала в профилактическом санатории медицинской сестрой, он находился на окраине города, но добираться до него было вполне удобно, ходил прямой автобус.

Она была очень красивая— светлые длинные волосы всегда заплетены в тугую косу, простая бесформенная одежда скрывала тонкую фигуру. Она словно пряталась от всего мира, была неразговорчива и даже нелюдима.

Только по старым фотографиям, на которых застыли фрагменты счастья и радости, было видно, что она была другой. Я очень рано научилась не спрашивать, кто мой отец и где он. После этих вопросов мама надолго замыкалась в себе, говорила что-то невнятное, закрывалась в комнате и просила её не трогать.

Я научилась быть такой же незаметной и невзрачной, как и моя жизнь. В школе была всегда в стороне, наверняка меня считали такой же чокнутой, как и моя мать. Маленькая, слишком худая для своего возраста, с пучком темных волос, скрученных на затылке, и огромными карими глазами, абсолютная противоположность своей матери.

Мне временами казалось, что ей больно на меня смотреть. Иногда она могла заплакать, прижать меня к себе, шептать:

«Прости, прости меня... прости» и целовать, но потом снова была так же холодна и безразлична ко мне и ко всему вокруг.

Хорошо, что в доме было много книг, это от дедушки, я его не помню, но спасибо ему за них. В книгах была моя жизнь, там я училась, смеялась, спасалась от одиночества. Конечно, я видела, как живут другие семьи, как родители любят и балуют своих детей, ругают за шалости, помогают, если нужна помощь. Хотела ли я, чтобы у нас было так же? Да, хотела, но уже тогда я понимала и здраво оценивала, что так не будет никогда. Зачем переживать о том, чего не будет?

В тот же день, когда Зинаида Никифоровна донесла до меня новость о смерти матери, сердобольная соседка поведала, сидя на кухне со стаканом накапанной валерьянки, историю красавицы Любаши из семнадцатой квартиры.

Таких историй бесчисленное количество по всей стране, такие истории калечат жизнь, разрушают семьи и сводят в могилу. Кто-то борется и живет назло всем, кто-то пытается забыть, заглушить наркотиками, залить алкоголем, утопая и опускаясь на дно, а кто-то не может забыть, не хочет жить, но приходится.

Любашу Резникову, белокурую красавицу с бездонными голубыми глазами, умницу, любимую и единственную дочь, гордость и надежду, изнасиловали. Случайно или намеренно— да какая уже теперь разница? Кому-то очень понравилась девочка, свежая, семнадцатилетняя и невинная. Её не было три дня, ушла в медицинское училище и не вернулась.

Родители, слегка пожилые уже люди, обегали всех подруг, знакомых, были в милиции, но все было безрезультатно. Любаша пришла сама, поникшая, раздавленная морально, искалеченная физически, со следами насилия. Она не помнила, где была, но очень отчётливо помнила, что с ней делали. Было написано заявление, сданы анализы и сняты показания, но прежнюю Любашу уже было не вернуть никогда.

Все бы, может, ещё обошлось как-то через время, ведь оно точно лечит, везде так пишут и говорят. После походов к психологу, реабилитации, может быть, можно было вернуть девушке желание жить, а не быть тенью самой себя. Но этого не случилось, через несколько месяцев все домашние поняли, что Люба беременна.

Вот тут уже началась борьба за жизнь, она резала вены, пыталась повеситься и отравиться. Уговоры, мольбы и просьбы родителей дали свои результаты. Люба как-то притихла, на её просьбу сделать аборт говорили «нет», было уже поздно и опасно для здоровья. Так в морозную ночь февраля родилась девочка.

Мать не хотела её видеть, не хотела кормить грудью, девочка постоянно плакала, но с аппетитом ела приготовленную нянечками смесь.

Вопреки предположениям, новорождённую девочку не оставили в родильном доме, а забрали, мать не написала отказ. Любашины родители были людьми неглупыми, понимали, что ребенок не виноват, взяли на себя всю заботу об этой

крохе. Предполагая, что, может быть, со временем их дочь посмотрит на своего ребенка иначе и найдет в нем спасение для себя.

Так прошло три года, Люба отстранилась от всего мира, попыток суицида больше не предпринимала. Хотя могла это сделать, имея полный доступ к медикаментам по роду своей профессии, закончила учебу, устроилась на работу. Всё шло своим чередом, но вскоре друг за другом очень быстро ушли родители Любы, и девочки остались вдвоем.

Ребёнок требовал постоянного внимания, Люба как могла его давала, но временами накатывало, она никого не хотела видеть и слышать, в такое время её дочь была у соседки. Со временем девочка научилась лишней раз не лезть к матери, играть сама с собой и читать книги.

Слушая эту историю, полную боли, отчаянья и безысходности, я рыдала. Меня трясло в истерике от понимания и осознания того, каким образом я появилась на свет. Нежданный, нежеланный и нелюбимый ребенок, вот кем я была для своей матери. Я глотала слезы обиды, непонимания и безразличия, всего того, в чём я жила пятнадцать лет. Но я не могла при всей на меня нахлынувшей, как поток обжигающих горьких слез, правды осуждать или ненавидеть свою мать, я её все равно любила.

На второй день после похорон, на которых были немногочисленные мамы коллеги по профилакторию, я и соседка Зинаида Никифоровна, в дверь постучали. Я ждала службу

опеки, но на пороге возник пожилой, но крепкий еще мужчина. Светлый брючный костюм, невысокий рост, красивая, немного вычурная печатка на мизинце, мутно-голубые глаза под светлыми ресницами и почти лысая голова.

Мужчина представился как Штольц Геннадий Аркадьевич, двоюродный брат по линии моего дедушки. Ни о каком брате, хоть и двоюродном, я никогда не слышала, никто не рассказывал, да и на фото, которые я так любила разглядывать, его не было. Мужчина был убедителен, показал документы, по которым ему, как ближайшему родственнику, была одобрена опека в кратчайшие сроки.

– Не бойся меня, девочка, я тебя не обижу, – так в моей памяти говорили только маньяки в книжках, но неприязни и чувства тревоги Геннадий Аркадьевич не вызывал, как, впрочем, наверное, и все настоящие маньяки и извращенцы.

Но выбирать мне не приходилось, так потом будет часто в моей жизни. Всё выбирали и решали за меня. Так в свои неполные шестнадцать лет я стала Вероникой Геннадьевной Штольц, дочерью очень уважаемого и не последнего человека в нашем городе, но это выяснилось уже потом.

Глава 16

Вера

Проснулась.

За стеной слышались удары. Решила, что это опять Толя крушит свой кабинет, он как раз был за стеной спальни. Но тут было другое: кого-то били или это была драка. Слыша-

лись сдавленные голоса, иногда крики, мат, что-то невнятное.

Глаза привыкли к темноте, села, кутаясь в тонкое покрывало, как же снова холодно. Я всё в той же комнате, а может, это карцер— поди разбери местные порядки. Лампочку выкрутила, как только Глеб ушёл, не хотела, чтобы она была по глазам, хоть и тусклым светом.

Снова удары, теперь о дверь. Кого-то неплохо приложили. Там точно драка, но не было ни малейшего желания вставать и идти узнавать, что же там, даже и через закрытую дверь. Сижу, смотрю в темноту и жду. Когда-нибудь там закончится это побоище. Закончилось быстро, дверь распахнулась, в проеме застыл мужской силуэт.

– Почему так темно? – Егор шагнул в помещение, шаря по стене рукой.

– Здесь нет выключателя, я искала.

– Вера! Ну наконец-то, – Егор шёл на мой голос, вглядываясь в темноту. – Вера, с тобой все в порядке? – голос взволнованный, он подходит вплотную, садится на корточки, свет из коридора почти не доходит до моего угла.

– Ты постоянно меня спасаешь, это уже почти традиция, – пытаюсь сама его разглядеть, волосы взъерошены, одежда чем-то перепачкана. – Злой дракон запер принцессу в страшном подземелье, а смелый принц её нашел. Я так и знала, что попала в сказку.

Чувствую, как Егор улыбается, сжимает мои холодные ру-

ки, он снова такой горячий, перебирает пальцы, согревая их.

– Она ещё сидит и шутит, шутница, бл...ь, – это уже Глеб, закрывая своей фигурой весь дверной проем, стоит и излучает презрение в мою сторону.

– Съебись, Морозов, я устал от твоих выходов, еще раз учудишь что-то подобное, параноик долбаный, я тебе еще всеку.

– Я забочусь о твоей безопасности в первую очередь, Егор, это моя работа, а она явно не та, за кого себя выдает.

– Да, она засланная шпионка, а ты Джеймс Бонд, её разоблачивший, все, блядь, не беси меня снова. Нет фактов, катись на хрен. Пойдем, Вер.

Снова подхватывает меня на руки и несет на выход. Обходим Глеба, который, словно монумент, врос в пол и не желает сдвинуться. Нет, я не торжествую и не злорадствую, Морозова можно понять, он выполняет свою работу.

– Носить меня на руках тоже становится традицией, – разглядываю лицо Егора, пока он идет по освещенному коридору. Ссадина на лбу, уже наливающийся синяк на скуле и разбитая губа. – Поставь меня, я могу сама ходить.

– Сиди уже, идем обрабатывать мои, в бою за принцессу полученные, раны, – и улыбается, после чего морщится, видимо, губа разбита хорошо.

В просторной ванной его спальни сплошь черный и белый мрамор. Сидя на пуфике, сняв порванную рубашку, задрал ко мне голову, невозмутимо терпит. Промываю ссадину пе-

рекистью, дую, чтобы не щипало, словно ребенку. Мокрым бинтом по лицу смываю кровь. Останавливаюсь на разбитой губе, она припухла, касаюсь пальцами, хочу узнать его всего, потрогать, попробовать, словно ничего и не было.

– Больно? – не узнаю свой голос, шепотом прямо в губы, прикусывая свои, а самой хочется попробовать их на вкус, наверняка соленые с привкусом крови. Извращенка.

– Да.

– Как больно? Не может быть, я даже не задеваю, – удивлённо вскидываю на Егора глаза, руки сразу отдергиваю, он тут же перехватывает одну и прислоняет к своему паху.

– Вера, болит – сил нет, – чувствую ладонью его возбуждение, очень сильное возбуждение, в животе моментально разливается жар. – Яйца сводит уже сутки.

– Фу, дурак какой, – отвечаю так по-детски, пытаюсь отобрать свою руку, чувствую, как лицо заливается краской от таких похабных откровений. Но мне не дают, сильнее вжимают в пах. Второй рукой тянет за шею, находит мои губы, впивается в них. Я чувствую их вкус, вкус его крови на моем языке, да, она соленая, в нос ударяет её запах, я, словно животное, отвечаю на его дикий поцелуй.

– Тише, прости, тебе больно, – отстраняюсь, глажу по лицу. – Дай мне закончить.

– Хочешь поиграть в доктора? Ну хорошо, – в голосе снисхождение и некая игра.

– Вообще-то, я медицинская сестра с красным дипломом.

– Ну, это в корне меняет дело, я могу не волноваться. Я попал в руки профессионала.

– Не смешно, но да, это так, тебе не о чем волноваться, – заканчиваю с лицом, опускаюсь взглядом ниже, широкие плечи, грудь часто вздымается.

Егор неотрывно меня разглядывает, изучая мой интерес к нему, а я сама дышу через раз. Сильные руки, идеальный пресс с кубиками.

– Из-за чего вы подрались с Глебом? – отхожу на шаг назад от этой концентрации тестостерона, удерживая в себе желание прикоснуться к нему.

– Хочешь обработать и его раны? – странно, но он злится.

– Вовсе нет.

– Морозов заигрался, в свете некоторых событий перегнул палку и извинится перед тобой.

– Мне не нужны его извинения.

– Они нужны мне! Тебя не было двенадцать часов, этот debil уверял меня, что ты уехала в город. Да, без пальто, телефона и в туфлях. Видимо, на северных оленях, потому что ни одна машина не выезжала, да и не выехала бы, все дороги занесены, снова была метель. Пойдем на кухню, поедим, – резко меняет тему.

– Да, я бы не отказалась от чего-то горячего, – в животе, как назло, предательски заурчало.

– Пойдем, – хватает за руку и тянет на выход. У Егора так странно меняется настроение: то по-мальчишески озорной,

то безумно пошлый и порочный, а то жутко деловой и собранный.

Идя по дому, замечаю, что на улице ночь, судя по всему, глубокая. На просторной кухне вытаскиваем половину холодильника, Егор что-то греет в микроволновке, режет хлеб, так все по-домашнему, он в одних брюках, в помещении полумрак, а я им люблюсь, но так, чтобы не заметил.

– Будешь меня так разглядывать, не посмотрю на то, что ты голодная, сожру сам тебя прямо тут, – а сам улыбается, я невольно улыбаюсь в ответ.

В какой момент с ним стало так легко? Я знаю его несколько дней, акажется, словно целую жизнь. Разве бывает, чтобы так сразу?

– Не думай ни о чем, Вер, не пытайся анализировать, я и сам не знаю, – видимо, мое лицо отразило задумчивость, а потом удивление. Он что, умеет читать мысли?

Егор двигает мой барный стул к себе, смотрит в глаза, потом на губы, я их снова непроизвольно облизываю и прикусываю. Прекрасно понимаю, что последует за таким взглядом и моим действием.

– Будет больно, твоя губа.

– Знаю, но выбор очевиден. С тобой иначе уже никак.

Глава 17

Вера

И он меня целует. Боже, я готова отдать душу кому угодно за его поцелуи. Жадно. Жарко. Необратимо снося все мои

барьеры. Он уносит моё сознание куда-то на задворки разума. Как пишут в любовных романах: «...её трусики стали мокрыми».

К черту эти скучные романы, мои трусики мокрые давно, я чувствую влагу на своих бедрах. Живот крутит в болезненных спазмах желания, мой стон, его рык. Руки сдавливают грудь, сжимают соски. Опускаются ниже, сильно сдавливают талию.

– Зачем ты надела брюки? – не вопрос, а упрёк.

– Я...я не знаю.

Оттягивает ворот водолазки, жадно целует шею, всасывая кожу до легкой боли, рычит, кусает, ладонями под ткань, сминая руками кожу на спине. Упирается пахом в мои раздвинутые ноги, прижимая как можно теснее меня к себе, я чувствую его эрекцию, пытаюсь сама стать ближе, трусь об него.

Мной овладевает демон порока. Хочу его. Сейчас. Всего. Отрываясь, смотрю в его глаза, а там чистый огонь, я буду в нём гореть долго, как ведьма на костре своего греха.

Опускаюсь на колени, торопливо расстегиваю ремень.

– Вера...ты чего задумала?... – его сдавленный стон, когда я высвобождаю налитый, возбужденный член.

Провожу несколько раз по стволу рукой, разглядывая красную головку. Облизываю свои губы, сглатываю и вбираю почти весь член глубоко в рот. Но весь не получается, он физически для меня большой. Я не играю, не хочу играть с

ним, я просто хочу его. Вот так. Здесь. Сейчас.

Нет никакого отвращения и стеснения, чистый голод, похоть и желание сделать это для себя, унять так некстати именно сейчас проснувшуюся похоть. Он слегка терпкий на вкус, вбираю ещё, глубже, помогаю рукой, вынимаю, снова втягиваю головку, посасываю её.

– Вера... блядь, Вера...остановись, – его рука оттягивает меня за волосы от себя, хотя вот только мгновение назад ласкала, зарываясь в них. – Иди ко мне.

Поднимает с колен, рывком подхватывает, усаживая на себя. Так и идет по темному коридору, вверх по лестнице, со спущенными штанами. Кое-как открываем и закрываем двери, кидаетменя на кровать, помогаю снять с меня брюки и насквозь промокшее белье.

В комнате очень темно, глаза привыкают, но все равно мало что видно. Его руки на моем теле, они везде, губы находят мои. Целует жадно, пальцы уже на моих складочках.

– Какая же ты мокрая, девочка, – два пальца врезаются в моё лоно, выписывают там какие-то немыслимые движения, снова жадные поцелуи по шее.

Всхлипываю, начинаю двигаться бедрами навстречу его пальцам. Он терзает мою грудь, такие чувствительные соски, что даже больно. Посасывая, втягивает их, кусает. Словно безумно голодный зверь, вгрызается зубами в мою плоть, кусает и тут же зализывает.

– Сейчас, подожди, моя сладкая. Меня самого накрывает

уже.

Наконец-то избавляется от своих брюк, разводит мои бёдра шире, рука под ягодицы, чуть приподнимая, и одним движением, резко, сильно проникает в меня. Он тоже не хочет со мной играть.

Ему надо всё. Сейчас. Сразу.

Резкие толчки, дышит сдавленно мне в шею, его дыхание словно оставляет ожоги на моей коже. Я словно в бреду, хочу сильнее, глубже, подмахиваю навстречу его ударам. Громкий стон, цепляюсь за его плечи, царапая ногтями.

– Давай, маленькая, не могу больше.

Чувствую, как еще больше наливается его член во мне, а я теку прямо на него. Боже, от этого накрывает волна оргазма. До боли скручивает низ живота, мышцы сокращаются, горячая волна разливается по всему телу, а в меня толчками бьется его горячая сперма.

Время замирает, в ушах шум, пульс стучит в висках. Егор, уткнувшись лбом мне в ключицу, лежит, тяжело дышит, опирается на руки, чтобы не раздавить меня. Чувствую грудь, как сильно бьется его сердце. Спина мокрая, провожу по ней рукой до шеи, зарываюсь пальцами в волосы.

– Ты предохраняешься? Ну, что там, таблетки, или что ещё есть? – Егор поворачивается ко мне, ложась рядом.

Да, не такое я ожидала услышать после крышесносного секса и сметающего разум оргазма. Вопрос, на таблетках ли я. Ну а, в конце концов, чего ты ожидала, признания в любви

или милых нежных глупостей? Идиотка.

Настроение как-то сразу испортилась, словно лопнул красивый мыльный пузырь, остались лишь мокрые брызги и моё воспоминание о нём.

– Не переживай, все под контролем, извини, мне надо в душ.

Позорно хочу скрыться от его вопроса, да и вообще в такой ситуации не знаю, как себя вести. Как можно медленней встаю, в темноте иду в сторону ванной комнаты, запираю дверь, яркий свет бьет по глазам, щелкаю замком, не хочу его видеть.

Сажусь на дно душевой, под горячие струи воды. Господи, какая дура. Ложные надежды и мечты, это и есть связь с Егором. С каждым разом он всё глубже закрадывается в мой разум. Этот мужчина не для меня, да и такая, как я, не для него. На что надеюсь – что он решит все мои проблемы? Да моя жизнь – это сплошная проблема. Та, моя настоящая жизнь, далеко, за пределами этого особняка, за заваленной снегом тайгой, на другом конце страны, рядом с другим мужчиной.

Хочется всё рассказать Егору. Но что я могу из этого всего рассказать? Что у меня другое имя? А дальше последуют вопросы, ответы на которые вызовут ещё больше вопросов. Замкнутый круг. Совершенно не хочу распутывать этот клубок моей никчемной жизни и уж тем более с кем-то делиться ею. Выливать весь мой страх, отчаянье, непонимание и сожаление на Егора.

Ему точно не нужна женщина с проблемами. Ему нужна другая, красивая, яркая, с хорошим прошлым и семьей. Так и вижу эту картинку, как на новых фоторамках, что продают в магазинах. Идеальная и красивая пара, белоснежные улыбки, двое детишек и собака, от приторности скулы сводит или, скорее, от зависти. На тех фото нет мне места, как и нет места в его жизни.

К черту! Никто мне не нужен. Я сама по себе, так легче и проще. Надо уезжать, я это понимаю, чем дальше я здесь, чем теснее наша с Егором связь, тем труднее мне будет её оборвать. Я привыкаю, я влюбляюсь. Да, именно влюбляюсь, то чувство, которое мне незнакомо, оно уже внутри меня, словно вирус. Хочу быть рядом, хочу быть как можно ближе, но этому не бывать.

Не бывать не потому, что я не хочу, я очень хочу. Слишком много слова «хочу». Но что я могу дать такому мужчине? Хреновое прошлое и непонятное будущее? Я даже внятно не могу сказать про свое здоровье. Предохраняюсь ли я? Да я не уверена, смогу ли вообще забеременеть. После того случая стало не до здоровья, доктор говорил, всё поправимо, надо подлечиться, но я просто забила.

Я знаю таких, как Егор, очень часто встречала мужчин, имеющих деньги и власть, рядом с мужем. На них дорогие костюмы, рядом с ними дорогие любовницы или жены, как аксессуар, я была именно такой, точнее, таким аксессуаром, без мозгов, но в бриллиантах.

Хотя не уверена, есть ли они сейчас, скорее больше жизненного опыта, я точно не пропаду и не умру с голоду. Я бралась за любую работу, жаль, что не по специальности, я любила её, но так и не пришлось поработать. Толя считал, что его жена не должна работать, а уж тем более какой-то там медсестрой, ставить уколы, мерить температуру. Смех, да и только!

– Вера, открой! – стук в дверь. – Я все равно не уйду, хоть ты этого и ждёшь. Открой дверь или я её вышибу!

Глава 18

Егор

Ушла и заперлась, чертов кретин. Я должен был думать о защите, а не девочка. Мне же сорвало напрочь все тормоза. Когда она так открыто встала передо мной на колени и взяла в свой сладкий ротик мой член, я чувствовал себя рыбой, выброшенной на берег. Мне не хватало воздуха.

Она не играла, не пыталась удивить и поразить, я видел по её глазам: она этого хотела сама. Сейчас. Именно так. Жадно. Откровенно. И всё, меня сорвало. Что было потом – это яркие вспышки.

Вера так нежно потом поглаживала меня по спине и перебирала волосы на затылке. Мне хотелось мурчать, как домашний котенок, прирученный, сытый и около своей хозяйки.

Вода стихает, дверь открывается. Вера стоит, завернутая в полотенце, глаза красные, снова плакала, а мне как укол

в сердце её слезы. Подхожу – не смотрит, вытираю руками капли на плечах, что стекли с мокрых волос.

– Прости меня, – еще ближе, обнимаю, такую горячую, крепко. – Прости, Вер, я не мастер красивых слов, да и не знаю их. Не могу объяснить, что происходит со мной, таких эмоций у меня не было никогда, хотя, как видишь, я взрослый дяденька.

– Я хочу уехать утром, – Вера режет словно по живому.

– Нет, ты никуда не уедешь, – закипаю от её упрямства. – Я тебе пытаюсь объяснить... Да чёрт, что с тобой? Вера, посмотри на меня! Ты то обжигашь меня своим огнем и страстью, то ставишь на место холодностью и желанием убежать. От чего ты бежишь, Вера?

Стоит, молчит, но обнимает меня в ответ. Словно маленькая девочка, запуталась, заблудилась, не знает, куда идти. Такая родная.

– Звонил Глеб, утром надо срочно уехать в город, отдохни час и собирайся, поедешь с нами. И это не значит, что я тебя отпускаю, будешь на глазах, – смотрит уже на меня, личико чистое, без косметики, ей точно не больше двадцати пяти. Отчего тогда в паспорте все тридцать три? Ну, с этим мы еще разберемся, как и со шрамами на животе, думала, не замечаю их, глупышка.

Её губы такие мягкие, накрываю своими, целую нежно и медленно. Пробуя на вкус снова и снова, без напора и силы. Как тягучий сладкий сироп, желание разливается по моему

телу. Вера отвечает – тоже медленно и нежно, тихо стонет, касается моего языка своим.

Отстраняюсь первым. Не время, иначе снова сорвет все тормоза. С ней всегда так, накрывает и рвет преграды.

– Почти утро, через два часа я зайду.

Ухожу, хотя чертовски хочется остаться. Взять её прямо там, в узкой ванной, прислонить к стене, сорвать полотенце, сжать упругую грудь с такими острыми сосками и войти на всю длину, до упора, до её крика. Озабоченный маньяк!

Едем в полной тишине. Слышно, как по мерзлому асфальту шуршат шипованные шины. В салоне тепло, Вера сидит на заднем сиденье, кутается в пальто и смотрит в окно.

– Почему ты одета не по погоде? – она даже не оборачивается, будто не слышит вопрос.

– Не было времени купить, – отвечает сухо.

Глеб за рулем, хочет разглядеть её в зеркало заднего вида, но там ничего не видно, и только с силой сжимает руль. Меня удивляет такая его неприязнь, вдруг вспыхнувшая к девушке. Я считал, что она ему симпатична. Как же те их посиделки, вино и одинокая роза? У меня чуть крыша не поехала тогда от ревности.

– Спроси, откуда она взялась такая, в осеннем пальтишке, в нашем-то морозном краю?

– Морозов, уймись, я обещал тебе втащить ещё, помнишь, да?

– Как же, тут забудешь, – плотно сжимает губы и рукой накрывает левое ребро.

– Что там с Романовым произошло на самом деле? Давай подробнее, – меняю тему, нет ни малейшего желания обсуждать с ним Веру.

– Убит двумя выстрелами в упор в городской квартире на Ленина. Время смерти не установлено, информация будет позже. Его обнаружила проходящая горничная вчера в обед, дверь была закрыта, всё тихо и чисто. Нашла хозяина в спальне, лежал в кровати– уже мертвый и остывший. Господин Романов в этот вечер был один, со слов консьержа, никто к нему не приходил. Камеры на парковке и в подъезде пишут всего сутки, потом по новой, так что по ним ничего.

– Хреновые дела, Глеб, очень хреновые. Что по баллонам с газом в доме?

– Ничего пока, ищем.

– Что-то плохо ищешь, Глеб, только девочку стращаешь, под замок сажаешь, обещаешь расправу да кулаками машешь.

– Я больше к ней не полезу, разбирайся с ней сам. Я смотрю, у вас всё прекрасно. Только не забудь, что я предупреждал тебя, как друга предупреждал.

– Всё, прекрати, – обрываю Глеба, сам оборачиваюсь, смотрю на Веру. Она все так же сидит, уткнувшись носом в мой широкий шарф, который я натянул на неё. Как воробушек в этом пальто.

– Заедем в магазин и купим что-нибудь потеплее твоего тоненького пальто.

– Не надо, я потом сама, – ну, кроме протеста, я от неё другого и не ожидал.

– Конечно, ты потом сама, а сейчас я. И не спорь, – добавляю уже мягче. – Я хочу, чтобы тебе было тепло, ты постоянно мерзнешь. Хорошо, Вер?

Вздыхает, вся такая самостоятельная и независимая, аж смешно. А ещё надо сапоги теплые и шапку. Буду наряжать, как куклу, а потом раздевать, точно, одевать и раздевать.

Едем часа два, дороги занесены, на въезде в город затор, да и в городе сплошные пробки. Вера спит, говорить ни о чём не хочется. Она так плотно и глубоко засела в моих мозгах, почти до нутра проняла. Хочется защищать, оберегать и баловать. Хочется наказать за выходки и желание сбежать. Хочется зацеловать и вбиваться долго в её истекающее под моими ласками лоно. Много чего хочется. Сразу.

Убийство Романова стало, конечно, неожиданностью. Было все почти готово, мы с ним договорились встретиться на следующей неделе на совете директоров, где он сыграет спектакль и объявит о новом владельце компании. Романова прижали, хорошо так прижали, со всех сторон, просил помочь.

Вот– помог. Серьезные дяди, причём не местные, с протекцией откуда-то выше, ставили условия по транзиту дряни, оружия, да много чего, через нашу область. Романов не

хотел, а послать нельзя, всё отнимут тогда. Вот и решили: якобы продаём мне его компанию, потом пилим технично, никто не внакладе.

Кто узнал, что мы так решили? Какая крыса проболталась? Конечно, о продаже знали юристы мои и его, их ещё проверим. Жалко мужика, толковый был. Кто-то захотел его убрать и оставить всё как есть. Ав том, что новое руководство ляжет под условия приезжих – сомнений нет. К тому же эта возня с наследством может затянуться надолго. Но тут одно большое «но»: мы успели подписать документы. Новый владелец – это я. А я ни под кого не ложусь, только нагибаю.

– И кто такой этот Бессонов Анатолий, ты узнал? – обращаюсь к Морозову, но Вера сзади как-то странно закашлялась, словно начала задыхаться.

Оборачиваюсь, сидит, глаза испуганные.

– Что с тобой?

– Всё в порядке, что-то душно стало, откройте окно.

Глава 19

Вера

Лето было в самом разгаре, со всеми его прелестями – духота, жара, пекло, так что плавился асфальт – любимое моё время. В доме открыты все окна, сквозняк раздувает легкие шторы. Мне чуть больше семнадцати лет, сижу на кухне, свободный топ с оголенным плечом, короткие шорты, волосы собраны в высокий небрежный хвост, ковыряюсь в йогурте, читаю анатомию.

Мужчина подошел очень тихо, замер, опершись о стену, скрестив руки. Чувствую на себе изучающий взгляд, но сама глаза не поднимаю. В доме дяди Геши много кто бывает, приходят, уходят. Наверняка чья-то охрана слоняется в ожидании своего хозяина, решающего глобальные вопросы.

Тогда, в силу своей глупости и недалекости, я не придавала значения и не обращала внимания на то, чем занимается мой, так сказать, названный отец. Знала, что у него несколько ювелирных магазинов, есть ресторан, но самое дорогое его детище – это антикварная лавка. Его дом и сам был как филиал музея – картины, статуи, мебель, мне даже нравилось.

Каждая вещь имела свою историю, дядя Геша с восторгом рассказывал, а я завидовала старинному комоду, что его жизнь увлекательней моей. Назвать дядю Гешу папой язык не поворачивался, хотя я как-то спросила, может, он на самом деле мой отец, и все эти выдумки о двоюродном дедушке всего лишь выдумки, но меня заверили, что нет, он не отец.

Два года мы жили хорошо, не особо досаждая друг другу, я училась, все еще находясь в своём мирке. Я привыкла быть одна, закрывалась от мира, в училище меня считали странной, мне было всё равно. Я любила учиться, и это не дань погибшей матери, я сама хотела быть врачом, и первой ступенью, как база, было медицинское училище. Пусть даже и на специальности медицинской сестры, но мне это нравилось.

На девушку почти восемнадцати лет я не тянула, слишком

тоненькая, но уже с так некстати выросшей грудью, которую я стеснялась и прятала за бесформенными вещами. Слишком пухлые губы и огромные глаза на худом лице.

– Что ты читаешь? – голос с другого конца кухни.

Думаю, отвечать или нет. Если ответить, что учебник по анатомии, то последуют вопросы ещё глупее, а завязывать разговор нет ни малейшего желания.

– Ты меня слышишь? – голос с ленцой и такой нагловатый.

Отрываюсь от учебника, смотрю на мужчину. Старше меня лет на десять, светло-русые некороткие волосы зачесаны назад, летние брюки, светлая рубашка – нет, это определенно не охранник. Такой холодный и колючий взгляд, изучающий мои ноги, открытое плечо, задерживается на губах, а мне хочется их прикрыть руками.

Наглая ухмылка на лице, медленная походка, склоняет голову набок, рассматривает меня, как неведомого зверька, что-то там обдумывая. Он мог бы быть красивым, чертовски красивым, до одури привлекательным, если бы не эти глаза с холодным и жадным взглядом гиены.

– Тебя зовут Вероника, так? Я буду тебя называть Птичка-Вероничка. Маленькая, хрупкая птичка, но с такими порочными губами. Тебя кто-нибудь имел в этот сладкий ротик, а, птичка?

Я даже потеряла дар речи и в каком-то ступоре наблюдала за мужчиной. Он медленно подходит, дотрагивается до лица, проводит костяшками пальцев по щеке, большим пальцем

скользит по сухим губам.

– Ну, так что, Вероничка? – склоняется совсем близко. – Тебя кто-то имел в этот сладкий ротик? Или твои порочные губы все ещё невинны?

И тут он резко притягивает меня к себе за шею и набрасывается на мои губы. Терзает, кусает, посасывает, словно голодное животное, забирая всё мое дыхание. В горле пересохло, по спине холод. Я, словно опомнившись, упираюсь в его грудь, а там словно металл, он вылит из куска стали, его невозможно сдвинуть, только глухие удары сердца отдаются в ладони.

С неохотой он отрывается сам, тяжело дышит, так же, как и я. Неотрывно смотрит мне в глаза.

– Что... что вы себе позволяете? – утираю руками мокрые губы, отхожу на несколько шагов назад, к окну.

– Я могу позволить себе все что угодно, ты об этом скоро узнаешь сама.

Снова рассматривает меня, скользит взглядом по обнаженным ногам, выпирающим соскам через тонкую ткань футболки. Ухмыляется, качает головой, разворачивается и медленно уходит.

Нет, я не испугалась его, было всё так неожиданно, резко – его наглость и напор. Мой первый поцелуй с незнакомцем, поцелуй, не вызвавший душевного трепета и желания, как это принято у девушек моего возраста. Я чувствовала его животный голод, он вибрировал в воздухе. Руки стали ледя-

ными, а щеки горели.

Я однозначно больше не хотела встречать этого человека. Я даже не хотела знать его имени и спрашивать у дяди Геши, кто это был такой.

А спустя год в такой же день, изнывающий от жары и зноя, он появился снова. Стал ещё больше, мощная шея, груда мышц, но те же холодные глаза, полные голода.

Взгляд наглее, ухмылка шире. Проведя кончиком языка по ровным белым зубам, снова подошёл слишком близко, в нос ударил холодный аромат парфюма.

– Ты стала еще соблазнительнее, птичка-Вероничка. Ты знаешь, что ты теперь моя птичка?

– Нет, я даже не знаю, кто вы.

– Через три месяца свадьба. Я обещал Геше не трогать тебя до этого момента, чертов моралист, но я готов подождать ещё. Надеюсь, ты не наделала глупостей за это время, и твои губы такие же сладкие и невинные.

Стою, как последняя овца, слушаю весь этот бред и стараюсь думать, что это не может быть правдой. Я не собираюсь ни за кого замуж, да и вообще, замуж – это не про меня. Ни один парень или мужчина не вызывал во мне желания сходить на свидание или поцеловаться, а тут свадьба, это какая-то шутка, должно быть.

– Доченька, поверь, так будет лучше, – дядя Геша отвечал на мои вопросы о замужестве и грядущем торжестве. – Анатолий прекрасный мальчик, самое время заводить семью, у

него впереди карьера и большие перспективы, ты ни в чём не будешь нуждаться. Красивая, молодая, мечта любого мужчины. Анатолий просил твоей руки еще год назад, но ты была слишком молода, он ждал год и не изменил своим намерениям.

Значит, Анатолий— тот хищник с улыбкой и оскалом гены— и есть прекрасный мальчик, в перспективе мой будущий муж. Не знаю, почему я тогда так покорно согласилась, кроме как глупостью и бесхребетностью это не назовешь. За меня всё решали, я привыкла быть тихой и не доставлять проблем. Сначала боялась раздражать мать, потом человека, что меня приютил.

В этот раз всё было решено ещё год назад, тем летним днем, когда я попала на глаза Толе Бесу.

Глава 20

Вера

Дождливым сентябрьским днем я стала Бессоновой Вероникой. Пышное торжество, элегантное платье по фигуре, волосы волнами на одно плечо, бриллианты на шее и в ушах — подарок новоиспеченного мужа. Элегантное и наверняка безумно дорогое двойное обручальное кольцо из белого золота с каким-то там заоблачно-каратным камнем на безымянном пальце.

Толя не выпускал моей руки, при слове «Горько» целовал, словно готов сожрать и взять прямо на этом праздничном столе, показывая всем вокруг, чья я женщина. Мало пил,

смотрел голодным взглядом, танцевал, стискивая мою талию так, что могли треснуть ребра.

– У меня самая красивая жена, – шептал на ухо, обдавая жаром дыхания, упираясь внушительной эрекцией мне в живот.

– Ты делаешь мне больно, – не узнаю свой голос.

Я словно смотрю со стороны на этот праздник. Узнаю лишь пару лиц, но все остальные, насколько я помню по поздравлениям, очень влиятельные и богатые люди. Моя свадьба как с обложки глянца: дорогая, но со вкусом, надо отдать должное организаторам.

– Извини, я стараюсь, но держусь из последних сил, моя птичка.

Спина заледенела, задыхаюсь в его объятиях. А что же будет дальше, если уже сейчас мне нечем дышать и тело сковывает страхом? Нет, теоретически я понимала, что дальше последует, что вообще происходит между мужчиной и женщиной. И сказать «нет» я не могу, я сама себе подписала приговор, назад дороги нет.

Морально я была готова и физически понимала, что приятного будет мало, лишь бы не было всех этих игр в подчинение и унижение. Я была далека от всех эмоций, проявлений любви, нежности, ласки. Отсутствие всего этого в детстве делало меня, скорее всего, в глазах других ущербной, но я с этим давно научилась жить.

Лишь только в номере для новобрачных закрылась дверь,

моё платье было разорвано, никто не стал возиться с маленьким пуговицами. Толя словно сорвался с цепи, оставляя на теле засосы, синяки, жадно покрывал лицо поцелуями, срывая последние остатки одежды с меня и себя.

– Толя, подожди, дай сказать, – я пыталась отстраниться, заглянуть ему в глаза, сказать, что у меня еще не было мужчины.

– Не время для разговоров, птичка, всё потом, – бормотал что-то невнятное, раздвигая мои ноги.

Хаотичные движения, инстинктивно пытаюсь сдвинуть бедра, но их разводят шире. Пальцы скользят по до предела раскрытой киске, два врываются внутрь.

– Боже, птичка, ты такая узкая, словно девочка.

– Толя, да я...

Дальше ничего не успеваю сказать, пальцы заменяет что-то более крупное, опускаю глаза на то место, член мужас силой врывается в меня, вышибая весь воздух из легких. Он словно ничего не замечает, двигается с напором, вбиваясь на всю длину. Находит мои губы, целует, насилуя мой рот, так же как это делает внизу. Мне нечем дышать, пытаюсь кричать, но не выходит, словно рыба, выброшенная на берег, слезы текут потоком.

Толя замирает, отрываясь от меня, наконец могу вздохнуть, но снова толчки и движение во мне. Считаю про себя, чтобы отстраниться от боли, один, два, три... На седьмом он выходит, проводит по члену несколько раз, горячие струи

спермы вперемешку с моей кровью остаются на животе. Толя все это время смотрит на меня, но словно не видит, взгляд затуманенный. Опускает глаза на мой живот, разглядывает свою руку, она тоже в крови и сперме.

– Черт, Вероника, я тебя порвал или ты девственница?

– Девственница, – голос хриплый. – Я пыталась тебе сказать, но ты ничего не слышал.

– Вот это, блять, подарок, моя птичка Вероника умеет удивлять.

Ложится на бок, прижимая к себе, зарывается в волосы, вдыхая их запах. Гладит меня по спине, скользит пальцами вдоль позвоночника до ягодиц, поглаживает их.

– Ты же понимаешь, что теперь ты только моя? – голос очень тихий, вкрадчивый. Тянет за волосы, запрокидывает голову, смотрит прямо в глаза, дико, жадно. – Ты понимаешь это, птичка? Я научу тебя всему, ты будешь моей идеальной девочкой. Больно больше не будет, я обещаю.

В ту ночь он больше не трогал меня, ушёл совсем. Мне бы призадуматься еще тогда, но чёртов инстинкт самосохранения отключился. Его вкрадчивый голос, глаза с диким блеском не подсказали мне ничего.

Дальнейший секс не вызывал во мне ровным счётом ничего. Я так и осталась той рыбой, что была выброшена на берег. Мне было никак. Толя же будто не замечал этого, он реально был одержим мной и моим телом. Подстраивал его под себя, обучал и приручал. Я была его птичкой в золотой

клетке, дрессированная канарейка.

– Птичка, твой безумно порочный рот с этими пухлыми губками для меня сильнее любой наркоты, ты ведь знаешь это?

– Толя, я не хочу.

С силой давит на плечи и ставит на колени перед собой.

– Давай, милая, возьми его, – напряженный член покачивается прямо перед моими глазами. – И не смотри такими невинными глазками, ты знаешь, от этого я ещё больше завожусь.

Перед нами большое панорамное окно от пола до потолка, за ним ночной город с высоты двадцать пятого этажа. Я на коленях, в одних чулках, член моего мужа во рту, его рука на затылке, и ритмичные движения до самой гортани. Слезы вновь текут по щекам, не от дискомфорта, а уже от обиды. Неужели так будет всегда? На сколько меня хватит?

Рывком поднимает меня, разворачивает к себе спиной, мои ладони на прохладном стекле окна, член трется о половые губы, резко входит на всю длину, ритмичные движения, пальцы поглаживают клитор. Мне даже приятно, Толя иногда любил так ласкать меня, целовать шею. Запрокидываю голову на плечо, мой тихий стон, движения настойчивее, стон громче.

– Да, моя птичка, да, кончай, сладкая. Ты только притворяешься замороженной фригидной куклой, на самом деле ты та ещё похотливая сучка. Моя сучка!

Толчки сильнее, мокрые ладони скользят по стеклу, стоять трудно. Толя натирает мой клитор, сжимает его между пальцами, тело меня предает, я кончаю на члене и от ласк своего по-прежнему нелюбимого мужа.

– Какая же ты красивая, посмотри на себя, – он разворачивает мое лицо, заставляя посмотреть на свое отражение, тяжело дышит мне в ухо, он тоже кончил мне на спину. – Ты самая красивая кукла! Моя кукла!

Так прошёл мой первый год замужества. Толя наряжал меня в красивые тряпки, таскал по важным для него и его бизнеса мероприятиям. В тот же год я примерно поняла, что за бизнес был у моего мужа помимо основного, а точнее, в его параллель. В клубах бордели, в спортклубах бои без правил, транзит оружия и наркотиков. Меня даже тогда это не смущало, я понимала – дергаться бесполезно.

Большой дом за высоким забором, камеры на каждом углу, охрана смотрела всегда в пол или мимо меня, а Толя был только для меня Толей, для всех остальных – Анатолий Александрович или Толя Бес.

Глава 21

Вера

Город стоял в пробках. Ехали медленно, молча, лишь из динамиков лилась какая-то навязчивая попса. Егор что-то читал в своём телефоне, начальник охраны просто смотрел вперёд, видимо, его совершенно не раздражала эта толкотня на дороге. Я молчала, как пришибленная, ну, меня-то понять

можно, почти два года я не слышала имя мужа от других людей.

И вполне понятна реакция – внутри всё похолодело, даже дышать стало трудно. Давно я не слышала о нём ничего, да и не пыталась узнать. А тут прямо в лоб, словно у меня спрашивают, а знаю ли я что-то о Толе Бесе? Я бы рада не знать, но знаю слишком много.

Паркуемся, высотное здание, бетон, стекло и металл. Егор открывает мою дверь, подаёт руку, смотрю на неё, не двигаясь с места.

– Вера, пойдём, – тянет меня за локоть, находит ладонь, сжимает. – Ты снова вся ледяная. Пойдем скорее внутрь.

Втроём поднимаемся по большому крыльцу, стеклянные двери, мраморный, натертый до зеркального блеска пол, рамка, вертушка, охрана. Большой лифт, Егор ищет в зеркальной стене моё отражение, всматривается в лицо, хмурит брови.

– Когда будет вся информация по Бессонову? – обращается к Глебу, не сводя с меня глаз.

– Через пару часов досье ляжет на стол, шеф. Парни уже роют землю носом.

– Хорошо, я жду.

Лифт не спеша плывёт наверх, а мои мысли несутся галопом с обрыва. Пара часов, и парни нароют много интересного о моём муже, а приятным бонусом будет информация о его жене, плюс гигабайты фотографий. На них я, как счаст-

ливая жена, рука об руку со своим мужем, приёмы, банкеты, благотворительные вечера, Толя любил мелькать и брать меня с собой. Облик успешного бизнесмена, владельца компаний и мецената поддерживался на всю катушку.

Цель всех этих сборищ – не благие намерения, а пафос и показуха. Новые сиськи любовницы, бриллианты жены, встреча нужных людей, связи и знакомства – вот что основное. Всегда была далека от этих мероприятий. Но больше всего удивляла реакция на моего мужа других женщин. Откровенные взгляды, полные похоти, в которых так и читались неприкрытые ничем предложения своего тела. Так и хотелось сказать: «Да на, забирай! Подавись им!»

Но Толя будто никого не замечал, кроме меня, или так хорошо отыгрывал роль примерного мужа. Прижимал к себе, всегда с силой, словно я могу сорваться и убежать, целовал в висок. Но в жестах и движениях ни капли нежности, только натиск собственника. В этом весь Толя Бес.

Светлая приёмная, красивая блондинка за столом секретаря. Иначе никак в главном офисе Воронцова Егора Ильича. А то, что мы именно в нём, я поняла сразу, не успела только прочесть название на переливающейся солнцем табличке, да и всё равно, мне тут недолго осталось.

– Добрый день, Егор Ильич, мы и не думали, что вы приедете, – секретарша затараторила, подсакивая со своего места.

– Марина, успокойся, я ненадолго, – Егор, даже не глядя

на девушку, махнул ей рукой, открывая дверь кабинета, пропуская меня вперед.

– Зачем мы здесь?

Большой кабинет, все функционально и сдержанно, панорамные окна, с недавних пор не люблю такие.

– Мы ненадолго, надо кое-что проверить, – Егор открывает сейф, перебирает бумаги.

– Для чего здесь я?

– Хочу, чтобы ты была рядом.

– Я, по-твоему, похожа на ручную собачку, которую везде за собой таскают? – на смену ледяному страху во мне закипала злость.

– Нет, ты не похожа на собачку, – тон спокойный, всё так же рассматривает бумаги. – А я не похож на мужчину, который любит женские истерики, так что успокойся.

Стою и молчу, но успокоиться получается не сразу, прикрываю глаза, с меня хватит, надоело. Как бы меня ни тянуло к этому мужчине, как бы моё тело ни оживало в его руках, мне не нужна вторая клетка даже с таким владельцем. Разворачиваюсь, иду к двери. Мне надо уйти – из этого здания, от этого мужчины, и никто меня не остановит.

– Вера, стой! – окрик мне в спину.

– Я не животное, чтобы выполнять команды. Не надо со мной так. Я открою дверь, выйду, и ты меня не остановишь.

Не успеваю повернуть ручку, Егор оказывается рядом, берёт за плечи, разворачивает к себе.

– Что с тобой? Что опять не так? Я хочу тебя понять, но не могу, – разглядывает лицо, нежно проводит пальцами по скулам.

– Не надо со мной так, я прошу. Я не кукла, чтобы меня наряжать и таскать за собой. Может быть, кому-то это нравится, и это предел мечтаний, но мне этого хватило по горло, – быстро замолкаю, понимая, что сболтнула лишнего.

– Не думал, что моё проявление заботы ты воспримешь так агрессивно. Молчишь до последнего, что-то там накручиваешь в своей милой головке. Пойми, не хотел тебя обидеть, впервые мне не всё равно, – всё так же поглаживает мои скулы, опуская одну руку на шею, легко сжимает её. – Я словно сам себя теряю рядом с тобой. Ты понимаешь?

Сглатываю, снова его глаза, полные огня, руки, полные жара. Шея горит, губы покалывает, прикусываю их. Знаю, что сейчас будет, и, твою же мать, хочу этого. Но Егор не двигается ни на сантиметр, а меня уже потряхивает от его близости. Скольжу пальцами по его небритой щеке.

– Когда ты так близко, я теряюсь в тебе, – почти шепчу в его сухие губы, накрывая своими.

Доля секунды, Егор отвечает на поцелуй. Жарко. Жадно. Окончательно лишая меня воли. Терзает губы, а мне мало, сама за волосы притягиваю его ближе, сплетая наши языки. Егор вжимает меня в дверь, даже сквозь слои одежды чувствую его эрекцию. Живот скручивает, тело помнит его член внутри и резкие толчки.

– Останови меня, – хрипит, кусая губы, задирает узкое платье до пояса.

– Не могу, – мой жалкий ответ и стон, когда он руками сжимает мои ягодицы, прижимая к себе.

– А я уже не смогу, – подхватывает под бедра, несет куда-то вглубь кабинета.

Угловой диван, верхняя одежда летит на пол. Оттягивает высокий ворот платья, целуя шею, забираясь рукой мне под колготки в трусики, где всё уже мокро. Страсть вспыхивает спичкой, разжигая пламя между нами.

– Ты опять оделась так, что до тебя невозможно добраться, – Егор рычит, разворачивая меня спиной к себе, стягивая мои колготки вместе с трусиками вниз.

Падаю грудью на спинку дивана, попа задирается кверху, слышу шелест одежды, что-то летит на пол, пряжка ремня, ладони скользят по моим обнаженным ягодицам. Пальцы накрывают возбужденную, мокрую плоть, растирая по ней влагу.

– Чёрт, Вера, прости, но без прелюдий.

Мои бёдра приподнимают чуть выше, чувствую, как головка члена скользит между половых губ, задевая клитор, слишком медленно. Но в следующую секунду возбужденная до предела плоть врывается в меня одним толчком, до упора.

Громко вскрикиваю, принимая яростные движения, подаюсь навстречу им. Всё слишком быстро, сильные руки на моих бедрах, резкие движения и шлепки моей попы о напря-

женный живот мужчины.

Мышцы крутит, руки до белых костяшек сжимают кожаную обивку дивана. В солнечном сплетении что-то вспыхнуло и полилось вниз, к животу, сдавленный крик, и я начала тонуть в нахлынувшем оргазме. Чувствую, как мои бедра сжимают ещё сильнее, Егор кончает, издавая громкий стон. Пульсирует внутри меня, и горячий поток спермы стекает вниз по ногам.

Глава 22

Егор

Это случилось снова. Меня накрывает рядом с ней. Надо поговорить, сказать многое, но что-то животное во мне берет верх, меня тянет, влечет, а Вера словно подливает сама масло в этот огонь, и мы горим вместе.

Вижу, что-то не так с девочкой, не лезу с вопросами, чувствую, что спугну, и закроется снова, как это она любит и умеет. Уйдет ведь, и я не смогу остановить, если только не посадить под замок, как это сделал Морозов.

Моя забота ее напрягает, я чувствую, будто ей всего этого не надо. Как часто я встречал женщин, которым ничего от меня не надо? Да никогда! И для меня было нормально чем-то платить за близость с ними.

– Егор Ильич, к вам... – дверь кабинета распахивается, врывается секретарша, отталкивая ее, заходит Снежана. – Я пыталась остановить, но...

– Все в порядке, Марина, идите.

– Егор, почему меня не пускают? – Снежана возмущается, с презрением косится на моего секретаря.

– Снежана, почему ты здесь?

– Я была ниже, в ресторане, увидела Глеба и поняла, что ты здесь, пришла навестить.

– Снежана, если ты не помнишь, то мы расстались, и навещать меня больше не надо, поверь.

– Но то, что было тогда, это ведь не может быть правдой, это так на тебя не похоже, – Снежана мнетя, пытается подобрать слова, подходит ближе, пытается что-то разглядеть и понять.

– Если я сказал «все», значит, все! Что непонятно тебе в этом слове?

Начинает бесить вся эта ситуация, раздражает эта глупая женщина с ее выходками и этим внезапным визитом.

– Но... но... я думала... что...

– Снежана, не думай так много, это ни к чему хорошему не приводит. Мы все решили тем утром в особняке.

– Я посчитала, что все было сказано на эмоциях, ты был чем-то взволнован и наговорил лишнего, да и я столько всего сказала в ответ, я совсем не хотела тебя обидеть.

Девушка волновалась, подбирала слова, подошла ко мне совсем близко, попыталась взять за руку, но совершенно не хотелось, чтобы она прикасалась. Хорошо, что Вера ушла в туалет с душевой в конце кабинета и не видит всей этой сцены.

– Снежана, ты, видимо, не так поняла– или поняла, но по-своему. Мы расстались, и нас больше ничего не связывает, да и не связывало.

Пытаюсь отстраниться, беру за плечи и хочу отодвинуть, но поднимаю взгляд и встречаю глаза Веры. Она стоит в дальнем углу, вытирая руки салфеткой, смотрит на нас, но как-то странно ведет головой, отводя взгляд в сторону.

Снова надевает на себя маску безразличия, идет к дивану, но на полпути останавливается, глядя на него, разворачивается и идет к окну.

Снежана понимает, что мы в кабинете не одни, следит за моим взглядом, видит Веру, секундное замешательство, но тут же скидывает белокурые кудри с плеча за спину, прищуривает глаза, что-то сопоставляя в голове.

– Так вот на кого ты меня променял, да, Егор? Что это за безликое создание делало в твоей уборной? Кто она? Твоя очередная подстилка? Где ты ее подцепил? Официантка в забегаловке или твоя новая маникюрша?

– Снежана, остановись, – не узнаю свой голос, меня прошибает холодом при каждом оскорбительном слове, сказанном в сторону Веры, моей Веры!

– А то что? Что ты мне сделаешь?

Перед глазами темные круги, сжимаю кулаки до хруста суставов. Хватаю Снежану за шею одной рукой, притягиваю к себе, мне ничего не стоит свернуть ей голову, словно курице. В голове просто шум, чувствую, что уже не холод пронзает

меня, а жар.

– Еще хоть одно слово, я тебе сломаю шею одним движением, – хриплю прямо в ухо, чтобы слышала только она.

В глазах Снежаны дикий страх, она жадно глотает воздух, не может произнести ни слова.

– Ты меня поняла?

Кивает головой, царапает мои руки, пытаюсь убрать их с хрупкой шеи.

– Да, да, отпусти... Егор... больно, – по щекам текут слезы, оставляя дорожки от размытой туши, а мне становится мерзко и гадко от самого себя.

Быстро разжимаю ладонь, с меня словно сходит морок. Отшатываюсь.

– Просто уйди.

Снежана срывается с места, быстро бежит к двери, зажимая рот рукой, пытаюсь унять слёзы и истерику. Дверь с силой хлопает. Я вздрагиваю, как от удара. Что это вообще сейчас такое было? Я поднял руку на женщину только потому, что она говорила плохое о Вере. Только потому, что она посмела оскорбить ее, отозваться нелестно, задеть и обидеть.

Я становлюсь гребаным одержимым шизофреником, не умеющим контролировать свои эмоции. Что будет, если кто-то еще посмеет при мне обидеть эту женщину? На что я способен еще? Покалечить, убить?

Ищу Веру, она все так же стоит у окна, смотрит на меня, поджав губы. Но во взгляде, что скользит по мне, нет страха

или осуждения. Там нет совершенно ничего. Ни одной эмоции. Снова отворачивается к окну, за ним уже сгущаются сумерки, к зиме в наших краях темнеет рано.

Ветер на этой высоте кружит снежинки вихрем, а мне почему-то хочется сдохнуть от того, что она все это видела. Мою агрессию и несдержанность, тем более по отношению к женщине. Совершенно не хочу, чтобы она думала обо мне плохо, внутри как-то все леденеет от того, что она смогла уже надумать.

– Вера, то, что произошло... так не должно было быть, – пытаюсь подобрать слова, даже оправдаться и не выглядеть в ее глазах скотиной.

– Не надо ничего говорить. Я не хочу ничего слышать и знать. Это ваши отношения, и я здесь совершенно ни причём. Это твоя девушка, мне Глеб сказал, я видела ее тогда, когда она приехала, мы были на крыльце.

– Но она уже не моя девушка, с того утра, когда я тебя поцеловал на кухне.

– Меня это тоже не волнует. Вчера твоя, сегодня не твоя, это не мое дело, – она даже не поворачивается ко мне, так и смотрит в окно, опять себя накручивает.

Быстро сокращая между нами расстояние, беру за плечи, разворачивая, прижимаю к себе. Крепко, как только можно.

– Только не думай сейчас ни о чем. Просто не думай. Я вижу, как в твоей голове путаются мысли, хоть ты и не подаешь вида. Я сам не могу понять, что происходит со мной, с

нами. Я словно падаю с обрыва, не замечаю ничего и никого вокруг. Кроме тебя.

Глажу ее по волосам, крепко сжимая плечи, в кабинете окончательно становится темно, свет так и не был включен. За окном кружит снег. Сердце бьется ровнее. Странно, но эта девушка умеет его приручать, то запуская в бешеном ритме, то умирняя. Такая слабая и такая сильная, моя девочка. Только моя.

Глава 23

Вера

Я не могу не думать. Мысли путаются, я противоречу сама себе, отталкиваю и тут же теряю волю, стараюсь хлебнуть как можно больше этой близости, впитать эмоции, которых у меня никогда не было. Живу в некой иллюзии, на время забывая, кто я, чья жена. Что я в принципе не имею право на отношения, право строить планы, иллюзии, вообще мало на что имею право.

Почему я до сих пор не ушла? Я ведь понимаю, что скоро на стол ляжет досье на Анатолия Бессонова и его жену Веронику, с фото будет смотреть девушка, похожая на меня, с той лишь разницей, что на снимках брюнетка с длинными волосами, а сейчас я почти блондинка со стрижкой до плеч.

Это изменит многое. Мой статус, положение, отношение. В который раз возникает мысль рассказать все Егору, всю мою такую пропащую и невзрачную жизнь. Но, черт возьми, мне не страшно, мне стыдно!

Как говорить такое успешному, уверенному мужчине? Как можно сказать, что ты была нежеланным и нелюбимым ребенком, сиротой при живой матери, предоставленной самой себе? А потом благодаря безволию и слабохарактерности стала любимой куклой нелюбимого мужчины. Да лучше провалиться или просто сбежать, как я это обычно делаю.

В кабинете темно и тихо. Сердце Егора стучит ровно, отдаваясь мне в грудь.

– Вер, поехали поедим, я голодный, сил нет, – голос тихий, такой родной.

– Конечно, поедем, – я снова соглашаюсь, пойду за ним, мыслей нет сопротивляться.

Пустая приемная, длинные, такие же пустые коридоры и светлый лифт, что слепит глаза.

– Поедем в прекрасное место, вот увидишь, тебе там понравится, – тянет за руку, на ходу кутая в свой широкий шарф, обдавая слегка уловимым ароматом ванили и коньяка.

– Мы разве одни, без охраны?

– К черту охрану, от нее никакой пользы.

– Но как же Глеб, его надо предупредить, – сама не знаю, что меня тревожит.

– Ты еще позови его с нами. Прольется кровь прямо там.

Едем по снежному городу, Егор уверенно смотрит вперед, четкий профиль, слегка полные губы с еще видимой ссадиной, двухдневная щетина, ему очень идет. Сильные руки сжимают руль, зависаю, глядя на них, вспоминаю, как они

так же уверенно сжимали мою талию, а пальцы ласкали в самых откровенных местах, даря безумное блаженство.

– Вера, прекрати.

– Что именно? – говорю тихо, сама так и не могу оторвать взгляд.

– Так смотреть. Я чувствую твой взгляд, у меня встает. Мы не доедем до ресторана. Ты хочешь секс в машине в первой подворотне под яркими фонарями?

Только сейчас, произнеся все это, он поворачивает голову в мою сторону. В глазах пляшут черти, руки еще сильнее сжимают руль, кожаная оплетка на нем хрустит.

– Извини, – отворачиваюсь к своему окну, пряча улыбку в шарф, даже краснею, представляя, что может произойти, во всех красках и подробностях.

– Так-то лучше, но мне безумно нравится, как ты смотришь, – берет мою руку – так неожиданно и вполне естественно, подносит к губам и целует пальцы.

Замираю, сердце пропускает удар. Слежу за его движениями, целует, кладет себе на бедро, накрывая своей горячей ладонью. Едем в тишине, иногда шуршат дворники, расчищая лобовое стекло от налипшего снега. Егор просил меня не думать, я не буду, не сейчас, когда так хорошо.

Ресторан на самом деле большой, просторный, все в современном стиле, два этажа стекла, зеркал, натурального камня, словно воздушных лестниц и огромных окон с видом на набережную в вечерних огнях.

Егор снова тянет меня за руку к столику на втором этаже. Некоторые гости с ним здороваются, кому-то он отвечает, на кого-то не обращает внимания. Скидывает пальто, снимает с меня. Подзывает официанта, заказывает, видимо, все подряд, даже не глядя в предложенное меню, не спрашивая, что хочу я.

– Мне надо отойти, где тут дамская комната?

Официант указывает направление, поднимаюсь, иду вдоль стены, справа перила второго этажа и несколько столиков, слева зеркальная стена с встроенными светильниками. Ресторанный зал гудит голосами и легкой живой музыкой. И тут я понимаю, что мне начинает закладывать уши, сердце нарушает ритм, сбавляю шаг, смотрю вперед, пытаюсь понять, что стало причиной моего состояния.

Хаотично шарю взглядом по залу, цепляюсь за фигуру, что идет прямо мне навстречу. Мужчина, темный костюм, черная рубашка, зачесанные назад светлые волосы, одна рука в карманах брюк, другая держит телефон, он с кем-то разговаривает. Губы плотно сжаты, скулы заострены, он наверняка чем-то недоволен.

Я забываю, как дышать, ладони потеют, замираю на месте. Вокруг снуют официанты с огромными подносами, звеня посудой. Я не могу оторвать взгляд от мужчины, он стал еще шире в плечах, мощный, с походкой хищника. Это уже не гиена, а акула, безжалостная, опасная, кровожадная. Это мой муж – Толя Бес, это он идет уверенной походкой дикого

хищника мне навстречу.

Понимаю, что надо уходить с дороги, но смотрю на причину своего страха— пронзающего, животного, парализующего. Кто-то толкает меня в плечо, просит отойти с дороги. Очнувшись, словно от гипноза, вижу, как официанты открывают двери, видимо, на кухню, срываюсь туда, несусь по коридорам, гонимая страхом. Замираю за каким-то поворотом многочисленных коридоров, прислоняюсь к стене, пытаюсь унять дыхание и сердце. Руки холодные, меня потряхивает, хватаюсь за горло.

Не знаю, сколько так стою, совершенно выпала из времени. Кто-то касается моего плеча, вздрагиваю, отшатываюсь, пытаюсь убрать руки, которые меня трогают. Нахожусь в состоянии, близком к истерике. Я думала, это прошло, что такие приступы остались в далеком прошлом, но нет, снова накрыло до боли в сердце и нехватки воздуха.

– Вера, посмотри на меня! Что опять случилось? – узнаю голос Егора.

Он прижимает меня к себе, перестаю сопротивляться, утыкаюсь лицом в его грудь. Я не плачу, но слезы сами текут по щекам, пропитывая рубашку. Меня так резко отпускает истерика, нет сил сопротивляться слезам. Они текут и текут, Егор гладит меня по голове.

– Ну что ты, все, тише, тише, маленькая. Все хорошо. Тебя нельзя отпускать одну даже в туалет. С тобой что-то всегда случается.

– Я хочу уйти отсюда, давай уйдем. Прошу тебя, пожалуйста.

– Конечно, уйдем, как скажешь. Пойдем, заберем вещи и еду навынос, ты голодная с утра, – Егор тянет меня в сторону зала, сопротивляюсь, слезы снова льются из глаз.

– Нет, нет, я не пойду туда, я подожду тебя здесь, пожалуйста.

Он очень странно смотрит на меня, не задавая лишних вопросов, но я знаю, что они последуют, и надо что-то придумывать, снова врать. Противно. Мерзко.

– Хорошо, выйдем через черный ход. Подожди меня здесь, хорошо? Я быстро. Вера, ты понимаешь?

– Да, я понимаю, я не умалишенная, не надо так говорить, – смотрю на него, вытирая слезы, беру себя в руки. – Все хорошо, иди, я жду здесь.

Егор уходит, я сползаю по стене вниз, на пол, обнимая себя за плечи. Воспоминания накрывают не хуже истерики, во всех красках и подробностях.

Глава 24

Вера

– Какая же ты дрянь! Последняя конченная сука!

Толя орал так, что звенела посуда и закладывало уши. В стену напротив меня летело все, что попадалось ему под руку. Пол был усыпан осколками стекла, обломками пластика от разбитых телефонов, настольной лампы. Там же была моя косметика, духи вперемешку с разбитыми бутылками алко-

голя.

– Сука паскудная, я готов задушить тебя голыми руками, но я этого не сделаю. Ты обманывала меня все эти годы, водила за нос и держала за лоха.

– Толя, ты слишком все усложняешь, – я сидела на полу в груди осколков когда-то хороших вещей и качественного алкоголя.

– Заткнись, бля...ь! Я даже не начал еще усложнять!

Толя не был пьян или под кайфом, он был совершенно трезв, поэтому максимально зол. Это было страшнее, лучше бы он выпил.

– Перестань орать, тебя слышит весь двор с кучей охраны.

– Мне поебать на охрану, а вот с тобой, моя птичка, мы будем разбираться долго, и я буду орать столько, сколько нужно. А потом будешь орать ты– подо мной! Ты моя жена! Жена, которая наебывала меня почти три года и лечила о том, что дети – это дар небес. Оказывается, дары неба зависят от одной маленькой сучки, которая просто их не хотела.

Да, Толя хотел детей. Наследника престола, как он говорил. Когда спустя год нашего брака он заикнулся о детях, мне стало страшно. Я не была совсем уж набитой душой и понимала, к чему приводит незащищённый секс. И еще я боялась, как бы Анатолий не принес в дом букет венерических заболеваний.

Я просто сделала выводы, сама, имея представление о своем муже, уверенная в его неразборчивых связях. Но я оши-

балась. Меня заверили, что шлюхи – это грязь, после того как он узнал, что я оказалась девственницей, его не тянет больше ни на кого.

– Ты так умело меня обманывала, прикидываясь милой, беззащитной девочкой.

Толя подходит ближе, под подошвой туфель противно скрипит стекло. словно скребет по нервам. Рывком поднимает с пола, с силой вдавливая в свою каменную грудь.

– Я не трону тебя, моя птичка, – от его горячего дыхания по телу озноб и дрожь. – Ты же знаешь, ты моя сладкая птичка, моя куколка. Но если ты, тварь, еще хоть раз меня обманешь, я закопаю тебя живьем во дворе дома и посажу там розы.

Сильные руки сжимаются на шее, я смотрю в глаза своего мужа, а там нет ничего. Только холод. Он пробирает до костей и выбивает дыхание из легких. По щекам текут слезы, кислорода не хватает, инстинктивно цепляюсь за его руку, пытаюсь оторвать от себя.

– Я вижу, ты поняла меня.

Мерзкая улыбка, хватка на шее слабеет, его губы впиваются в мои болезненным поцелуем. Кусает, пожирает, сминая до крови, насилуя рот языком. Это так мерзко, так противно и унижительно, слезы продолжают бежать потоками, слезы боли и обиды.

Меня так же резко отпускают, не могу устоять на ногах, падаю на пол, усыпанный стеклом, царапая руки, осколки

впиваются в кожу.

– Выброси все, что я нашел, это в твоих интересах, – разворачивается и уходит.

Мне страшно, мне не было так страшно, когда меня выдавали замуж, мне не было страшно, когда меня лишали девственности, а сейчас мне реально страшно.

После первой брачной ночи охрана, которая теперь будет около меня постоянно, отвезла в женскую консультацию. Милая женщина-гинеколог, осмотрев, сказала, что все в порядке, порекомендовала оральные контрацептивы. Я и не думала, что Анатолий может захотеть детей, да и сама не горела желанием – какая из меня мать?

Накупив в ближайших пяти аптеках кучу стандартных таблеток, которых хватит не на один год, методично пересыпав и смешав с витаминами в баночке, я успокоилась. Речь о детях началась примерно через год. Вначале я просто пожимала плечами и делала вид, что не понимала, почему ничего не выходит.

Я не знала, как мне жить самой в этой клетке со зверем, я не знала, какой ребенок может родиться, с какими патологиями и болезнями, ведь я понимала, что Анатолий употребляет наркотики. Я мечтала вырваться из этого плена под названием «брак», но все никак не решалась. Куда идти? Что делать? Найдут, приведут, и будет еще хуже.

Как он узнал о таблетках, я не знаю, да уже и неважно. Вон они, все валяются, разбросанные по полу, в луже духов

и алкоголя. Собирай и жри, но это уже бесполезно.

Если до этого момента мне казалось, что моя жизнь ужасна, то после начался сущий ад. Толя с одержимостью маньяка вколачивался в меня каждый день, кончал глубоко и держал так какое-то время. Я плакала, умоляла остановиться, перестать быть животным, покрывающим самку. Но все было бесполезно.

Я выла от своей безысходности и обречённости. Я вспоминала свою мать, нелюбившую меня всю свою жизнь. Неужели я тоже буду не любить своего ребенка? Ребенка от нелюбимого, ненавистного мне человека. Я кричала в голос ночами от того, что не вынесу этого, я не смогу так жить, если во мне будет ненависть, а не любовь.

Возникало желание убить Толю, пока он спит, просто воткнуть ему в горло что-то острое, я представляла все это так живо и в красках, как багровая кровь заливает белоснежную постель, из горла вырывается хрип, и душа покидает бездыханное тело. Но понимала: не смогу взять грех на душу.

Так продолжалось четыре месяца, в начале осени я поняла, что беременна. Меня выворачивало каждое утро, от любого запаха и вида еды. Толя воспринял все как должное, сам отвез меня к частному доктору в дорогую клинику, выслушал все рекомендации и больше с сексом ко мне не лез.

Мне было двадцать три, когда я поняла, что уже не одна в этом мире. Услышав биение сердца, я уже любила больше жизни своего ребенка. Меня словно отпустило, все страхи

и сомнения ушли. Накрыло чистое блаженство и абсолютное равнодушие к тому, что происходит вокруг. Толя как-то странно изменился, стал смотреть иначе, ходил со мной на каждый прием и волновался о здоровье.

Через два месяца он сделал мне подарок – цветочный салон. Не знаю, почему именно он, но мне безумно понравилось. Я ничего особо не понимала, но был толковый управляющий, грамотные флористы, а еще море цветов. Они были повсюду вокруг меня, разных сортов и безумных ароматов, странно, от них меня не тошнило.

Глава 25

Егор

– Мне снова придется нести тебя на руках. Зачем ты сидишь на полу?

Егор подходит, он не один, за ним парнишка в черном костюме, в кармане трещит рация, пиджак отчетливо выдает, что под ним кобура с оружием. Он несет объемный пакет, а Егор – мое пальто.

– Давай, Вер, вставай, ты снова вся ледяная.

Кутает меня в одежду, снова наматывает шарф, старается на меня не смотреть, поднимает на руки и несет куда-то по темным коридорам. Черный вход, железная дверь громко хлопает за нами. Холодный ветер с колючими снежинками обжигает лицо, прячу его в распахнутом пальто Егора.

Теплая кожа на контрасте с моими холодными губами. Прижимаюсь, пытаюсь согреться, жадно вдыхаю его аромат.

Цепляюсь, как за последнюю соломинку, обхватываю рукой сильную шею. Мышцы напряжены, он сам весь словно натянутая струна. Машина стоит далеко, на центральной парковке, под яркими огнями ресторана.

Едем молча. Мне кажется, что вся моя жизнь – сплошное молчание и тишина. От нее закладывает уши, хочется кричать – громко, срывая голос, но я снова молчу.

– Мы едем ко мне на квартиру, возвращаться в особняк слишком поздно, да и дороги замело.

– Хорошо.

Высотка в центре, консьерж, лифт, мы не смотрим друг на друга. Егору скоро надоеет возиться со своей непутевой экономкой, и меня наконец выкинут, как собачонку, на мороз. А может, он уже что-то знает, один звонок, и Глебушка расскажет историю глупой девчонки.

– Проходи, – Егор открывает двери, пропуская меня вперед, в просторную прихожую. – Впереди кухня и гостиная, дальше левее – ванная.

Я киваю, мужчина смотрит, что я буду делать. Снимаю пальто и теплый шарф, скидываю сапоги, иду в сторону ванной, чтобы наконец-то согреться, меня колотит, как долбаную наркоманку. С трудом справляюсь с узким платьем, стягиваю его рывками, путаюсь, задыхаюсь. Наконец скидываю все на пол, черный кафель, белая душевая, как на контрасте, и я тут грязным пятном в этой стерильной, сверкающей чистоте.

Сажусь на дно душевой, настраиваю воду погорячее, растворяюсь в этом теплом потоке, кончики пальцев покалывает, начинает подташнивать, давление скачет, пульс бьет в висках.

Не знаю, сколько так сижу, меня окутывает пар, чувствую, что кто-то рядом, вода становится не такой горячей.

– Ну, что опять с тобой, малыш?

Егор поднимает меня с пола, прижимает к себе, гладит по лицу, убирая воду с глаз и заправляя волосы. В нем нет напора, только нежность и забота, он даже не пытается меня поцеловать, только проводит пальцами по губам.

– Ты словно девочка, что сбежала из дома и заблудилась в дремучем лесу, не знаешь, куда идти, но все равно идешь, даже дорогу не спросишь.

– Кто же тогда ты?

– А я пацан, который идет за этой девочкой, смотрит издали, чтобы не попала в беду. Ведь помощи она не попросит все равно. Гордая или глупая, не пойму.

– Глупая.

– Меня так кроет рядом с тобой, сам не пойму, что это. Так много всего. Ты безумно красивая и такая горячая, когда настоящая, хочется целовать и брать до смерти. А потом ты молчишь, ледяная, отстранённая от всего и закрытая. Расскажи мне, какая ты?

Мы стоим, совершенно обнаженные, я чувствую его возбужденный член, Егор гладит меня по мокрым волосам, спи-

не, начинает невесомо целовать лицо и губы. Я не отвечаю, не хочу ничего говорить и портить такой момент.

– Пойдем, ты еле стоишь на ногах.

Обернув в махровый халат, ведет на кухню— имения накрывает дежавю: мы так уже ели ночью. Большая кухня, серые тона, мрамор, хром и стекло, этот мужчина определенно поклонник современных стилей, он такой же дорогой, как и все, что его окружает.

– Давай, ешь, а то на тебя смотреть страшно, того и гляди в обморок хлопнешься. У меня на тебя этой ночью грандиозные планы.

– Это какие такие планы? – с аппетитом, которого до этого не было, набрасываюсь на еду. – А чай есть зеленый?

– Будет тебе чай, а планы сто процентов интимного характера, так что набирайся сил.

Это звучит так мило и по-семейному, что ли. Интересно, каково это— вот так поздно ужинать или завтракать, иногда дурачиться, ходить в кино со своим мужем или парнем? Жить вместе, встречать его с работы, готовить обеды, а по выходным приглашать в гости друзей. Скорее всего, у Егора просто нет на это времени, как и не было его у моего мужа. Может быть, веди себя Толя по-другому, все могло сложиться иначе.

– Скажи, та девушка, в офисе— вы встречаетесь?

– Нет, уже нет, – ответ слишком резкий, видимо, ему не хочется говорить на эту тему.

– Ты был с ней слишком груб, не считаешь?

– Не считаю, она задела тебя. Единственное, не надо было ее трогать, тем более на твоих глазах. Не хочу быть монстром, способным поднять на женщину руку.

Он говорил отрывисто, сжимая в кулаке салфетку, смотрел куда-то в пол. Накрываю его руку своей, поглаживаю пальцы.

– Ты не монстр. Поверь мне, монстры не такие.

Долго смотрит на наши руки. Медленно притягивает за локоть, усаживая себе на колени. Гладит по влажным волосам, пальцы касаются лица. Я трогаю его волосы в ответ, они тоже все еще мокрые.

– Надо было высушить волосы, – говорю, заглядывая в его черные глаза, вижу там зарождающиеся огоньки пламени.

– Так высохнут.

Медленно приближается, его губы касаются моих без напора и натиска. Целует, словно пробуя на вкус, так долго, тягуче и сладко. Отвечаю, смакуя ощущения, глажу по лицу, по колючим, небритым щекам. Наши языки так же медленно сплетаются, словно танцуя свой особый танец.

– Хочу тебя видеть.

Резко сажает на стол, посуда со звоном отлетает в сторону. Распахивает халат, моя грудь с заостренными от возбуждения сосками напротив его лица. Нежно берет ее в руки, чуть сжимая, гладит, целует, обводит каждый сосок языком, вбирает по очереди в рот.

Мне мучительно-сладко, тело наливается возбуждением и истомой. Такого никогда не было, меня приучили к резкому и грубому сексу, а сейчас происходит что-то совершенно другое.

Губы Егора спускаются ниже, на живот, я отклоняюсь назад, давая ему больше места. Но он на мгновение застывает, смотрит на два шрама, один ровно посередине, другой слева. Я инстинктивно напряглась, думая, что вот сейчас он меня оттолкнёт, увидев это уродство. Но он молчит, гладит их пальцами. Я снова вздрагиваю, и тут он целует – нет, не шрамы, а рядом, спускаясь к обнаженной и уже такой возбужденной промежности.

Разводит шире колени, раскрывая максимально. Не трогая пальцами, скользит языком по складочкам, надавливая на клитор, всасывая его, играет, дразнит. Начинаю задыхаться, развожу колени еще шире. Почему все так медленно и безумно сладко? Подаюсь бедрами вперед, хочу прижать его голову и умолять, чтобы не останавливался.

– Такая нетерпеливая малышка. Подожди, сейчас все будет.

Он точно издевается, отрывается от моих набухших складочек, подхватывает на руки и несет куда-то в темноту.

Глава 26

Егор

Вера безумно нежная и отзывчивая, она невероятно страстная и требовательная, это все фантастически сочета-

ется в такой хрупкой девушке. Наши тела горят. Я не тороплюсь, хотя очень трудно себя сдерживать. Покрываю поцелуями все ее тело.

Она периодически перехватывает инициативу, кусает за шею, царапает спину. Спускается к самому паху, вбирает глубоко в рот мой истекающий смазкой член. Облизывает ствол, посасывает крупную от перевозбуждения головку, проводит языком по яичкам, я дурею от этих ласк.

С неохотой отрываю от себя, укладываю на спину, снова медленно и нежно целую сам, везде. Нежная шея с пульсирующей веной, мочка уха, тонкие запястья.

– Не мучай меня. Прошу... Егор, – Вера хнычет, с силой сжимая мои волосы на затылке.

Она толкается бедрами, трется возбужденной плотью о моё бедро. Развожу ноги шире, провожу членом вдоль истекающей киски. Медленно, очень медленно вхожу в нее. Безумно узко, горячо, влажно. Руку под поясницу, натягиваю сильнее, насаживая на себя. Громкий стон, Вера что-то шепчет, откидывая голову.

– Егор... сильнее.

– Нет, девочка, только не сегодня.

Сам сдерживаюсь, чтобы не сорваться на бешеный ритм, сегодня хочу любить ее, любить медленно. Заниматься любовью, как это делают с любимой и единственной женщиной. Меня переполняют эти эмоции, даже не похоть и страсть, как это было раньше, а именно что-то нежное вырывается нару-

жу, заполняя собой все пространство вокруг.

Я дышу этой нежностью, ловлю губами стоны и крики своей женщины. Она моя. Сейчас. Была и будет всегда. Эмоции накрывают волной нас двоих.

– Моя девочка. Только моя. Сладкая, нежная, страстная, ненасытная.

Шепчу на ухо безумные слова, вбиваюсь глубоко, медленно. Вера начинает срываться на крик, вибрация прокатывается по ее телу, внутренние мышцы сжимают член, провоцируя и ускоряя мой оргазм. Она с силой обхватила меня за шею, тело колотит в сильном оргазме. Я сам, уткнувшись в ее влажную кожу, громко и сдавленно рычу, кончаю так, что сводит ноги, член пульсирует, обжигая горячей спермой влагалище.

– Люблю тебя.

Сам не узнаю свой голос, скорее всего, Вера не слышит. Неважно, признаюсь сам для себя. Это откровение – как истина, лично для меня, не требующая доказательств. Волна наслаждения постепенно отпускает, перекатываюсь на бок, прижимая податливое тело к себе.

– Спи, малыш, – целую в лоб, ее руки обхватывают мой торс, нога закидывается на бедро, дыхание выравнивается.

Улыбаюсь, глядя на спящую в моих объятиях девушку. Такая уютная, домашняя, родная. Я четко уверен в своих чувствах к ней. А что с ней происходит, что она скрывает, и откуда эти шрамы, узнаю позже.

Сон накрывает, прижимаю Веру еще крепче, накрываю наши обнаженные тела покрывалом и проваливаюсь в темноту.

Яркий свет слепит глаза, телефон разрывается на полу в ворохе одежды. Шторы не задернуты, в спальне очень ярко. Я один посередине большой кровати. Веры нет, как и ее одежды, неужели ушла? Телефон замолкает, нотут же снова начинает звонить. Нахожу его, на экране имя Морозов. Черт противный. Сажусь, потираю лицо ладонями, только потом отвечаю.

– Чего тебе, мой любезный друг?

– И тебе доброго утра, Егор. Вера с тобой?

– Тебе какое, на хер, дело?

– Да, я обещал к ней не лезть, но дела срочные.

– Слушаю.

Морозов начинает говорить— много, долго, грамотно расставляя акценты, чтобы до меня дошло уж наверняка и задело. Я слушаю, но лучше бы я этого не слышал.

И не знал.

Жалею, что ответил на звонок.

– Ты уверен?

– Все скинул на почту, посмотри сам.

Отключаюсь, иду в душ, надо подумать. Слышу шум в стороне кухни, значит, Вера не ушла, даже не знаю сейчас, хорошо это или плохо. Долго стою под прохладными стру-

ями. Мозг начинает думать рационально, эмоции уходят на второй план. На душе противный осадок и горечь от услышанного.

Медленно одеваюсь— джинсы и рубаха. Иду на кухню, уже в коридоре запах чего-то вкусного, запах домашней еды. Вера стоит спиной, на ней моя белая футболка, она почти прозрачная, видны изгибы тела на фоне солнечного света из окна. Легкий поворот корпуса, открытое плечо, острый сосок выпирает сквозь тонкую ткань. Сглатываю слюну.

Она поворачивается, видит меня, улыбается. Открыто, искренне.

– Доброе утро. Я нашла творог, сделала сырники. Ты не против?

– Скажи, как тебя зовут?

Девушка замирает, взгляд становится нечитаемым, смотрит в глаза, не отрываясь, но в них нет ничего, снова лед и холод.

– Вера. Меня зовут Вера.

– Как на самом деле тебя зовут?

Глава 27

Вера

– Я жду ответа.

– Зачем ты его ждешь, если уже знаешь?

Откладываю на стол лопатку, выключаю плиту. Становится холодно и неудобно. Стою в почти прозрачной футболке на голое тело, хочется прикрыться и уйти.

– Не заставляй меня спрашивать несколько раз.

Слишком грубо, словно режет по живому. Отпираться и врать нет смысла, Егору все и так уже известно, он принял информацию, сделал выводы. Он успешный бизнесмен, аналитика – важный момент в бизнесе. Он проанализировал, сложил даже не два плюс два, а один плюс один. Но я продолжаю молчать, хотя знаю: говорить придется. Но душу наизнанку выворачивать не буду, никогда не умела.

– Как тебя зовут, говори!

Сильный удар ладони по мраморной столешнице. Голос вибрацией проносится по моему телу, вздрагиваю. Интересно, он сможет меня ударить? Если он чуть не задушил Снежану лишь за то, что она назвала меня подстилкой, то что он сделает со мной за ту правду, которую он хочет знать?

– Бессонова Вероника Геннадьевна, так меня зовут.

Отворачивается от меня, смотрит в окно, на залитую слепящим солнцем улицу.

– Кем приходится тебе Бессонов Анатолий?

Не хочу отвечать, вообще ничего не хочу. Не хочу, не могу больше находиться здесь, я задыхаюсь от той ненависти и злобы, что исходит от мужчины. Так же, но совсем по другой причине, я задыхалась под ним вчера, получая удовольствие. А сейчас начнется не разговор, а допрос. Что? Где? Когда? Зачем? Будет выворачивать меня наизнанку, вскрывать старые раны и выдавливать гной той моей жизни, которую я так пытаюсь забыть, и бегу, не оборачиваясь.

Сука!

– Он приходится мне мужем.

Буду говорить максимальную правду, пусть подавится. Глебушка уже постарался, рассказал в лицах, кому и кем я прихожусь. Наверняка сделал меня боевой подругой, помогающей перевозить дрянь и подавать патроны.

– Что ты делала в моем доме?

– Работала экономкой.

– И только?

– Да.

Видно, он не хочет верить тому, что ему сказали, а зря. Пусть верит, так легче. Так было бы проще, задавай он другие вопросы. Рассказала, встала, ушла, забыли друг друга. А в нем идет сопротивление и борьба. Нет хуже борьбы с самим собой.

– Как ты попала в мой дом?

– Я приехала в этот город за несколько дней до того, как пришла в твой дом. Мне нужна была работа. В кафе торгового центра услышала разговор двух женщин, видимо, одна, представитель агентства, предлагала работу другой. На столе был оставлен буклет с написанным от руки телефоном Тамары Степановны. Я позвонила и через два дня приехала в особняк.

– Как у тебя все складно. Ты думаешь, я поверю в твои сказки? Вся такая правильная и гордая, строила из себя снежную королеву, а на деле...

– А на деле оказалась подстилкой, – резко перебиваю. – Ты это хотел сказать? Словами Снежаны? Теми словами, за которые ты ее душил. Еще не поздно попросить прощения, она простит.

Поворачивается, бледный, челюсти плотно сжаты, слышно, как скрипят зубы. Делает шаг навстречу, но пошатывается и отступает на два назад.

– Уходи. Я хочу, чтобы ты ушла, как бы тебя ни звали.

Дважды меня просить не надо. Вытирая вспотевшие руки о края футболки, иду мимо, удерживаю себя, чтобы не бежать. К горлу подкатывает предательский ком обиды и слез. Прикусываю внутреннюю сторону щеки, отвлекая себя физической болью, когда так безумно больно на душе. Я уговаривала себя не любить, не привыкать, не давать себе слабину. Но меня так накрыли эти чувства, о которых я никогда не знала. Ну вот, теперь рыдай, идиотка.

Ищу свои вещи, белье, черное платье, черное пальто, все печально-черное, как моя жизнь. Слезы текут сами, я не в силах их остановить, вытираю рукавом, чтобы Егор их не видел. Жалкое зрелище. Вообще, я никогда не думала, что мои слезы должны кого-то тронуть, они – это моя личная трагедия, эмоции, гормоны – назовите это как хотите.

Никто не подходил и не спрашивал: что со мной? Почему я плачу? Толя считал, что это моя блажь, ну, мол, иди поплачь, может, станет легче. Его они не трогали, как и мою мать, но при ней я старалась не плакать и ничего не просить.

Как можно просить заботу, ласку, любовь?

Надеваю сапоги, щека искусана в кровь, чувствую ее мерзкий стальной вкус во рту. Ищу сумку, там паспорт, хоть и не мой, и деньги— без них никуда. Тянусь рукой за шарфом Егора, но отдергиваю, я не имею права на его вещи, на его жизнь, на него самого.

С третьего раза получается открыть замки на входной двери, каблуки громко стучат по каменному полу. Лифт. Консьерж. Все в точности до наоборот, как было вчера, но я одна со своими ненужными никому слезами и вагоном обид на эту гребаную жизнь.

На улице солнце, оно слепит глаза, и мороз, жуткий мороз. Чувствую, как леденеют щеки и руки. Не знаю, где нахожусь, куда идти, надо было вызвать такси и поехать на вокзал. Но как дура, поперлась на улицу, лишь бы уйти, лишь бы не видеть разочарование с примесью презрения в глазах Егора.

– Стой! Постой! Вера... Вероника!

Слышу, меня зовут, голос Егора, а я стою, словно застывшая, не в силах повернуться. Позади быстрые шаги, возникает впереди меня, закрывая собой солнце.

– Постой, послушай, я не хотел, черт... как трудно, – пытается отдышаться, пальто распахнуто, от него идет пар, он всегда такой горячий.

– Что ты не хотел? – мой голос скрипит, как снег под каблуками.

– Не хотел тебя оскорбить, я совсем так не считаю.

– А как ты считаешь? – срываюсь на крик, ком обиды, злости, отчаяния разрывается внутри. – Ты именно так считаешь, не надо себя обманывать, Егор! Посмотри на себя, ты весь такой идеальный и правильный, вешаешь ярлыки, делаешь выводы!

– Я далеко не идеальный и правильный.

– Ты получил информацию и сделал вывод, что я жена Толи Беса, пришла в твой дом обмануть, что я притворялась и играла. Что во мне нет ни капли правды, только ложь. Но скажи, какова моя цель? Не знаешь? Так вот я скажу: ее нет! Ты и твой Морозов ничего не знаете о моей жизни, почему и как я стала женой Бессонова, как жила, почему ушла... Да не трогай меня!

Егор пытается взять меня за руки, прижать к себе, я в полнейшей накрывшей меня истерике, меня колотит, как одержимую.

– Успокойся, Вера, прошу тебя. Пойдем поговорим.

– Не хочу с тобой ни о чем говорить, ты выгнал меня, сказал уходить. Я ушла! Отпусти меня!

Сквозь пелену слез ничего не вижу, горло сдавливает крик и хрип. Пытаюсь убрать его руки от себя, сажусь на корточки, накрываю голову и вою от боли, от дикой, скручивающей все тело боли.

Глава 28

Вера

– Всем лежать! Руки за голову! Сука, ты не поняла меня?

Лежать, сказал!

Девушку-официантку, встретившуюся на пути человека с оружием, резким ударом кулака в голову валят на пол. Она падает, как куль, наверняка больно ударяясь, поднос с посудой и едой летит на нее, красное вино на белой блузке словно кровь.

Их было трое, огромные, с озверевшими, ничем не прикрытыми лицами. Десять часов утра, зал «Олимпии», одного из дорогих и пафосных ресторанов нашего города. Золото, белый мрамор, хрусталь, французский классицизм – Геша Штольц не любитель современного стиля, в нем нет истории, а значит, жизни.

Трое мужчин смотрятся совершенно неуместно в этой роскоши. Высокие берцы, тренированные тела под черной одеждой, начищенные стволы оружия и короткие стрижки, а еще совершенно озверевшие глаза.

В первое мгновение я решила, что это розыгрыш, абсурд, не может быть здесь этих персонажей. У кого пуля застряла в голове, и он решился на такое? Все знают – это ресторан моего приемного отца, не последнего человека в городе.

Уважаемого человека среди бизнесменов, чиновников и криминала. Все знают, кто его зять, и чем Толя Бес занимается. И тут такое представление.

Но от происходящего дальше накрыл страх. Мужчины действовали жестко, грубо, люди, что находились в зале, падали на пол. Дядя Геша, который так неожиданно пригласил

меня на поздний завтрак, бормотал что-то невнятное. Я поднялась, прикрывая уже порядком увеличившийся животик руками.

Нам было уже пять месяцев. Пять месяцев пребывания в полной эйфории. Я снова придумала и создала свой собственный мир, но там нас уже было двое. Меня не волновало ничего вокруг, только мой ребенок, цветочный салон, мир полного счастья, красоты и невероятных цветочных ароматов.

Толя смотрел странно, но что-то изменилось и в нем. В глазах было больше мягкости, в прикосновениях к животу – тепла и нежности. В эти моменты я замирала, но его руки не отдергивала, и сама не отстранялась.

Я, то есть мы – ждали сына. Я знала, у него будет все самое лучшее, его отец, каким бы он ни был, свернет горы, а скорее, головы всем, кто посмеет его тронуть или отобрать. Даже его матери. Поэтому я добровольно приняла свою клетку, это мой дом, другого нет и не будет, пока в нем мой сын.

Дядя Геша стал говорить о документах, хотя я решила, что он пригласил меня так неожиданно к себе в ресторан, чтобы обговорить мой предстоящий день рождения. Он будет через два дня, сырой и ветреный февраль – не самое радостное время года, но, как всегда, даже из этого устраивали событие.

Очередь мужчин с оружием дошла до нашего столика в дальнем углу. За это время можно было уйти по-тихому, рядом дверь в подсобку, но я не подумала о ней, не восприни-

мая всерьез происходящее.

– Что тебе неясно, сука?! На пол всем, и тебе тоже! Всех касается, давай, дед, на пол!

– Молодые люди, вы делаете огромную ошибку. Даю вам несколько минут, чтобы уйти, иначе у вас будут проблемы, – дядя Геша, как всегда, был вежлив и культурен даже с отморожками.

– Закрой пасть, дед!

За приказом следует удар в живот, мужчина сгибается, начинает задыхаться, падает коленями на пол. Я подрываюсь к нему, чтобы помочь, но меня резко дергают за руку. Боль пронзает плечо, на глаза тут же наворачиваются слезы. Его дыхание у самого лица, курево и алкоголь.

– Я сказал: на пол, тварь! Что, на деньги повелась, ноги раздвинула перед стариком? Фу, бля...ь, шкура!

Толкает на пол, падаю, но не больно, здоровой рукой придерживая живот. Мужик сплевывает рядом со мной, как на что-то мерзкое и низкое. Отворачивается, идет к своим. В зал загоняют персонал – повара, охрана, официанты. У некоторых разбиты губы, носы, у девочек порваны блузки и юбки. Это что, захват заложников? Будут просить выкуп?

Один из отморожков проходится по всем, собирая деньги, драгоценности, телефоны. Снова удары, женский плач. Начинаю искать свой телефон, он остался в сумке. Ищу ее глазами, она на стуле у нашего столика. Дядя Геша, отдышавшись, сидит очень бледный, прислонившись к стене, кожа у

рта посинела, держится за сердце.

Как можно незаметнее встаю на колени, ползу в сторону сумки. Лихорадочно ищу среди вороха ненужных вещей телефон. С третьего раза только получается разблокировать навороченный аппарат. Идут гудки, один второй...пятый, Толя не берет.

Продолжая набирать, ползу к дяде Геше, он еще бледнее.

– Как ты? – ищу в его карманах таблетки, а в телефоне только гудки. – Где твои таблетки?

– Они в...в кабинете, – кивает в сторону той двери, куда я могла уйти и не ушла. Рука безумно больно ноет, до слез, видимо, вывих.

– Да что ж такое? Говорила же, носи с собой.

– Прости, доченька, я так виноват.

– Да теперь-то уж что, чертов Бес не отвечает, когда он нужен.

В зале продолжается потасовка, но как только я собираюсь набрать охрану, что привезла меня сюда, телефон выбивают. Тяжелая рука обрушивается на мое лицо в пощечине. Голова запрокидывается, щека горит, словно меня протащили по асфальту. Чувствую, как лопается губа, и кровь стекает по подбородку.

– Я же сказал, тварь, чтобы ты лежала, а не ползала около своего ебара! А ты такая сочная лялька, я и не посмотрю, что пузатая, даже интересней будет.

Сглатываю, дышу через раз. Лучше сразу пусть убьет, я

сама направлю дуло его пистолета и помогу нажать на курок. Только не насиле.

Его мерзкие пальцы стальной хваткой впиваются в лицо. Снова очень близко, от запаха пота и крови начинает тошнить. Глаза совершенно пустые, лишь на самом дне толстый осадок ненависти и злобы. Нет, он не наркоман или отморозок, он точно знает, что делает.

В зале раздаются выстрелы, меня отпускают. Стараюсь не упасть слишком больно. Но чьи-то руки сзади удерживают на месте. Дядя Геша еле стоит на ногах, но пытается задвинуть за свою спину меня.

– Какого хуя, парни, бл...ь, я просил без стрельбы!

На ходу достает оружие, я смотрю на него, словно в замедленной съемке, по телу прокатывается холодная волна. В зале сущая суета, становится больше людей, руки дрожат, обхватывают живот.

От криков закладывает уши, слишком много людей в масках с автоматами. Это ОМОН, он работает быстро, мужчина, что ударил меня, вскидывает оружие, но не палит без разбора. Поворачивается в нашу сторону, стреляет точно в упор, словно именно для этого пришел.

Глава 29

Вера

Что было потом, помню плохо. Дуло пистолета в руках мужчины переводится на дядю Гешу, я вскидываю руку в жалкой попытке его остановить, одновременно звучит вы-

стрел. Затем второй, более оглушительный, следом целая очередь, шквал огня.

Острая боль пронзает правый бок, прошибает, скручивает все тело. Смотрю на мужчину, он оседает на пол, вокруг бойцы группы захвата. Лежит, смотрит на меня стеклянными, ничего не видящими, мертвыми глазами. Обнимаю руками живот, чувствую что-то мокрое и теплое под ладонями, понимаю— это кровь, ей пропитано все светлое платье.

Боль пронзает еще больше, дикий страх и ужас заполняют сознание. Медленно оседаю рядом с бездыханным телом дяди Геши. Подбегают люди, узнаю свою охрану, в этой суматохе и диком ужасе ничего не разобрать. Несут на улицу, даже не чувствую холода, из меня словно вытекает жизнь, между ног тепло и липко. Ослабевшими руками закрываю живот, чтобы согреть малыша.

Теряю сознание, но сквозь пелену беспомощности слышу сирены машин, крики людей. Холодно, очень холодно. Меня снова куда-то несут, голос зовет настойчиво, требовательно.

– Вероника, очнись! Вероника, слушай мой голос, не отключайся! Вероника! – у Толи в голосе тревога и боль. Неужели это мой муж?– Быстро работайте! Чего застыли? Сделайте все, сука, возможное и невозможное! Иначе я закатаю вас в асфальт!

Жесткая кушетка, автомобиль реанимации, пищат приборы, меня трогают. Не могу даже поднять руки, чтобы оттолкнуть, чтобы никто не трогал моего малыша, ему и так боль-

но. Острая игла входит в сгиб локтя, сквозь этот шум, крик врачей, угрозы моего мужа я отключаюсь.

– Прошло трое суток, ваша жена все еще без сознания. Состояние тяжелое, но стабильное. Огнестрельное ранение в брюшную полость, печень задета по касательной, большая удача, что не задеты желчные протоки, кровопотеря, шок. Проведено две операции, к сожалению, ребенка не удалось спасти. Вы сами скажете жене, когда она очнется?

– Ничего нельзя было сделать?

– К сожалению, нет, даже не стоял выбор между мамой и малышом.

Я все слышала, очнулась недавно, не было сил даже открыть глаза или пошевелить рукой. Я все слышала, каждое слово. Они колокольным набатом пронеслись по телу, оставляя в голове дикий, страшный, истошный вой моей души. Она кричала, металась, она хотела вырваться из клетки моего тела. На подушку текут слезы, оглушительно пищат аппараты, в палату вбегают еще люди. Кто-то берет за руку.

– Вероника, посмотри на меня, – с трудом узнала голос мужа. Севший, хриплый, без оттенков гнева и приказного тона.

Я не хотела открывать глаза, я не хотела вообще ничего. Я не хотела жить.

– Птичка моя, Вероника, посмотри на меня.

С трудом разлепила веки, в глазах стоят слезы, силуэт То-

ли размыт. Он вытирает лицо, прикосновения нежные, рядом суетится медперсонал.

– Всем выйти! – тихий, но грозный рык Анатолия заставляет всех подчиниться.

– Пить, дай пить, – только сейчас чувствую жуткую жажду, словно меня выжали, и во мне ни капли влаги.

– Нельзя, птичка. Потерпи.

– Что с малышом? – задаю вопрос, хотя знаю ответ, я его слышала.

– Его нет, мы потеряли его.

С силой закусываю пересохшую губу, чувствую привкус крови. Толя смотрит на меня, глаза потерянные, челюсти плотно сжаты, так, что играют желваки на скулах. Он бледный, растерянный, первый раз вижу его таким открытым, раненым. Но там, в глубине глаз, бурлит вулкан гнева.

– Толя, кто? Кто это сделал? Почему? За что?

– Не плачь, птичка, не плачь. Я все сделаю, я во всем разберусь, я перережу весь город, но узнаю, кто это сделал. Город захлебнётся в собственной крови. Только не плачь, не рви мне сердце, не плачь, не плачь.

Он хаотично гладит меня по волосам, покрывает поцелуями лицо, собирает губами слезы, его трясет так, что начинает колотить меня. Всхлипываю, из горла вырывается крик, похожий на вой. Приборы пищат с новой силой, Толю отрывают от меня, снова игла в вену, и меня уносит.

Геннадия Штольца, убитого при бандитском нападении на собственный ресторан залетными гастролёрами, похоронили без меня, как и моего сына. Я не могла поверить в реальность происходящего. Это все сон, это неправда, это все не со мной.

Реабилитация после ранения и кесарева была долгой. Я сама не желала выбираться из этой ямы боли, отчаяния, горя. Свернулась клубочком на самом ее дне, просила не трогать меня, не лезть, не прикасаться. Плакивала свою потерю, заливая ее бездонным океаном слез.

Четыре месяца психологов, долгих с ними бесед сделали свое дело. Но редкие поездки на кладбище выворачивали душу наизнанку. Я стойко отказывалась принимать какие-либо препараты и становиться овощем. Пропадала в цветочном салоне, вникала в бухгалтерию, во все тонкости и особенности бизнеса, лишь бы чем-то занять голову и мысли. Лишь бы не думать.

Анатолий лишний раз ко мне не лез. Пропадал неделями, бизнес, тусовки, алкоголь, наркотики. Я все видела, все понимала, но мне было абсолютно безразлично на всех и на все вокруг. Я снова жила в своём собственном мире, теперь уже в мире моей боли и потери.

– Вероника, поехали отдохнуть. Ты ведь любишь там, где жарко и есть море. Куда ты хочешь? Говори.

– Я не устала и никуда не хочу.

– Ну что ты как неживая, птичка? Мне тоже больно, я чуть не сдох тогда вместе с нашим ребёнком, когда увидел тебя, истекающую кровью. Я тоже живой, а ты всегда холодная, полная ко мне презрения и ненависти. Что мне сделать для того, чтобы ты стала ближе? Я уже несколько лет выворачиваюсь наизнанку рядом с тобой. Я одержимый, больной. Больной тобой, а ты ничего не замечаешь.

Толя яростно жестикулировал, потирал лоб и переносицу, обдумывая и подбирая нужные слова. Эти откровения мужа хлестали, словно плетью по телу. Оказывается, у него ко мне чувства, но они невероятно искажены, безобразны и непонятны мне.

– Но твои действия всегда говорят о другом. Ты унижаешь, ломаешь, играешь со мной, но я не кукла. Я живая. Так нельзя, Толя. Ты знал, беря меня в жены, я не любила тебя.

– А я люблю, всегда любил, как одержимый и ненормальный. Как только увидел тебя тогда, в первый раз у Штольца.

– В том-то и дело, пойми, Толя, это не любовь. Это одержимость, болезнь. Так неправильно, так нельзя. Отпусти меня, пожалуйста. Если любишь, отпусти.

– Нет. Даже не думай об этом.

Глава 30

Егор

Ее снова накрыла истерика. Сидела на корточках, зажав голову руками, раскачивалась и повторяла только одно: «Не стреляй, не стреляй, не стреляй...» Да что ж с ней такое бы-

лю? Что пережила эта девочка, что ее так мучает?

Я сам не лучше, устроил допрос, она сразу закрылась, а я не выношу лжи и неправды. Вспылил. Кто вообще она такая? Что их может связывать, Толю Беса и эту хрупкую девочку?словно поломанная кукла, кто же тебя поломал, Вероника? Вероника, пробую это имя, произношу вслух, пока она спит. Неужели муж? Ну и ублюдок.

Толя Бес оказался занятным персонажем. Такой интеллигент с оскалом шакала и замашками отморозка. Сидел по малолетке, взялся за ум, большие и серьезные дяденьки вправили мозги, выдвинули смотреть за несколькими областями на юге. В политику пока не лезет, все стандартно: наркотики, оружие, бои без правил, проституция. Через связи и каналы Штольца Геннадия контрабанда антиквариата. А сама Вероника – дочь Штольца, вот это ребус.

Что эта женщина делала с ним? Как она стала его женой? Любовь? Расчет? Одни, сука, ебучие загадки. Не поверю, что любовь. Хотя нет, не знаю, не стану гадать, а то снова понесет, сорвусь.

Спит, свернувшись калачиком, лоб горячий, в испарине. Ну, все, загонял девочку, теперь лечи. Ищу аптечку, где-то она должна быть в этом доме. На кухне так и стоят нетронутые сырники, зависаю, глядя на них. На душе становится еще хуже, сердце сдавливает. Аптечка, конечно, пустая, зеленка и презервативы, сука, хоть смейся, хоть плачь.

– Морозов, ты мне нужен, – без приветствия набираю на-

чальника своей долбаной бездарной охраны.

– Говори.

– Скупи в аптеке все от простуды и вирусов, порошки, таблетки, антибиотики, что там вообще есть. Вези все мне на квартиру, быстро. Да, и еще еды– всякой, разной, много.

Сажусь около Веры, пусть так и будет Вера, никаких Вероник, не знаю и знать не хочу никакую Веронику. Она только Вера, хрупкая, ранимая, но такая стойкая, Вера без веры в себя.

Морозов приезжает через два часа, Вера уже мечется по дивану в бреду. Меня колотит от того, что не могу ничем помочь.

– Ну наконец-то, тебя за смертью посылать, а не в аптеку.

– А чего случилось-то?

– Ничего, все, вали обратно.

– Она что, у тебя? Вера-Вероника? Егор, у тебя напрочь вышибло мозг? Ты понимаешь, кто она такая? Ты всегда думал головой, а не членом. Что случилось сейчас?

– Если ты не захлопнешься, я сам тебя захлопну. Глеб, уйди по-хорошему.

Каждый раз, когда о Вере говорят плохо, меня переключивает. Внутри клокочет злоба, готовая вырваться наружу и крушить все вокруг. Сдерживаюсь, но с трудом.

– Я-то захлопнусь, но я не враг тебе, пойми. Да я ничего не имею против этой девочки, будь она простой девочкой, да кем угодно, только не женой Толи Беса. Ты понимаешь, что

будет война? Он в городе со своей сворой, они приехали за компанией убитого Романова и за ней. Один труп уже есть, непонятные люди вокруг особняка. Ты думаешь, он остановится и не возьмет то, что принадлежит ему по праву? Ты бы остановился?

Глеб был прав, много раз прав. Я бы не отступился. Выгрыз глотку, но взял свое.

– Он знает, что она со мной?

– Скорее всего, нет. Он знает, что она в этом городе, его люди ищут. Подумай, что будет, если он узнает и увидит вас? Это будут пиздец. Конечно, нам есть чем ответить, но мы не по беспределу, Егор, ты сам знаешь, а у Беса это конек.

– Что по «Легранду»?

– Совет директоров через три дня. Нужны документы на передачу контрольного пакета акций.

– В офисе, в сейфе. Возьми, привези их мне.

Меня не волновали никакие документы, пакеты акций и компания. Мысли были заняты Верой, ее мужем, гори он огнем. И почему она не простая девушка, и муж ее не менеджер офиса? Вот же, бя...ь, ирония судьбы, не бывает все просто, а что легко не будет, я чувствовал сразу.

Пришлось разбудить Веру, она была вся мокрая и горячая.

– Вера, маленькая, открой глаза, посмотри на меня. Надо выпить таблетки, ты вся горишь. Давай, поднимись, садись, вот так, молодец.

Аккуратно сажаю ее, открывает глаза, долго смотрит на меня, кивает головой, выпивает все таблетки, разбавленный сироп от простуды. Щеки горят, облизывает пересохшие губы.

– Пить, хочу пить, еще.

Берет стакан с ягодным морсом, жадно выпивает, глотает, не может отдышаться.

– Пойдем в кровать, надо снять одежду.

Беру на руки, она словно невесомая, тонкая. Снимаю платье, колготки, белье, тело в испарине, влажное, ее колотит.

– Сейчас, малышка, подожди.

Надеваю на нее свою чистую футболку, укутываю в одеяло. Ложусь рядом и прижимаю к себе, обнимаю, хочу оградить от всего мира. Целую волосы, Вера утихает, ее перестает бить озноб, дыхание выравнивается. Надеюсь, что таблетки подействуют, иначе придется ехать в больницу.

Долго думаю о том, как быть, но в том, что я не отпущу Веру, сомнений нет. Всегда было табу на чужих женщин, тем более жен, какие бы они ни были. Здесь же, пусть она будет трижды замужем, она моя. В голове сотни вопросов, не знаю, правильные ли были первые выводы. Но уже неважно, ничего не важно. Кроме нее. Здесь. Сейчас.

Я на самом деле ничего не знаю, она была права, выкрикивая мне в лицо, там, на улице, обвинения. Меряю своими шаблонами, делаю выводы, хочу, чтобы сама рассказала, доверилась, открылась.

Переворачивается, утыкается мне в грудь, обнимает. Прижимаюсь губами ко лбу, чувствую, что температура спадает. Шторы задернуты, полумрак накрывает, сам проваливаюсь в сладкое марево сна. Так и должно быть, все на своих местах. Моё место рядом с ней, ее – в моих руках.

Глава 31

Вера

Слишком жарко, душно и невыносимо тяжело. Открываю глаза, полная темнота. Голова вжата в подушку, раскалывается от боли. Лежу, подмятая под тело мужчины, Егор. Сопит мне в ухо, крепко обхватив рукой. Пытаюсь высвободиться, потому что нечем дышать.

– Егор, Егор... – зову, не узнаю свой голос.

Хочу подвинуть его, но не выходит, слишком тяжелый. Голос хриплый, безумно хочется пить. Ладони липкие, трогаю за руку, разворачиваюсь, пытаюсь разглядеть сквозь темноту его лицо. Провожу пальцами по губам, не вижу, только чувствую их, мягкие. Невесомо касаюсь всего лица, ресницы подрагивают.

– Егор, проснись, – шепчу, точнее, хриплю.

– Что такое, Вер? Что? Больно? Пить? Что ты хочешь?

Вскидывает голову, задает кучу вопросов, притягивает к себе, гладит по плечам.

– Мне надо выйти, ты придавил меня, тяжелый очень.

– Куда выйти? Ты болеешь, всю ночь бредила.

Включается торшер, свет слепит глаза, прикрываю ладо-

нью.

– В туалет надо.

– Да, конечно, пойдем, я тебя отведу.

– Не надо, я сама.

– Конечно, я знаю твое «я сама», пошли уже, самостоятельная моя.

Опускаю ноги на пол, встаю, но меня качает, держусь за голову, пытаюсь найти опору, но меня подхватывают и несут. Это уже не смешно, как в сопливых романах, меня постоянно носят на руках. Футболка противно липнет к телу. Яркий свет уборной, Егор закрывает дверь, но я чувствую, что стоит за ней, ждет. Безумно качает, под футболкой Егорая совершенно голая. Хочется снять ее, принять душ, но понимаю, что нельзя.

– Ты можешь дать мне другую футболку? Егор?

– Да, конечно, выходи.

Меня умывают в ванной, словно маленького ребенка, заправляют волосы, снимают промокшую футболку. Голова кружится, подташнивает, Егор быстро обтирает тело влажным полотенцем, такая забота трогает, но и напрягает. Не хочу к этому привыкать, оставаться в его жизни, зная, что придется уйти. Не хочу настолько, что наворачиваются слезы.

– Ну, все, перестань, будешь реветь – вызову скорую, увезут в больницу.

– Я нормально.

Надевает сухую футболку, ведет за руку в кровать, когда-то уже успел застелить свежие простыни.

– Ложись, сейчас будем лечиться.

– Который час?

– Около трех ночи. Ты куда-то собралась?

Говорит так, будто и не было его вопросов с пристрастием, кто я и откуда, будто и не просил меня уйти. И я ведь ушла, но недалеко. В его голосе тревога и забота, я чувствую, но это все под слоем легкого сарказма. Никаких телячьих нежностей, это для сопливых девчонок, а он мужчина. Как бы я хотела назвать его своим мужчиной.

Меня поят сиропами, морсом, пытаются накормить бульоном. Потом таблетки, спреи в горло. За мной мать родная так не ухаживала.

– Егор, я хочу все объяснить.

– Объяснишь потом. Хотя, по сути, мне неважно. Мне не важно твое прошлое, и что ты делала в моем доме. Если за этим последуют проблемы, я с ними разберусь. На то я и мужчина, чтобы решать проблемы своей женщины. Извини за те слова, что сказал, погорячился. Думал, избавился от этой привычки рубить сплеча. Но с тобой все как в первый раз.

– Но ты многого не знаешь, могут возникнуть проблемы.

– Все проблемы – это моя забота, не твоя, Вер.

– Я даже не Вера.

– Ты моя Вера, вера в то, что все будет хорошо. Спи.

– Но...

– Никаких «но».

Зачем он так? Зачем он так добр и открыт со мной? Может, мне пора научиться доверять людям, принимать их помощь и заботу. Но мне страшно, мне безумно страшно, что я могу его подставить. Он не отступится, я это вижу, и Глеб его не убедит. Сердце давит от того, что Толя может ему навредить.

Ложится рядом, поправляет одеяло.

– Ты снова много думаешь, все будет хорошо, доктор Воронцов тебя вылечит.

Целует в лоб, прижимая к себе ближе. Накрывает слабость, беру его руку, подношу к губам.

– Ты заразишься от меня.

– Нет, у меня прививка, – голос спокойный, так все привычно и просто у него.

– Врешь, – улыбаюсь, целую его ладонь. – Спасибо тебе.

– Спасибо потом отработаешь.

– Пошляк.

– Я такой.

Засыпаю с улыбкой на губах, но скоро снова накрывает темнота, барахтаюсь в ней. Понимаю, что вокруг меня море грязи, я в ней тону, цепляясь руками за такую же грязь вокруг. Никак не могу выбраться, задыхаюсь. Трогаю живот, понимаю, что ничего нет, как тогда, в больнице, после операции, только пустота и ужас. Стойкий запах лекарств, та-

кой, что начинает тошнить.

Резко поднимаюсь, голова кружится, в комнате уже светло. Слышу голос Егора, он с кем-то разговаривает. Речь резкая, обрывистая, он зол, очень зол.

– Я тебя просил привезти документы из офиса, как ты не смог их найти?

– Егор, их там не было, я все изрыл, Маринку твою заставил ползать на коленях под всеми столами и стульями. Ничего нет. Отправил ребят в особняк, должны отзвониться.

– Не может быть, они были там, я сам их видел, держал в руках. Мы были там с Верой.

– С Верой, да? – Морозов так с издевкой спрашивает. – И тебя это не настораживает? Ты представляешь, что это значит?

– Не накаляй, сам знаю, что это значит. Не будет документов, будет то, за чем сюда приехал Толя Бес. А приехал он за «Леграндом» и возможностями, которые он может дать.

Глава 32

Вера

Мужчины ушли через час. Глеб даже не смотрел в мою сторону, когда я вышла, Егор прошелся взглядом, видимо, оценивая моё физическое состояние. Перед уходом показал, какие выпить лекарства, крепко обнял, словно прощаясь, и ушел.

Голова все еще болела, но температуры не было, лишь в горле слегка першило. Несколько раз засыпала, но словно

проваливалась в какой-то кошмар. Когда проснулась последний раз, была глубокая ночь. Тишина квартиры давила на уши, не включая свет, на ощупь пошла в ванную, умылась холодной водой.

Выйдя из комнаты, поняла, что я не одна в квартире. Двинулась вдоль стены, ведя по ней рукой, тихо ступая в темноте. Страх накрывал холодной волной, но я все равно шла вперед. Гостиная, в кресле мужская фигура.

Пальцы покалывает, но страх отпускает, это Егор. Сидит неподвижно, смотрит в темный квадрат окна. Замираю, глядя на него, не хочу мешать. Я во всем такая, не хочу мешать, всю жизнь стараюсь быть незаметной, удобной. Понимаю, так нельзя, но ничего не могу поделать. Даже за время одиночества не вытравила из себя это чувство.

– Егор, почему ты тут? В темноте?

Долго не отвечает, борюсь с желанием подойти, обнять, залезть на колени– и развернуться, уйти, не мешать. Почти делаю шаг назад.

– Подойди, – голос тихий. – Подойди, пожалуйста.

Подхожу, провожу по его волосам рукой, спускаюсь на лицо, снова оброс, колетса щетина. Усаживает к себе на колени, проводит по шее носом, слышу, как втягивает воздух. Обнимает, крепко вжимая в свое тело.

– Давно ты здесь?

– Да.

– Зачем?

– Думал.

– О чем?

– Тебе надо уехать, парни отвезут за город утром.

Целует шею, оттягивая ворот футболки. Чувствую запах алкоголя и табака. Горячие ладони ласкают бедра.

– Ты собрался меня прятать? От моего мужа? Думаешь, он не найдет? Почему? Зачем все это?

– Я не отдам тебя. Я ничего ему не отдам.

– Вы виделись? Ты видел его, говорил?

Снова какой-то животный страх накрывает меня. Как зверька, которого гоняют по лесу, он вроде и понимает, что его никто уже не преследует, но все равно бежит, гонимый страхом.

Руки Егора гуляют по телу, целует скулы, щеки, пытается губы. Я хочу отстраниться, упираясь в плечи, поговорить, мне надо знать. Знать, что было сказано, чего ждать.

– Я не отдам ему ни тебя, ни компанию. Он не залезет в город с наркотой и другим дерьмом. Слышишь, твой муж ничего не получит.

Слова злые, обидные, режут по живому. На мне как клеймо, чья я жена. Пытаюсь вырваться из его объятий, но словно в тисках. Я не вижу его глаз, не чувствую тепла.

– Отпусти меня, Егор! Отпусти! – кричу, начинаю задыхаться.

Руки ослабляют хватку, но все так же крепко держат. Глазит по спине, прижимает.

– Прости, прости меня. Прости, милая. Ты ни в чем не виновата. Это я, моя ревность. Меня разрывает от того, что он твой муж. Что у тебя вообще есть муж. Пойми меня, пойми, родная. Просто колотит, рвет на части. А еще страх, что тебя может не быть рядом. Что тебя заберут, украдут, увезут, причинят боль. Мне страшно, Вер, за тебя страшно. За себя без тебя!

Целует, вмиг лишая воздуха и разума. Его слова до самого сердца вспарывают, выворачивают. Думала, такое признание приятно слушать, а мне страшно. За него страшно. Целую в ответ, кусая губы, сажусь верхом, прижимаясь крепче.

– Я рядом, я рядом, Егор.

Снимаю футболку, совершенно обнажённая, открытая, сижу на мужчине. Голодным зверем он набрасывается на грудь, терзая соски. Расстегиваю его рубашку, хочу чувствовать, прикасаться к гладкой коже. Все так стремительно и быстро, он уже обнаженный, сама тянусь, языком по шее, прикусываю, царапаю ногтями плечи.

Его пальцы гладят меня между ног, я сама делаю движения бедрами, ласкает долго, мучительно. Чувствую напряженный член, провожу рукой несколько раз, рычит в шею, толкается навстречу. Опускаюсь на него сама, медленно, до основания, ловя свой первый кайф, дергаясь в спазме удовольствия, сжимая член изнутри.

– Да, милая, вот так. Черт...детка...

Находит губы, целует, что-то шепчет. Я насаживаюсь

глубже, сильнее, быстро устаю, по мокрой спине стекает пот. Егор, видимо, это понимает, поднимается на ноги вместе со мной, снимает с члена, поворачивает спиной, опускает коленями на кресло. Грудь упирается в мягкую спинку, прогибаясь в спине, резко входит, полностью заполняя собой.

Впиваюсь пальцами в кожаную обивку кресла. Пытаюсь уцепиться, но ладони мокрые, скользят. Егор увеличивает темп, обхватывает одной рукой за талию, тянет на себя, целует шею, прикусывая нежную кожу. Я вся горю. Он огонь. Мой огонь. Готова сгореть дотла, осыпаться пеплом в его руках.

Срываюсь на крик, сердце ломает ребра, готовое вырваться, разлететься на куски. Вспышка, перед глазами алые круги, тело бьет оргазм, удовольствие проносится бешеной волной цунами. Крутит, завязывает узлом, мышцы сводит. Егор кончает следом, пара мощных и глубоких толчков, теплое семя разливается во мне, стекает по бедрам.

Чувствую, что теряю опору, оседаю на пол, но снова на руках Егора. Сидим в полной темноте и тишине. Я на его коленях, укрытая сильными руками, мы совершенно обнаженные, мокрые, тяжело дышим.

– Откуда у тебя шрамы? – спрашивает хриплым голосом, накрывая ладонью живот.

– Операции.

– Какие?

– Глеб разве не говорил? Он обещал нарыть информацию

о Толе Бесе.

– Говорил. Было покушение на Геннадия Штольца, ты была там с ним вместе. Ты его дочь.

– Приемная.

– Так что было на самом деле?

– Сама не пойму, да и поверить страшно, что было на самом деле. Нелепое покушение в центре города– днем, элитный ресторан, три отморозка. У двоих были абсолютно стеклянные глаза, а тот, третий, он знал, куда шел, знал, что делал. Он шел убивать Гешу Штольца, не знаю, зацепил меня случайно или намеренно.

Прижимает меня к себе еще сильнее. Тяжело дышит, ладони сжимаются в кулаки.

– Холодный снег, звуки сирен, три дня реанимации, две операции, кесарево и пулевое, поэтому два шрама. Я была беременна, пять месяцев, ждала сына. Мир был замкнут на нем и цветочном салоне. Виню себя, что не была более внимательна, не приглядывалась к мужу, он был другим тогда. Только он мог убрать Штольца, только ему он мешал. Уже потом, придя в себя, начала думать головой, складывать мозаику всех событий, поведение Толи, его уходы, его мольбы о прощении на коленях, но тогда, в те первые дни, я не понимала. Затем накрыл страх, ужасот понимания, с кем я живу, хотя ведь знала и до этого, но меня уже ничего и никто не держал. Надо было уходить.

Глава 33

Вера

Сидя на коленях Егора в темной комнате, я совершенно не чувствовала, что изливаю душу. Мне не становилось легче и свободней, как говорят. Он знает только ту часть, тот отрезок, о котором я ему рассказала. До этого и после было многое.

– Как же ты ушла?

– Это было трудно, много охраны, со мной постоянно кто-то был, ждал, присматривал. Но последние месяцы после потери ребенка я была словно овощ, никто уже особо не приглядывался, охрана халтурила. На работе в цветочном салоне я подружилась с молодой женщиной, ее звали Вера Стрельникова, на пять лет старше меня. Веселая, активная, постоянно что-то рассказывала – о своей жизни, семье, увлечениях, где училась, в кого влюблялась.

Было интересно послушать чужую реальную счастливую жизнь с общими ужинами, поездками на дачу. Страх, что влетит за полученную в школе двойку, первая любовь, первое разочарование и новые встречи. Вера собиралась замуж, затем с мужем они планировали улететь жить в Америку, она оформляла документы.

В тот вечер перед самым закрытием она оставила их на работе вместе с паспортом. Я увидела – уходила самая последняя, закрывая салон, и положила в сумку, привычки ничего не разбрасывать с детства сыграла свое. Мать всегда ругалась, если видела разбросанные книги, вещи, игрушки. А ночью

в салоне случился пожар, выгорело почти все, документы и деньги были в сейфе, а все остальное пропало. Я не сказала Вере, что ее документы у меня. Хотя была в таком шоке, что и забыла в первые дни о них.

Когда я увидела паспорт Веры у себя в сумке, то, наверное, совершила подлый поступок, я не вернула ей его, я решила спасти себя. Внешне можно было сказать, что мы абсолютно разные, я брюнетка с длинными волосами, она блондинка с короткими, но если изменить образ, то никто особо не вглядывается в фотографию на паспорте.

Оставалось выждать, просчитать, куда и когда Толя уедет надолго. Но он стал чаще бывать рядом, словно что-то чувствуя, или это я сама уже себя накрутила. Не просыхал от наркоты, сидел у кровати молча, держа за руку, это реально пугало.

Той осенью было очень холодно, валил снег, что нехарактерно для нашего края. Самолет развернули на посадку в соседний город. Я улизнула от охраны в торговом центре, села на автобус, остригла и покрасила волосы. Так я стала Стрельниковой Верой, той, что пришла в твой дом совершенно случайно.

– Это судьба.

Егор все это время слушал меня молча, не перебивал, не задавал вопросов.

– Не верю в судьбу. Зачем она так со мной? Зачем так жестока?

– Обещаю, больше не будет больно, Вер. Верь мне, прошу. Тебя больше никто не тронет.

Берет руками мое лицо, заглядывает в глаза, насколько это возможно в темноте. Гладит по волосам, успокаивая, как маленького ребенка. Целует в щеку, нос, лоб, ни капли сексуального подтекста. Прижимает крепко к себе.

– Ты опять замерзла. Говорил, надо купить шубу.

– Ты горячий, очень горячий, и шуба не нужна.

Смеемся вместе, обнимаю его, согреваясь, вдыхая такой родной запах, глажу по волосам.

– Утром поедем вместе на совет директоров.

– Зачем я там?

– Ну, ты ведь не хочешь с парнями за город.

– Не хочу.

– Тогда поедешь со мной. Там будет много народу, тебе нечего бояться.

– Но там будет Бессонов?

– Вот как раз встретишь мужа, скажешь ему о разводе.

– О разводе?

– Да, Вера, развод – это когда люди официально перестают быть кем-то друг другу.

– Ты думаешь, он его даст?

– Его никто спрашивать не будет, вас ничего не связывает, нет детей, нет ничего общего. Извини, если задел.

– Да я понимаю, но он страшный человек, Егор, он может растоптать, раздавить, убить. Я боюсь.

– Не бойся, я рядом, и Морозов, если что, прикроет.

– Я боюсь не за себя, за тебя.

– Глупая, маленькая глупая девочка, – прижимает еще крепче, раскачивая на руках. – Это я должен бояться за всех, а ты – быть счастливой.

– Морозов меня терпеть не может, так и хочет, чтобы я исчезла. Его понять можно, твоя безопасность – его основной приоритет.

– Глеб хороший, я знаю его почти десять лет, он никогда не подводил. Знаешь, как мы с ним познакомились? Он ограбил банк, представляешь! Банк моих партнеров по бизнесу, я тогда работал как проклятый, зарабатывая и теряя, а тут вооруженный налет. И ведь ушел, паршивец, но бегал недолго, взяли. Свои взяли, не органы. У Глеба та еще история, решили вопрос с деньгами, я поручился за него, дал работу. Могу быть уверен, что он до последнего будет рядом, хочу в это верить. Пойдем уже в душ.

Я стояла рядом с Егором под горячими струями воды, и согревалось не только тело, но и душа. До чего он разный, меня это поражало и удивляло, страстный, дикий, а потом нежный и заботливый. Меня тянет, безумно тянет к нему. Хочется слышать, видеть, касаться, целовать.

Я влюблена, это моя первая любовь, влюблена окончательно, бесповоротно. Какое странное состояние, хочется плакать и смеяться, рассказать всему миру и спрятать далеко, чтобы никто не видел моей любви, не смотрел, не смел

отобрать.

Я растворялась в этом мужчине, в его ласках, нежных касаниях сильных рук, требовательных поцелуях. Мне даже не надо слышать слова любви от него, я вижу, я чувствую. Его так же, как и меня, накрывает это чувство. Я верила каждому его слову. Что не даст в обиду, что защитит. А кто защитит его, если Толя Бес начнет играть по своим правилам?

Глава 34

Вера

– Ты уверен?

– Да.

– Зачем ей это? Я обещал, что ничего не заберу, что буду поддерживать, если надо.

– Женщины не любят дружить с мужчинами, особенно если они к ним равнодушны. Ты думал, она белый и пушистый зайчик? Снежана – та еще сучка.

– Но зачем ей это надо?

– Обида, месть, ревность, бабская тупость и глупость. Она совсем недавно снюхалась с каким-то мужиком не из местных, их видели вместе в разных местах. Думаю, ветер дует от Толи Беса, давно копают не только под «Легранд», но и под тебя.

– То есть моя бывшая любовница с кем-то видится, и не раз, а я не знаю? Морозов, это что, по-твоему, нормально?

– Все было под контролем.

– У тебя все всегда, сука, под контролем, но ты лажаешь

раз за разом. Глеб, что с тобой, скажи, у тебя проблемы? Пропадаешь, теряешься, вон, рожа опять помятая, костяшки сбиты.

– Все под контролем, Егор, не накручивай, я знаю, что делаю.

– У тебя один ответ, ничего другого не услышишь. А на самом деле полная жопа, документы увела Снежана, дымовые шашки в особняке— дело рук моего охранника, кстати, твоего подчиненного, но без ушедшей Снежаны тут тоже не обошлось. Какие-то, сука, дохлые птицы без голов, а следы в лесу вообще дела мистические. Но у тебя все под контролем, ты ебаный контролер, который никуя не контролирует!

Егор орал так, что звенели стекла, и секретарша Мариночка, сунувшаяся было, быстро закрыла дверь. Я сидела в дальнем углу кабинета Егора, грея ледяные пальцы о кружку горячего кофе, и слышала их разговор. Они особо ничего и не скрывали, говорили громко, Егор был эмоционален, Глеб подавлен, постоянно сжимал и разжимал кулаки, думал о чем-то своем. Уверена, у него своих проблем выше головы, но он добросовестно разгребает дерьмо босса. И будет разгребать его до последнего, а если я буду мешать, он отодвинет и меня, втопав в это же дерьмо.

– Ладно, все это лирика. Через час совет директоров, следственный комитет так и не выдает тело Романова, неизвестно, когда пройдут похороны. Где мои документы и Снежана?

– Пропала вчера, как только мы поняли, что это ее рук де-

ло, начали копать, нарыли нового дружка, думаю, это и есть исполнитель, он убрал Романова.

– Ты бы раньше так быстро думал.

– Скорее всего, она уже в тайге, волков кормит. Свидетелей не оставляют, а человек работает чисто, ни одна камера не зацепила его лицо в тех местах, где они были вместе.

– Да, дела. Как в сказке, чем дальше, тем страшнее. Ладно, будем предполагать самый плохой расклад. Те документы, что якобы в руках Бессонова, не имеют юридической силы, копии есть у моего юриста, он только все затянет, создав при этом ненужную суету. Окажет давление на членов совета директоров, если уже не оказал. Подкуп, шантаж, угрозы. Мы не знаем, что он может задумать или что уже сделал. Играем вслепую.

– Ты с ним виделся, что он тебе сказал?

Егор долго молчал, словно подбирая слова, прекрасно зная, что я его слышу. Сидела, затаив дыхание, кофе давно остыл, оставляя лишь горечь на губах. Резко стало жарко, словно поднялась температура, а по спине побежал холодный пот.

– Много чего сказал, но суть одна: что бы я ни предпринимал, будет так, как скажет он.

– Ты что-то недоговариваешь.

– Глеб, не сейчас.

– Он знает, что его жена с тобой?

– Знает.

– Егор Ильич, – в динамикеселектора на рабочем столе прозвучал голос секретаря, – акционеры почти собрались в конференц-зале, ожидаем господина Бессонова. Его помощник связался, они почти на месте.

Боже, я думала, мое сердце остановится прямо сейчас, но оно билось, работало, как отдельный механизм моего тела, гоняя кровь по венам.

Хотелось сдохнуть, пропасть, раствориться, улететь с высокого обрыва вниз, чтобы насмерть. Сразу. Резко. Навсегда. Только бы не знать, что мой муж где-то рядом. Сейчас подъедет его автомобиль, непременно черный, три охранника, помощник. Я четко представила этот холодный надменный взгляд, уверенную походку и оскал хищника.

– Егор Ильич, все собрались. Ждут вас, – Марина уверенно сообщила новость и отключилась.

– Вера, ты сидишь здесь и никуда не высовываешься. Ты меня поняла?

А я опять в ступоре, словно через вату слышу Егора, в голове шум. Хочется отключить все свои чувства, хочется, чтобы все вокруг исчезло. Страх. Животный страх. Я так не боялась того отморозка с оружием, наведенным на меня. Я не боялась бежать и прятаться так долго. Почему сейчас так накрыло? Потому что я боюсь не за себя. Не только за себя.

– Вера. Ты меня поняла? – Егор оказывается рядом, берет за плечи, слегка встряхивая.

– Нет, я пойду с тобой.

Вопросительный долгий взгляд, склоняет голову набок, рассматривая меня и о чем-то размышляя.

– Я не могу рисковать тобой. Я не знаю, чего ждать от твоего мужа.

– Не волнуйся, он точно не убьёт меня. Не сегодня, – выдавливаю улыбку, облизывая пересохшие губы.

– Я сейчас просто запру тебя в туалете.

Беру его лицо руками, поглаживая щеки, они колючие. Смотрю в темные глаза, бегаю взглядом, запоминая каждую черту. Лучики морщинок около глаз, две маленькие родинки на правой скуле, еще незажившая губа.

– Шуткахоршая, но я пойду с тобой. Ты сам говорил: надо поговорить о разводе, самое время это сделать. Я устала бегать и бояться, а чтобы перестать, надо посмотреть в глаза собственному страху.

Глава 35

Вера

Такое чувство, что я сижу в аквариуме, вижу и слышу все происходящее как сквозь толщу воды. Большой зал заседаний, в нем всего человек пятнадцать плюс охрана Егора и Толи. Я не стала садиться за общий стол, но сижу как раз напротив своего мужа.

Мужчины о чем-то говорят, иногда тона повышаются, в воздухе сгущаются электрические разряды. Я думала, что провалюсь сквозь землю, стоит мне увидеть мужа, как тогда, в ресторане, меня накроет паническая атака из ниоткуда.

Но мои эмоции словно поставили на паузу. Толя холоден, бледен, сильно сжимает челюсти, с неким презрением смотрит на присутствующих, ему не нравится все, что происходит вокруг. Но когда его взгляд останавливается на мне, в глазах что-то меняется. В них появляются тревога и оттенки сожаления. Он словно заново изучает черты моего лица, бегло осматривая с ног до головы.

Он стал взрослее, старше, еще опаснее. Скулы заострились, в глазах холодный блеск, руки свободно лежат на столе, но эта расслабленность только видимая. Я помню, каким он может стать за считанные секунды. Кличка Бес вовсе не от фамилии Бессонов, она от слова «беспредел».

Еще до моего с ним фатального знакомства Толя обрел славу в определенных кругах. Грабежи, налеты, жестокие расправы, вспышки агрессии – это я узнала уже потом. Странно, почему он меня еще тогда не убил или не избил до смерти. Я видела эти вспышки, но он уходил, разбивая что-то о стену, если причиной гнева была я. Еще я видела, как он мог быть жесток с другими, там сдержать его не пыталась даже охрана.

Переговоры зашли в тупик, точнее, катились по наклонной в пропасть. Новое предложение Бессонова – очень крупный контракт – понравился почти всем членам совета директоров, доводы Егора были не восприняты и не услышаны. Если компания заключит контракт, Толе откроются новые каналы и рынок сбыта.

Егор был подавлен. Было видно, как его коробит, выкручивает от всего происходящего. Как ненависть и злоба закипают, как ломаются границы благоразумия. Он слишком часто смотрит в мою сторону, Бес это заметит. Плохо, очень плохо. Не хочу, чтобы он навредил Егору.

Намеренно стараюсь не смотреть на него, не встречаться взглядом. Слишком много в одном помещении недосказанности, взглядов, намеков.

Мужчины встают, собирают документы. Занятая своими мыслями, я пропустила момент принятия решения и не понимаю, о чем они договорились. Но рук никто не жмет, ни с чем не поздравляют. Значит, ничего не решено.

Встаю вместе со всеми, но не знаю, куда себя деть. Хочется быть как все, уйти по своим делам, домашним заботам, покупкам в магазинах. Но я не такая, как все. Все у меня не как у всех.

Мы остаемся втроем плюс четыре человека охраны. Ну а сейчас переговоры о другом трофее. Кому же достанется нежеланная дочь, непутевая жена, любовница со странным прошлым и мужем – криминальным авторитетом? Меня, конечно, никто не спросит. Впрочем, как всегда.

– Оставьте нас с Вероникой наедине.

– Нет, – это Егор, слишком резко и эмоционально.

– Птичка, объясни мне, почему господин Воронцов против того, чтобы мы остались наедине?

– Если вы будете говорить, то только в моем присутствии! – Егор снова взрывается, не давая мне ответить.

Двигается мне навстречу, вслед дергается бессоновская охрана, навстречу ей– охрана Егора. Осталось достать оружие и перестрелять друг друга.

– Егор, оставь нас, – не узнаю свой голос, он такой чужой.

– Нет, не оставляю. Посмотри на меня!

Он совсем близко, не хочу смотреть ему в глаза, иначе сорвусь, может накрыть истерика от безысходности происходящего. Убегу, как всегда, спрячусь в свою раковину, в свой придуманный мирок.

– Егор, пожалуйста. Мы должны поговорить.

– Хорошо, – вздыхает, сжимает мою холодную ладонь. – Я за дверью.

Он уходит, вслед охрана, дверь громко хлопает, словно крышка моего гроба. Толя молчит, смотрит в упор, желваки играют на скулах. Медленно подходит ко мне, хочется исчезнуть, но я мысленно уговариваю себя, что он ничего не может мне сделать. Максимум ударить, но не убить же, за дверью Егор, полный этаж людей, охрана. И с каких это пор мне так сильно хочется жить?

Он долго молчит, смотрит на залитое солнцем окно и зимний пейзаж за ним. Думает, подбирает слова.

– Я увидел тебя жарким днем, ветер колыхал невесомые занавески, задевая тебя, – Толя говорил вкрадчиво, медленно. – Майка на тонких бретельках и короткие шорты, волосы,

собранные в высокий хвост. Ты читала анатомию, а когда я спросил, что читаешь, посмотрела на меня, как на придурка. Было так забавно. А потом я увидел твои глаза и губы, меня прошибло до нутра. Думал: вот не поцелую, не попробую – и сдохну. Поцеловал, но лучше бы я сдох и не пробовал тебя никогда.

Толя подходит совсем близко, поднимает за подбородок мое лицо, смотрит на губы, проводя по ним подушечкой большого пальца. Я боюсь дышать, слежу за ним. Он такой открытый впервые.

– Потом ушел, думал, ну похуй, девочка, каких много. А оказалось, что нет, год вытравливал тебя из своей головы, вытрахивая мозги дорогих шлюх и залетных девок. Не получилось. Даже приезжал, как пацан, смотрел на тебя. Потом решил – будешь моей женой, не просто любовницей, содержанкой, понимал уже тогда, что, если тупо трахнуть, все равно не получится забыть. Хотел тебя всю. Себе. Навсегда.

Он все еще водит пальцем по моим губам, шепчет свою исповедь, окутывая шокирующими признаниями. Они дурманят, проникают глубоко в сознание, в памяти всплывают картинки, как он смотрит на меня, крепко держа заруку на нашей свадьбе, как улыбается, а в улыбке азарт и счастье. Всего этого я не замечала тогда.

– А потом как обухом по голове – ты девственница. Хотя, узнай я, что за тот год тебя кто-то имел, оторвал бы тому человеку яйца. Ты стала моей самой красивой и желанной де-

вочкой. Тронутый, помешанный, одержимый одной женщиной, одной тобой.

Он надвигался мощной фигурой на меня, ноги сами отступали назад, к большому панорамному окну. Спину обдало холодом стекла, затылок вжался, я неотрывно смотрела в глаза человеку, которого не видела почти два года. В них тот же ледяной огонь одержимости.

– Толя, не надо, – что не надо, я и сама не понимала. Не надо продолжать этот разговор, не надо меня преследовать, не надо меня трогать.

– Я не сделаю тебе больно, моя Птичка. Моя непослушная, маленькая Птичка упорхнула из дома.

– То был не дом, а клетка.

– Золотая клетка, самая лучшая. Все самое лучшее для моей Птички-Веронички. Я делал все для тебя, а ты кукла, красивая, фарфоровая кукла. Ни одной эмоции, ни одного взгляда в мою сторону. Срывался, пропадал неделями, чтобы не навредить тебе за твое равнодушие. Лишь иногда, на мгновенье, тебе было хорошо в моих руках, когда ты кончала, билась в экстазе, закатывая глаза, приоткрыв эти сладкие, чертовски порочные губы.

Нажим пальца становится сильнее, он проникает в рот, сминая губы. Рука спускается ниже, поглаживая тонкую шею.

– А ты от меня сбежала, обвела безмозглую охрану вокруг пальца и просто ушла. Сначала я не поверил, они двое су-

ток искали, ничего мне не говоря. Потом искал я и был зол, очень зол, что не могу найти. Потом я начал волноваться, ты такая маленькая, хрупкая, тебя могут обидеть, а защитить некому. Но я смотрю, ты нашла себе защитника. Маленькая Птичка сменила перышки и захотела жить сама по себе. Надеюсь, ты наигралась в самостоятельность?

Внезапно мои губы накрывают жадным поцелуем, Толя больше терзает, а не ласкает. Руками вдавливают в свое тело, я начинаю задыхаться, но отбиваюсь, пытаюсь отодвинуть Толю от себя.

– Прекрати, Толя, не надо. Почему ты не понимаешь, что я не могу быть с тобой? Ты убийца, ты убил Штольца, убил своего ребенка. Как ты можешь говорить, что все делал для меня? Ты все делал для себя, только для себя.

Он отпускает меня, отходит на шаг назад, внимательно рассматривая. На лице странная улыбка, лицо становится еще бледнее, словно от него отлила вся кровь.

– Нет, я не убивал. Это и моя боль, моя рана, которая никогда не заживет.

– Какой пафос, Толя! – я срываюсь на крик. – Как ты смеешь так говорить? Ты, только ты заказал Штольца. Только тебе была выгодна смерть этого старика. Он имел связи, к нему прислушивалась, его слова имели вес и могли мешать твоим делам!

– Какие странные выводы, Птичка.

– Тот человек в ресторане, он пришел убивать. Я виде-

ла своими глазами. Он убил нашего ребёнка. Ты его убил, но чужими руками. Как после этого я могу жить с убийцей? Скажи мне, как? Я не могу больше так! Я не могу убегать и прятаться, дай мне жить спокойно. Отпусти меня.

Слезы сами текут по щекам, Толя тяжело вздыхает, сжимает кулаки, делает шаг в сторону и с силой бьет в оконное стекло. Еще, еще, до крови, до мяса на костяшках. Стекло трескается, крошится под его ударами. Осколки впиваются в кожу. Я хочу закрыть глаза, чтобы не видеть всего этого, но смотрю не отрываясь.

Глава 36

Вера

– Толя, перестань! Прекрати!

Толя резко прекращает сыпать ударами по стеклу. Кровь стекает по его руке, капая на светлый пол, оставляя на нем размазанные кляксы. Снова молчим, Толя тяжело дышит, медленно обходит и встаёт за моей спиной. Руки сжимают плечи, он наклоняется, я чувствую его горячее дыхание, запах крови и пальцы, сжимающие до хруста мои кости.

– А хочешь, я расскажу весьма увлекательную историю, как твой приемный отец любил развлекаться?

Шепот проникает в каждую клеточку, пропитывая сознание ядом и безысходностью. Я уже знаю, что услышанное мне очень не понравится, но я молчу, не говоря ни слова, он все равно расскажет.

– Геша Штольц имел огромную слабость к молоденьким

девушкам. Знаешь, к таким нежным, хрупким. Длинная коса, большие глаза олененка, хрупкая фигура, скромная одежда. Обычно таким лет тринадцать-пятнадцать.

От Толи шел жар, но я чувствовала дикий холод. Он парализовывал, не давал шевелиться, каждое слово эхом проносилось по телу.

– Так вот, в один из жарких летних дней...

– Не надо, – прошу еле слышно.

– Ему совершенно случайно встретилась молодая женщина.

– Нет.

– Да, Птичка. Да.

– Это неправда.

– Она шла с работы вдоль дороги через лес. Скромная одежда, длинная коса, хрупкая фигура. Это была твоя мать, Люба Резникова. Не повезло или судьба такая. Но этот старый извращенец изнасиловал ее, ах да, совсем забыл сказать.

– Нет, это неправда. Это не может быть правдой. Нет, нет, нет.

Я постоянно еле слышно шептала эти слова, мотала головой, ноги не держали, но Толя крепко держал за плечи, не давая осесть на пол.

– Забыл сказать, он любил придушить в момент насилия, так, для остроты ощущений– своих. С Любой он не рассчитал, задушил. Как тебе такая правда, Вероника? Теперь тебе жалко Штольца?

Толя тряс меня за плечи, я беззвучно плакала, слезы катились по щекам. Разворачиваюсь в его руках, пытаюсь всмотреться в глаза, но от пелены слез ничего не вижу.

– Нет, это неправда! – кричу, срывая голос, трясу Толю за пиджак. – Скажи, что это неправда! Умоляю тебя, скажи!

– Это правда, Птичка. Он сам рассказал. Каялся. Как ему жалко, как он виноват, как по этой причине удочерил тебя – искупал, так сказать, свой грех.

Не могу уложить всю информацию в голове, больно, безумно больно. Я жила с этим человеком в одном доме, я ему верила, я была ему благодарна за то, что делал для меня. А оказывается, я жила с убийцей. Он убил мою мать ради своего удовольствия, похоти, мерзкого извращения. Как? Как такое можно переварить и забыть?

Толя прижимает меня к себе, гладит рукой по волосам. Я не могу остановить истерику. Все ложь, все вокруг ложь.

– Ты такой же убийца. Ты убил нашего ребенка, – отстраняюсь, отхожу на шаг.

– Это была случайность, чудовищная случайность. Я не отрицаю своей вины, только я в этом виноват. Я первый раз в жизни признаю и раскаиваюсь. Я готов стоять на коленях и молить о прощении, не зная ни одной молитвы.

– Мне не нужно твое раскаяние. Я хочу жить без тебя, вне твоего мира, который я никогда не принимала и не приму. Я для тебя не человек, всего лишь кукла. Так нельзя, Толя. Отпусти меня, дай жить спокойно.

– Ты же знаешь, я не могу, Птичка, – он говорит тихо, а я слышу истошный крик.

Смотрю на своего мужа и понимаю: он никогда меня не отпустит, пока я дышу, я буду его любимой Птичкой в золотой клетке. До него невозможно достучаться, любые слова осыпаются прахом.

– Ну почему, почему ты так меня ненавидишь? Что, что я сделала тебе, за что ты меня так наказываешь?

– Я всего лишь люблю тебя.

– Так не любят.

– Мы едем домой. Вопрос закрыт.

Где-то за дверью слышен шум, голоса что-то приказывают. Дверь с силой распахивается, люди в масках врываются в помещение.

– Всем лежать, руки за голову! Работает ОМОН!

Словно ожившие картинки из прошлого, я послушно опускаюсь лицом в пол, закидывая за голову руки. Толя нехотя, но делает то же самое. Больше шума, больше людей, голоса, приказы. Мне не страшно, мне уже ничего не страшно.

– Вывести всех из помещения.

Меня поднимают, заламывая руки за спину, и выводят вслед за Толей, его ведут двое по длинному коридору к лифту. Но мои конвоиры сворачивают резко вправо, уводя в другом направлении.

– Куда вы меня ведете?

Но мне никто не отвечал, люди в масках были молчаливы, лишь спустившись на несколько этажей ниже по лестнице, меня ввели в кабинет, где сидели Егор и Глеб.

– Наконец-то, Вера. Я думал, ОМОН никогда не придет.

Меня прижимают сильные руки, Егор быстро осматривает мое лицо, фигуру, замечает кровь на платье и волосах.

– Он тебя ударил? Ты вся в крови.

– Это не моя кровь. Толя– он там бил кулаком в стекло.

– Что он тебе сказал? О чем вы говорили?

Не хотелось отвечать ни на какие вопросы, не хотелось давать надежду, мы все равно обречены. Что я могу сказать Егору?

– Почему ОМОН? Кто его вызвал?

– Глеб, это он постарался. Надо было как-то выводить тебя оттуда. Мы отвлекли Бессонова на несколько часов.

– А что потом?

– Сейчас мы уедем –далеко, он не найдет тебя. Я увезу и не отдам тебя ему. Ты мне веришь?

Егор прижимал меня к себе, снова до боли сильные руки сжимали мои плечи.

– Егор, это бесполезно, разве ты ещё не понял?

– Почему ты не хочешь бороться?

– Я боролась, я бегала почти два года. Жила в постоянном страхе. Ты хочешь, чтобы все продолжалось? Я устала.

– Но я буду с тобой, ты будешь не одна.

– Ты бросишь все и будешь охранять меня? Одна клетка

сменится другой. Я не хочу для тебя такой жизни. Не хочу волноваться о тебе каждую минуту. Не хочу думать о том, что ты можешь не вернуться.

– Вера, пойми, это временно. Мы разберёмся и разгребем все это дерьмо. Я найду доводы и методы, как все решить.

– С Бесом надо бороться его методами, я так не умею и не смогу.

– Зато я смогу.

Глава 37

Вера

Два огромных внедорожника неслись по обледеневшей трассе. Справа и слева были бескрайние снежные поля, лишь вдали виднелся черный лес. Колеса вырывали клочья снега, дворники работали, расчищая обзор.

Я не знаю, куда меня везли, но Егор сказал, что там безопасно и меня не найдут. Он такой наивный иногда, но я не стала его переубеждать, если мужчине хочется спасти женщину, пусть спасает, на то он и мужчина.

Ехали только я и двое парней со мной в машине, столько же в другой. Тихо играла музыка, трещала рация, парни о чем-то переговаривались. Егор остался в городе уладить какие-то дела, но перед отъездом все-таки надел на меня тёплую шубу. Если ему так спокойней, то пусть будет шуба.

Обещал приехать, как все уладится. Что все? И как это все уладить – я не представляла. Пусть еще хоть несколько дней, хоть несколько часов продлится моя свобода. Но я бы все

на свете отдала, лишь бы Егор не лез в это дерьмо. Пусть бы он жил своей жизнью и не знал никогда такого человека, как Толя Бес. Но тут пришла я, и все у молодого, успешного, сильного мужчины пошло, мягко говоря, не очень.

Судьба или случайность? Вся моя судьба – это сплошной несчастный случай. Случайно родилась, случайно по глупости вышла замуж, случайно оказалась не в то время и не в том месте. Я заставляла себя не думать о том, как сложилась бы моя жизнь, не пойди я в тот ресторан, не потеряй ребенка. Заставляла себя не представлять, какой бы он был.

От слез печёт глаза, опускаю веки, думаю о Егоре. Представляю его улыбку, его глаза, что так жадно смотрят на мои губы. Тут же машинально трогаю их пальцами. Его поцелуи такие разные, в них нежность, страсть, голод, забота. Как много в нем всего. Не жалею ни одной минуты, что была с ним. Как бы ни сложилось дальше, но я благодарна судьбе, первый раз в жизни благодарна, что я встретила этого мужчину.

Едем долго, наверное, часа три уже. Пейзаж за окном то сменяется лесом, то захудалыми придорожными кафешками и заправками. Опускаются сумерки, за ними темнота, даже не видно звезд и луны. Только фары режут дорогу.

– Парни, у нас проблемы, – в рации раздался голос мужчины из впереди идущей машины.

– Что там?

– Впереди мало что видно, но очень плохая дорога. Надо

сбавить скорость.

– Скорость не сбавлять.

Пытаюсь взглядеться, снег хлещет по лобовому, впереди на приличном расстоянии видна наша машина, смотрю на спидометр, летим почти сто двадцать километров.

– Впереди перекрыта дорога. Парни, вы слышите? Черт!

Видим, как машина делает резкий поворот, пытаюсь уйти от столкновения с чем-то. Её нещадно крутит на дороге, вот-вот выбросит в кювет. Мы сбавляем скорость, но нас тоже заносит, водитель выкручивает руль в другую сторону. Наконец замираем на месте.

– Что у вас? – это кричит в рацию мой водитель. Он уже хочет открыть дверь и выйти посмотреть, но я останавливаю его, прикасаясь к плечу.

– Не ходи.

Салон автомобиля накрывает тишина, рация молчит, дворники скребут стекло. Отчетливо слышим два выстрела. Я вздрагиваю, зажимаю рот рукой, чтобы не закричать.

– Разворачивайся, едем назад! Там, позади, был поворот в лес.

Охранник приказывает водителю, тот выворачивает руль. Дает по газам, машина слегка пробуксовывает на ледяной дороге, но летит вперед.

– Почему молчит рация? Что там с ними? Может, надо вернуться? – задаю сразу много вопросов, чтобы как-то успокоиться и не думать о том, что те парни уже мертвы.

– Наша задача доставить вас в назначенное место, мы не можем отвлекаться, зная о том, что вам может грозить опасность.

Едем совсем недолго, я стараюсь не начинать истерику, глядя в темноту за окном. Но отчетливо видно, что нашу полосу резко освещает свет фар, на нашем пути стоит машина. Очередное резкое торможение, парни вытаскивают оружие, но мотор не глушат и не выходят.

Подъезжают еще два внедорожника, все двери одновременно открываются. Первым выходит Анатолий, за ним мужчины с автоматами, но это далеко не дневной ОМОН. В свете фар четко видно, как ветер развеивает польевого расстёгнутого чёрного полупальто, снег путается в волосах. Он идет к нам навстречу, расставив в разные стороны руки в перчатках, чуть склонив голову и щурясь от света ксеноновых ламп.

И он улыбается, сука, он улыбается. Он, как всегда, доволен собой, он победитель, он чемпион по жизни.

– Вероника, мы едем домой, выходи.

– Вам не надо выходить, пока вы здесь, он ничего не делает.

Моя охрана на позитиве. Да, мой муж всего за несколько часов узнал, куда и на чем меня везут, догнал, перекрыл дорогу, и, конечно, он ничего не сделает. Спросит, который час, и поедет обратно.

– Птичка, выходи! В этом забытом богом краю собачий холод. Как здесь люди живут, не понимаю?

– Надо идти, он не уйдет все равно. Будем сопротивляться, сделаем только хуже.

Медленно открываю дверь, выхожу, кутаясь в длинную шубу, сапоги утопают в снегу, стоим на обочине. Охрана выходит вместе со мной, хотя их никто не просил. Парни не прячут оружие, только крепче его сжимая. Ветер стихает, но снег все так же идет. Я не чувствую холода, по венам течет чистый адреналин.

– Ты так любишь устраивать эффектные сцены, Анатолий, в тебе погибает великий актер.

Как только подхожу к мужу, его охрана вскидывает автоматы и целится в моих парней. Они ждут только его приказа, любого знака: кивка головы, взмаха руки.

– Толя, нет. Не надо этого делать. Я тут, с тобой. Они ни в чем не виноваты. Прошу тебя, не надо.

Мой голос дрожит, стараюсь говорить спокойно и смотреть Бесу в глаза. Только бы не сорваться на крик и не умолять, он этого не любит.

– Ты такая красивая, Птичка, – снимает перчатку, тянется к моему лицу, проводя пальцами по губам.– Поцелуй меня.

Стою в ступоре, автоматы так и не опущены, теперь холод пробирает до костей, у Толи расширенные зрачки, он под кайфом, ему все равно, что сейчас будет происходить. Он хочет получить то, что просит.

Подхожу ближе, приподнимаясь на носочках, чтобы дотянуться до его губ. Слегка касаюсь их своими, замираю на

несколько секунд, но как только хочу отстраниться, меня резко хватают за шею и целуют уже по-настоящему. Жадно. До боли. Лишняя воздуха.

– Машины в кювет и сжечь, – громкий Толин приказ, как только он отрывается от моих губ, но все так же прижимая к своему телу.

– Нет, не надо. Прошу тебя, не трогай их, – словно вымаливаю жизнь этим людям, хватаюсь ледяными пальцами за его пальто.

Он меня тянет к машине, к той, на которой приехал, я упираюсь, постоянно повторяя, чтобы он не трогал парней, оборачиваюсь назад, пытаюсь отыскать их. Нахожу, они стоят в стороне, оружие отобрали, но они живые.

Уже в салоне через стекло вижу, как машину сталкивают с дороги в небольшой овраг, обливают из канистр, вспыхивает огонь. Мы разворачиваемся, проезжаем мимо, быстро набираем скорость, Толя сам за рулем, больше с нами никого нет. Позади раздается взрыв, я вздрагиваю, оборачиваюсь, но видно лишь зарево огня.

– Их точно не тронут?

– Точно.

– Спасибо.

– Дома скажешь спасибо.

Глава 38

Вера

Снова едем в тишине. Тишина – это теперь мой самый

лучший друг, лучше она, чем крики, звук щелчка предохранителя и вой сирен. Мне так много хочется спросить у Толи. Десятки вопросов, предположений, я уже сама на них ответила, сама сделала выводы и приняла решения.

Но мне так хочется слышать все от него. Что с Егором? О чем они говорили? Говорили ли вообще? К какому решению пришли? Где этот долбаный альфа-самец, начальник службы, мать ее, безопасности Глебушка? Защитил ли он его? Только бы он был живой, Господи, только бы живой.

Нас обгоняет одна машина, пристраивается впереди, как сопровождение, вторая светит фарами сзади. Давно я так не ездил — при полной охране. Смотрю на Толю, он внешне совершенно спокоен, одной рукой держит руль, второй сигарету. Запах табака заполняет салон, проникает в легкие, жутко хочется курить.

Толя докуривает, сигарета летит в окно, из внутреннего кармана пальто достает пластиковый пакет, кидает мне на колени.

— Там твой паспорт. Настоящий паспорт, телефон и кольцо. Надень его.

Открываю конверт, правда, мой паспорт, Бессонова Вероника Геннадьевна, как теперь избавиться от отчества, не представляю. Мой телефон, старый, даже заряжен, надо вспомнить его номер. Два кольца, красивые, идеальные. Для чего они мне, такой неидеальной? Кручу в пальцах, смотрю, как сверкают бриллианты. Снова не смею послушаться, наде-

ваю, хотя так хочется выкинуть их в окно вслед за Толиным окурком.

– Куда мы едем? – нарушаю тишину, распихиваю телефон и паспорт по карманам шубы.

– В аэропорт. Еще часа полтора ехать. Ебучий край, одни сугробы и холод. Если начнется метель, рейс не выпустят.

– Как ты меня нашел?

– Геолокация у твоих сопровождающих не была отключена. Мои парни быстро сообразили.

– Я не об этом. Как ты вообще меня нашел?

– Случайно, ты хорошо пряталась, Птичка. Я ту компанию, за которую так впрягается Воронцов, пробивал давно. Людей отправил – узнать, прощупать, связи наладить. И вот в одном из торговых центров тебя узнали. Я даже не поверил. А дальше выследили, сказал, чтобы не трогали, приеду, сам разберусь. Вот, приехал. Разобрался.

Как тут не поверить в судьбу? Я в этом городе была всего три дня, именно в том торговом центре я услышала разговор двух женщин и забытый телефон старой экономки. Особняк, встреча с Егором, компания, которая приглянулась Толе, все сплелось и завязалось тугим узлом.

С языка так и хотел сорваться вопрос: «Что там с Егором?», но я не могла себя заставить его произнести. Нет, я боялась не за себя, за него. Неизвестно, что Толе может прийти на ум, какую очередную театральную сцену он может устроить.

– А те птицы с оторванными головами в лесу, это твоя работа?

– Аха-ха-ха-ха! – Толя разразился диким смехом, запрокидывая голову. – Тебе тоже понравилось? Я знал, что ты оценишь. Нет, я сам им башки не отрывал, но я бы смог, ты же знаешь.

– Да, ты бы смог.

– Как символично, птица с оторванной головой, брызги алой крови на белоснежном снегу. Красиво, правда? Я не знаю, я еще не решил, оторву ли я голову своей Птичке? За то, что трахалась с другим мужиком! Раздвигала перед ним ноги, стонала и кричала, как последняя сука!

Резкая перемена настроения, вот только совсем недавно Толя смеялся, теперь же он орет, стучит руками по рулю, готовый его вырвать. Я вжимаю голову в плечи, сильнее укутываясь в шубу, зажмуриваю глаза.

Но дальше происходит то, чего я совершенно не ожидала. Его тяжелая ладонь накрывает мои волосы, нежно поглаживая, перебирая пряди. Он болен, он реально болен. Если мне не оторвут голову прямо сейчас, оросив моей кровью белый снег, как тем птицам, то это точно случится, но чуть позже.

Толя знает, что я была с Егором, нет смысла отпираться и выгораживать его. Боюсь открыть глаза, встретиться с бешеными глазами своего мужа.

– Тебе интересно, что с ним?

Он убирает руку, машина набирает скорость. Да я бы все

отдала, чтобы узнать, что с ним все хорошо.

– Что с ним? – выдавливаю из себя вопрос и так боюсь услышать ответ.

– Все хорошо, мы договорились.

– О чем?

– Он забывает о тебе, но помнит, чья ты жена. Я забываю о нем и этой несчастной проблемной компании. На время. Но я был очень убедителен. Ты знаешь, я умею, когда захочу.

– Ты говоришь правду?

– Разве я тебе когда-нибудь врал, Птичка?

Заглядывает в мои глаза, ища там ответ или подтверждение своей правоты. Нет, он никогда мне не врал.

– Он жив? – последний вопрос, ответ на который я хочу знать, больше ничего не важно.

– Жив. Но мне очень, очень нужен вход в эту область. Я сказал, что он будет, но, сука, ты, Вероника, сука, как всегда, все испортила!

– При чем тут я?

– Потому что все идет через жопу, когда я думаю о тебе. Хотя, ты знаешь, он держался молодцом, такой патриот. За край, за область, за народ, за жизнь без наркоты, хоть на выборы выдвигай. Зачем ему какая-то шлюха, как ты?

– С ним все в порядке?

– Птичка, еще одно слово, я разверну машину и всажу пулю ему в голову. Лично.

Хочется сказать ему спасибо, но язык не поворачивается.

Горло словно стянуло железной проволокой. Егор жив, это главное, остальное неважно. Остальное не имеет значения. Все правильно, так и должно быть. Именно так, никак иначе, ну кто я такая, чтобы на меня обменивать целые компании? Нет, все правильно.

Любой бы так поступил, ну кто в здравом уме будет заменять состояния на женщину с сомнительной репутацией? На какую-то шлюху? Все правильно, я не виню его. Наши отношения, если их можно назвать отношениями, изначально никуда не вели.

В голове, словно колокольный звон, звучат одни и те же фразы. Они повторяются, откладываются на сердце толстым осадком. Слезы сами текут по щекам, отворачиваюсь к окну, чтобы Толя их не видел. Главное, что он живой, остальное не имеет значения. Остальное уже не важно.

Глава 39

Вера

Рейс задерживали, не выпускали даже частные джеты. Толя нервничал, постоянно с кем-то разговаривал по телефону, словно и забыл обо мне. Вот бы это случилось на самом деле. Нас накормили, но кусок не лез в горло. Сжимала в руках свой старый телефон, но не помнила ни одного номера.

Даже если бы и вспомнила, что я скажу Егору? Прости, извини, так получилось, мой муж подонок? Смешно, но не до смеха. Я бы просто хотела услышать его голос, мне нужно знать, что с ним все в порядке, что ему ничего не угрожает.

Надеюсь, очень надеюсь на Глеба, пусть он его защитит любыми способами.

Как только разрешили взлет, уже почти в восемь утра, начало болеть сердце. Долго умывалась холодной водой, грешила на крепкий кофе. Толя вроде успокоился или закинулся очередной дозой, но ко мне не лез. Летели долго. Периодически проваливаясь в сон, видела только кошмары, от которых резко просыпалась в холодном поту.

Не хотела верить, что такое может случиться и случилось на самом деле. Не хотела больше этого видеть, но, закрыв глаза, словно летела с обрыва в пропасть. Задышалась, кричала, срывая голос, чтобы они остановились, чтобы прекратили его избивать.

Егор стоит на коленях, кругом большое и темное пространство, много автомобилей, вроде подземная парковка. Трое методично наносят удары, мужчина совершенно ослаблен, он не отвечает, принимает все покорно. Светлая рубашка залита кровью, голова безвольно свисает на грудь.

Почему он не сопротивляется? Почему рядом никого нет? Где Глеб, где вся охрана? Все очень реалистично, я будто вижу все со стороны. Кричу, разрывая легкие, чтобы они остановились, чтобы не трогали, не делали ему больно. Егор заваливается на бок, его продолжают избивать, пиная ногами.

Мне так безумно больно самой, сердце болит, обливается кровью. Я плачу, просыпаюсь, слезы бегут по щекам, руки трясутся.

– С вами все в порядке?

Улыбчивая стюардесса с тревогой заглядывает в мое заплаканное лицо, пытаюсь понять, что со мной.

– Да, спасибо. Все в порядке.

– Может быть, воды?

– Принесите что покрепче. Виски со льдом.

Он солгал, Толя солгал мне, что не трогал Егора. А может, это просто кошмар, дурной сон, и мои страхи напрасны? Пусть это будет так.

Стюардесса принесла спиртное. Сделав пару глотков, я тут же вспомнила, как Егор вливал в меня коньяк, как потом между нами был совершенно дикий секс. Вкус его губ на моих, вкус коньяка и запах его тела. Толчки внутри меня, глубоко, так, что мое лоно сжимается от воспоминаний.

Я забыла, забыла сказать ему самое главное. Пусть даже он бы посмеялся надо мной или промолчал бы, но сейчас мне было так важно, чтобы я сказала ему эти слова. Там, стоя у автомобиля, который должен был увезти меня на какую-то далекую заимку в тайге. Я должна была сказать, что люблю его.

Я чувствовала, как он смотрит на меня, в то утро, стоя на крыльце особняка. Открыв глаза, я увидела его в лучах яркого морозного солнца, снежинки путались в его волосах, карие глаза смотрели с интересом, а я совершенно не слышала, что он мне говорит. Дурная женщина. Мои первые слова о любви так и не были произнесены. Но я уже тогда его

любила.

– Уважаемые пассажиры, наш самолет совершает посадку... – из динамиков полилась плавная речь бортпроводницы. – Командир корабля и экипаж прощаются с вами. Пожалуйста, оставайтесь на своих местах до полной остановки.

Я даже не почувствовала, как шасси коснулись посадочной полосы. За иллюминатором разливалось ласковое южное солнце. Подали трап, Толя, не прицепившись за время полета ко мне ни разу, схватил за руку и потащил на выход.

Странно, но наш борт остановился где-то на задах аэропорта, машина не подъехала, пришлось идти пешком до стоянки. Недавно шел дождь, мокрый асфальт и лужи. Толя идет, широко шагая, охрана едва успевает за нами, в воздухе напряжение и тревога.

Открытая парковка, кругом высокий забор, Толя останавливается, замирает около черного автомобиля, смотрит на меня. Но внезапно сильно дергает головой назад, птицы срываются с натянутых проводов, охрана падает на землю. Я стою, не в силах сдвинуться с места, смотрю на круглое отверстие в Толином лбу. Снайпер. Его снял снайпер четким профессиональным выстрелом в лоб.

Откуда-то подбегает охрана, валит меня на мокрый асфальт рядом с мужем. Грузное тело прижимает меня к земле, от кого-то защищая. А я смотрю, как загнипнотизированная, на Толин лоб и ровное отверстие в нем. Кровь, растекающаяся под ним, только делает асфальт еще темнее, но на

кровь она не похожа, просто черная жидкость. «У него даже кровь черная», – вот вторая мысль после увиденного, а первая была: «Как красиво». Я точно больная, если считаю смерть красивой.

Открытые глаза смотрят в голубое небо, рот слегка приоткрыт, словно в удивлении, и лужа черной крови под его головой. Слишком красивая и слишком легкая смерть для Толи Беса.

Тишина пропадает, пространство наполняется шумом, голосами. Вой сирен, меня поднимают с асфальта, молодой полицейский с удивлением осматривает меня в длинной шубе.

– Вы в порядке?

– Почему сегодня все интересуются, в порядке ли я?

– Не понял?!

– Да, со мной все в порядке.

– Вы что-нибудь видели или слышали?

– Да, видела, как моему мужу в лоб всадили пулю. Вы видели когда-нибудь такое? Это был снайпер?

– Мы не можем точно сказать, кто это был, следствие покажет. Пройдемте, здесь сейчас будут работать эксперты.

Глава 40

Егор

Сквозь сон или словно наркотический дурман слышал писк приборов. Хотел открыть глаза или пошевелить рукой, но ничего не получалось. Все словно в тумане, голова не соображает, жутко раскалывается. Во рту сухо, так что слип-

лись губы, хочется пить.

Ничего не помню. Стараюсь успокоиться, не дергаться, воспоминания, как вспышки фейерверка, перед глазами. Вера, ее глаза, полные отчаяния, но все равно с верой в меня. Она уехала, как я и хотел, не сопротивлялась, не говорила, что это бессмысленно и бесполезно. Просто покорно слушала, кивала головой.

Снова писк приборов, отчетливый запах медикаментов. Получается дернуть рукой, писк становится еще сильнее. Чувствую, что в помещение входят, чьи-то руки поправляют на мне провода. С трудом, но получается чуть приоткрыть глаза.

Девушка в белом медицинском колпаке и маске на лице. Лишь одни большие карие глаза. «Как у Веры», – приходит первая мысль. Девушка заботливо заглядывает в мои глаза, скользит взглядом по лицу, смотрит снова на приборы, которые не перестают пищать.

– Я сейчас позову доктора. Все хорошо, только не двигайтесь.

Она быстро уходит, смотрю в белый потолок, освещенный тусклой лампой. Невозможно понять, день сейчас или ночь, сколько времени я здесь нахожусь. Но голова кружится, даже если я лежу и ничего не делаю. Поднимаю руку, медленно подношу к лицу. Одна сторона опухшая, но глаза видят хорошо. Ощупываю голову, вся в бинтах. Что же случилось? Сука, ничего не помню.

Закрываю глаза, опять уносит, закручивая воронкой, в пропасть. Снова кто-то рядом, уже несколько голосов. Узнаю Морозова, хочу встать, спросить, что я тут делаю, где Вера, но ничего не выходит.

– Какие прогнозы?

– Состояние тяжелое, но стабильное. Организм сильный, но внутренние травмы очень серьезные, плюс черепно-мозговая травма, словно его ударили головой обо что-то твердое несколько раз. Операция прошла успешно, теперь только время и покой, да, и, конечно, мы делаем все возможное для скорейшего выздоровления Егора Ильича.

– Спасибо, – Морозов, как всегда, краток.

Доктор уходит, я еще раз пытаюсь открыть глаза. Глеб совсем рядом, плотно сжимает губы и скрипит зубами, злится.

– Егор, все будет хорошо. Эскулап сказал, ты справишься, уже справился. Ну, если он спиздел, я разнесу эту элитную больничку, сравню до клумбы. Ты знаешь, я могу.

Он может, я знаю. Но меня волновало совсем другое, то есть другая. Он знал, что я хочу услышать, смотрел на меня и молчал.

– Я виноват, знаю. Отпустил тебя одного. Не стоило верить всем словам Беса, таким чертям вообще не стоит верить. Бля...ь, я не знаю, что сказать, только я виноват, что ты сейчас здесь.

Он резко отходит от меня, вижу только его размытый силуэт, как мечется по палате и колыхнется белый халат, набро-

шенный на плечи.

– Она уехала с ним. Парни, что везли ее, остались на трассе, машины сожжены. Она уехала с ним, ее никто не принуждал, уехала сама. Ты был четыре дня в отключке, хорошо, что нашли быстро. Охрана на парковке видела, что ты спустился, но не выехал.

Я не хотел больше ничего слышать. Я не защитил и не уберег, хотя обещал ей. Клялся, что все будет хорошо, но ничего не вышло.

– Ты думал, что я так просто отдам тебе свою жену? – слова Беса звучали в моей голове, разносились эхом, били по нервам. – За то, что ты сунул в нее свой член, я готов убить тебя прямо сейчас, но парадокс в том, что ты мне еще нужен. Скажи спасибо, что еще ничего не решено по компании, и забудь про мою жену. Моя птичка полетит домой, полетит сама, и никто ее не остановит.

Тот разговор был спустя час, как Вера уехала, как я отправил ее, как мне казалось, далеко, в надежное место. А потом, когда Бес ушел, жутко захотелось курить. Я ничего не мог сделать, только надеялся на то, что их не догонят, не вычислят, по какой трассе едут. Надо было ехать с ними, но я решил, что так будет лучше.

Спустился на парковку за сигаретами, оставленными в машине, и там же получил первый удар. Неожиданный, резкий, сбивающий с ног. Стоял на коленях, только успевал закрывать руками лицо. Их было трое или двое, удары наносились

методично, профессионально, били, словно боксерскую грушу. После какого удара головы о бетонный пол потерял сознание, не помню.

– Егор Ильич, доброе утро. Как вы себя чувствуете? – все та же молоденькая медсестра в белом колпачке, но уже без маски, заходит в палату.

Прошла неделя, меня перевели в отдельную палату класса люкс. Живые цветы, плазма на стене, отдельная душевая и туалет. Передвигаться удавалось с трудом, но до унитаза как-то доползал сам. Опухоль с лица почти спала, но голова так же нещадно болела, обезболивающие помогали мало.

Морозов ничего не рассказывал, да я и не хотел ничего знать. Я словно полностью отрезанный от внешнего мира, ни телефона, ни выхода в интернет. Даже новостные каналы были отключены, чтобы не тревожить лишний раз пациентов.

Вера уехала, и я уже считал, что это правильно. Смог бы я прятать ее всю жизнь? Разве такого счастья и мнимой свободы я хотел для нее? Конечно, нет. Но как только я понимал, с кем она, хотелось крушить и ломать все вокруг. Хотелось снова разбить себе голову, но не допустить, чтобы она была с этим чудовищем.

– Ну, так как вы себя чувствуете, Егор Ильич?

Медсестра не унималась, строила глазки, а я даже имени ее не запомнил. Все осточертело, эти стены, запах лекарств, приторная улыбка этой девчонки, хотя она ни в чем не ви-

новата.

– Спасибо, все хорошо.

– Эти таблетки надо выпить, и повернитесь, я поставлю укол.

Так повторялось изо дня в день, одно и то же. Медсестра, таблетки, уколы, долбаный день сурка. Сегодня уже три недели, хорошо то, что сам встаю и передвигаюсь, даже могу принять душ. Хотя медсестра все рвется помочь, глупая. Пора валить отсюда домой. Интересно, как там дома без Веры?

Я не смогу ее отпустить, не смогу. Меня ломает и выкручивает изнутри, я рвусь к ней всем своим сознанием, но в таком состоянии, как сейчас, я ничего не смогу сделать. Я понимаю это, я трезво оцениваю свои шансы, но сердце рвет на части.

– Вы слышали, какой ужас творится? Такой скандал, среди белого дня убили одного криминального авторитета. Пуля попала прямо в лоб, не иначе как снайпер, и все на глазах у жены.

Практически не слушаю, что там щебечет медсестричка, но ухо режут слова «авторитет» и «на глазах у жены».

– У нас в городе?

– Нет, что вы, слава богу, у нас такого нет. На юге где-то.

– Когда? – хватаю девушку за руку, больно сжимая.

– Давно уже, в конце того месяца. Ой, больно.

– Извините, не хотел сделать больно, – отпускаю ее руку, она подозрительно на меня косится, потирая запястье.

– А почему все до сих пор об этом говорят? – пытаюсь выведать что-то еще, может быть, это совершенно другие люди, не те, о которых я думаю.

– Так в покушении обвиняют жену, что была с ним в тот момент. Даже не знаю, что и думать, может, и правда она заказала своего мужа.

Глава 41

Вера

– С вами часто такое случается? Может быть, вызвать скорую?

Молодая женщина, управляющая цветочного салона, куда я пришла на собеседование в поисках работы, смотрела с тревогой и подозрением.

– Я что, упала в обморок?

– Не то чтобы упали, но да, вам стало плохо. Выпейте воды.

Она протягивает мне стакан с водой, беру, медленно делаю глотки, прихожу в себя. Руки трясутся, голова слегка кружится, хорошо же я сходила на собеседование, что подумала эта милая женщина – даже не представляю. Приняла меня за наркоманку или припадочную.

– Я, пожалуй, пойду. Спасибо.

Ставлю стакан с недопитой водой на стол, беру сумочку, надеваю пальто.

– Может быть, все-таки вызвать скорую или проводить вас?

– Нет, спасибо, мне уже лучше. Нервы.

На двери салона звонко звенит колокольчик, резкой болью отдаваясь в голове. Выхожу на улицу, вдыхаю влажный воздух. Декабрь, а льет дождь. Наверняка у Егора жуткий мороз и ужасно много снега, что не выехать в город. Улыбаюсь.

Я всегда его и все, что связано с ним, вспоминаю с улыбкой. Теперь мороз, снег и холод обязательно ассоциируются с этим горячим мужчиной. А еще яркое слепящее солнце – это тоже он. Так и есть, он был солнцем в моем жизненном мраке.

Голова перестала кружиться, мысли прояснились. Перепрыгиваю через лужи, иду домой. Да, теперь у меня есть дом, хотя он всегда и был у меня, просто я об этом забыла. Надо что-то купить из продуктов, хотя денег не так и много, и неизвестно, когда я найду работу. Слишком много неизвестного вокруг.

Три недели назад моего мужа убил снайпер. Мое спокойное состояние приняли за шок. Полицейские очень долго снимали показания, задавали миллион повторяющихся вопросов. Молодой следователь удивлялся, почему не убили меня, ведь это было бы вполне логично. Я, в свою очередь, удивлялась следователю и его бестактности, отвечая однозначно, не имея ни малейшего желания помогать им в их работе.

Весь полицейский участок, куда меня привезли сразу по-

сле покушения, смотрел странно на женщину, которая не хотела снимать шубу даже в помещении. А меня просто трясло изнутри, догадки холодной волной проносились по телу. Я не хотела, чтобы ко всему этому кошмару был причастен Егор. Вот не хотела, и все. Кто угодно, пусть кто угодно грохнул моего мужа, ему прямая дорога в ад, но только не Егор.

– Фамилия, имя, отчество?

– Бессонова Вероника Геннадьевна.

– Кем вам приходился Бессонов Анатолий Александрович?

– Он приходился мне мужем. В моем паспорте есть штамп о заключении брака.

– Кем вам приходился Штольц Геннадий Аркадьевич?

– Какое это имеет отношение к убийству моего мужа?

– Вероника Геннадьевна, давайте вопросы здесь буду задавать я.

Такая избитая коронная фраза всех копов-неудачников в кино.

– Геннадий Аркадьевич мне приходился приёмным отцом.

– При каких обстоятельствах он вас удочерил?

Я вздохнула и отвернулась к окну. За ним разливалось яркое южное солнце, его лучи скользили по грязному стеклу убогого кабинета следователя. А я начала жалеть о том, что у снайпера не нашлось еще одной пули для меня. Тогда бы не пришлось отвечать на эти вопросы.

– Я не знаю, спросите у него.

– Вероника Геннадьевна, вы прекрасно понимаете, что спросить мы не можем. Его убили тоже в вашем присутствии, как и вашего мужа.

– Да, его убили, как и моего мужа, но никакого отношения я ни к тому, ни к этому убийству не имею.

– Где вы находились последние год и девять месяцев?

– Вам не кажется, что вы должны задавать мне совершенно другие вопросы?

– Здесь я решаю, какие задавать вопросы.

Но из допроса, хотя эту беседу, длящуюся много часов, называли как опрос свидетелей, я поняла, что подозреваемая номер один – это я. Стало смешно. Ближе к ночи приехал мой адвокат, точнее, адвокат давно покойного Штольца.

Пожилой, можно сказать, далеко преклонного возраста еврей представился как Семен Маркович, начал вспоминать то время, как впервые увидел меня в доме Геши Штольца, каким я была милым подростком. А мне хотелось, чтобы он замолчал и не упоминал никогда при мне имени своего старого друга.

Я сдержалась и не грубила, ведь человек сам вызвался помочь, наверняка он не знал о «пристрастиях» и «шалостях» глубоко им уважаемого человека. Он разрулил ситуацию, но с меня взяли подписку о невыезде, просили оставить адрес места моего проживания. А вот с этим была большая проблема.

Тот же молодой следователь сообщил, что особняк Бессонова опечатан, в нем идет обыск. Я была совершенно безразлична к дому и его содержимому. Единственное, что волновало, это мои документы, а точнее, только диплом, ведь без него я не смогу устроиться на работу.

Но была и хорошая новость за последние сутки – я обрела крышу над головой. Вернулась к себе домой, в то место, где я родилась и жила до пятнадцати лет. В квартиру моей матери, из которой меня увезли после ее похорон. Семен Маркович отдал мне конверт с документами на квартиру и ключами. Так я вернулась домой.

Уже глубокой ночью я открыла дверь, которую не открывала почти двенадцать лет. Тусклый свет старого плафона в прихожей осветил пространство, которое совершенно не изменилось за это время. Штольц оформил квартиру на мое имя, исправно оплачивались все коммунальные услуги, но я ничего не знала об этом до сегодняшнего дня. Да и не пыталась узнать, живя в собственной скорлупе, обиженная на весь мир и несправедливость судьбы.

Прошло три недели, три долгие недели с днями, похожими друг на друга. Меня вызывали в полицию почти через день, задавали все те же вопросы, на которые слышали все те же ответы. Замкнутый круг моей свободы.

Я ничего не знала о Егоре, пыталась искать его в социальных сетях, но не было никакой информации. Набирала в поисковиках его фамилию, узнала название его компании, да-

же решила позвонить в офис. Но мне сообщили, что Егор Ильич в отъезде уже давно и когда вернется – неизвестно. Личный номер или номер его начальника службы безопасности мне не дали.

Пришлось попросить Семена Марковича сдать мое обручальное кольцо в ювелирный магазин или знакомому ювелиру, чтобы выручить больше денег, ведь кольцо и правда очень дорогое. Он помог, так я стала из очень богатой женщины женщиной, имеющей небольшие накопления. Их хватает на первое время, но все равно нужна работа.

И вот, сегодняшнее собеседование в цветочном салоне, куда я хотела устроиться флористом, имея хоть какой-то опыт и желание, прошло неудачно. Под ногами сыро, проезжающая машина чуть было не залила все пальто. Странно, но эту машину я уже видела сегодня утром на углу дома, когда шла в магазин.

Почти два года постоянно приходилось оглядываться и оборачиваться. Это чувство даже сейчас не отпустило, хотя искать и следить за мной уже некому. Но машина проехала мимо, даже не притормозив. Решила не идти домой, там все равно никто не ждет. С остановки свернула в кафе, надо что-то съесть, может быть, из-за этого и тошнит, что с утра ничего не ела.

В кафе много народу, в основном молодежь, но снова странное ощущение, словно за мной наблюдают. Оглядываю зал, все заняты своими делами, пары или компании, ни одно-

го одинокого или подозрительного человека. Заказываю салат и чай, но от запаха еды снова мутит. Холодок пробегает вдоль позвоночника, вилка замирает в руке, смотрю в одну точку, обдумывая лишь одну причину моего состояния.

Оставляю на столике деньги, спешу домой, уже не перепрыгивая через лужи и не замечая начавшийся дождь. Темный двор, резкий свет вспыхнувших фар бьет по глазам. Заслоняю их ладонью, замедляя шаг, хотя сознание кричит, что надо идти быстрее. Физически чувствую опасность, надо бы бежать и кричать, но я иду дальше.

Фары не гаснут, ярко освещая мне путь к подъезду. Но как только берусь за ручку двери, чьи-то руки до боли сжимают плечи, накрывая лицо тряпкой. Паника накрывает внезапно, дергаюсь, пытаюсь кричать, дышать становится нечем.

– Ну, ну, не дергайся. Резвая какая, – хриплый мужской голос шепчет прямо в ухо, хватка на плечах слабеет от того, что я начинаю терять сознание и оседать на землю.

Последнее, что помню, как снова сильно кружится голова, меня подхватывают на руки, куда-то несут. Громкий хлопок закрывающейся двери, стойкий запах сигарет, холодная кожа сиденья в салоне автомобиля, мужские голоса, они о чем-то спорят, а дальше пустота.

Глава 42

Вера

Очнулась, когда машина подпрыгнула на ухабе. Открываю глаза – потолок салона автомобиля, голова тяжелая, не

могу ее даже поднять. Темно, значит, еще ночь, и, может быть, меня не так далеко увезли от города. Играет какой-то блатной шансон, мужчины молчат. Кто-то закуривает, тянет дымом, от него начинается мутить.

Руки связаны спереди, туго перетянуты скотчем. Со мной нет сумочки, что висела через плечо, там паспорт, телефон, немного денег и ключи от дома. Надежда на то, чтобы кому-то позвонить и попросить о помощи, пропала. Я даже не знаю, где она может быть – у похитителей или валяется там, у подъезда. Ужасно хочется пить, поднимаю голову и снова роняю ее на сиденье. Срочно нужен свежий воздух, иначе меня стошнит. Тянусь рукой до переднего сиденья, чтобы позвать и попросить остановиться.

– Послушайте, эй, мужчины, – голос слабый и еле слышен даже мне. Но, на удивление, один из похитителей поворачивается.

– О, очнулась наша крошка. Посмотри, Костян, она очнулась, – он толкает в бок водителя, тот заглядывает в зеркало заднего вида, но меня не видит и тоже оборачивается.

Пробегаются по мне взглядом, хмурит широкий лоб.

– Ты чем ее накачал, придурок? Она выглядит, как готовая вот-вот откинуться. Что мы спросим с трупа? Дебил.

– Можно остановить?

– Чего ты там говоришь, крошка?

– Остановите, пожалуйста, мне плохо.

– Костян, ей плохо, что делать?

– За что мне бог послал такого придурка, как ты, Антоха? Вот ты реально debil. Она сейчас тут все заблюет, и ты будешь отмывать машину, придурок.

Скрип тормозов, машина резко останавливается. Водитель выходит, открывается пассажирская дверь, и меня, словно куль, вытаскивают на улицу. Свежий морозной воздух проникает в легкие, я жадно его вдыхаю, еле стою на ногах, опершись на открытую дверь.

– Да там всего было несколько капель, Костян. Она должна была вырубиться ненадолго, на пару минут всего. Кто ж знал, что ее так рубанет на час?

– Я сейчас тебя вырублю на пару часов, заткнись.

Тот, что Костян – высокий, жилистый, в короткой потертой кожанке, не могу разглядеть его лицо, очень темно. Дышу, прикрыв глаза, стараюсь успокоить поднимающуюся изнутри панику. В голове миллион вопросов, а еще больше обиды на судьбу за то, что она со мной опять так неласкова. А может, это и не в судьбе дело, а во мне, я делаю все не так, живу не так.

То, что они не прячут лица – это уже очень плохо. Я не специалист, но детективы читала и смотрела. Если не прячут лица, значит, не боятся, что я опишу их, значит, меня просто не оставят в живых.

– Можно попить?

В руки всовывают открытую бутылку минералки, медленно пью, смотря по сторонам, но практически ничего не вид-

но, пустая дорога, справа поле, слева редкий лес и ни одной проезжающей машины. Отдаю бутылку, вытирая связанными руками воду с губ.

– Что вам от меня надо?

– Разговоры потом, залезай обратно.

– Правда, что вы хотите? Денег? У меня есть немного, но часть дома, а другая у адвоката. Можем поехать, я скажу адрес.

– Костян, слышал? Деньги у нее есть, может, мы себе заберем?

Тот, что Антоха, крутился рядом, невысокого роста, щуплый, зыркал маленьким свинячьими глазками. Постоянно курил, мерзко сплевывая. Меня снова передёрнуло от отвращения. А что, если они захотят меня изнасиловать? Если везут именно туда, где изнасилуют, и их будет не только двое?

Ледяной озноб прошиб все тело, я так и замерла, глядя на похитителей. Бежать было точно бессмысленно, звать на помощь – тем более. Кто может меня услышать в этой глуши, непонятно в какой стороне от города.

– Садись в машину. И не заставляй меня повторять тебе что-то по нескольку раз. Мне хватает одного недалекого придурка. С тобой возиться я не намерен.

Я послушно села обратно, к самому окну. Дверь захлопнулась, мужчины заняли свои места. Машина тронулась и понеслась по дороге, набирая скорость.

А может, выпрыгнуть на ходу прямо из машины? Или ко-

гда она остановится на светофоре, или сбавит скорость на перекрестке. Но, как назло, не было ни одного светофора или перекрестка, за двадцать минут пути в неизвестность встретились лишь две фуры.

Нет, прыгать далеко не вариант. И не потому, что я боюсь, наверное, страх за свою жизнь меня покинул давно. Я боюсь того, что может случиться дальше. Если на самом деле случится насилие, как я его переживу? Вот сейчас, останови они машину, ночь, пустая дорога, двое крепких мужчин. Один держит, другой насилует. И ведь не хватит никаких сил для сопротивления. Господи, смогу ли я пережить это?

Ехали еще полчаса, фары осветили поворот и табличку на въезде «Губино». Таких Губино полно вокруг города. Остановились, больно дернув за связанные руки, ведут в дом. Проходим дальше так же молча, через пустые и заброшенные комнаты. Старая мебель, рваные занавески на окнах, голые лампочки под потолком.

– Ты сидишь здесь смиренно и не дёргаешься. Ты меня поняла?

Тот, что Костян, достает раскладной нож из кармана куртки. Медленно раскладывает, лезвие ярко блестит даже под тусклой лампой. Больно держит за плечо, я слежу, словно замороженная, за его действиями. Резко перерезает скотч на руках, слегка задевая кожу, отчего на запястье появляется алая тонкая линия.

Мужчина смотрит на кровь, переводит взгляд на меня, все

еще держа в руке нож. Его взгляд вполне осмыслен, он не под дозой и понимает, что делает. От этого становится еще страшнее. Я не знаю, для чего я им, что будет дальше, но меня точно закопают в огороде около дома, и никто не станет меня искать. Может быть, только зануда-следователь, и то недолго.

– Скажите, зачем я вам? – мой голос дрожит.

Мужчина стирает кровь с раны, размазывая ее по руке. Долго молчит, рассматривая мое лицо. Взгляд задерживается на губах, хочется их поджать, отвернуться, но я этого не делаю и прекрасно понимаю, о чем он думает.

– А ты красивее, чем на фото.

– Каком фото?

– Не суть, – он резко отталкивает мою руку, словно я его раздражаю. – Сиди тихо, как мышка.

Уходит, хлопая за собой дверью. Я остаюсь одна в небольшой комнате, на полу в углу матрац, заколоченное окно, на стенах веселые обои, видимо, это когда-то была детская. Местами они оборванные, пожелтевшие и грязные. На стене горит тусклое бра. В углу навалены тряпки, сыро, холодно и страшно.

Сажусь на матрац, кутаюсь в пальто и намотанный шарф. Отчего-то вспоминаю, как в свой шарф кутал меня Егор, как он пах его парфюмом и слегка табачным дымом. Да уж, от воспоминаний становится еще паршивее. Зачем я снова думаю о нем? Понимаю, что не надо, но он того стоит, чтобы

вспоминать и любить.

Глава 43

Вера

Просыпаюсь от того, что чувствую чей-то взгляд на себе. Лежу, не шевелясь, хотя это очень трудно, зная то, что тебя разглядывают. Стараюсь дышать ровно, но получается плохо. Меня начинают трогать, чьи-то руки скользят по ногам от щиколоток вверх до колен, хорошо, что на мне брюки, а не юбка.

Я уснула лишь под утро, одетая и обутая, как была. В кухне тряпья не нашлось одеяла, было холодно. Из-за двери доносились мужские голоса, они о чем-то спорили, но сколько бы я ни прислушивалась, мне ничего не удавалось разобрать. Лишь отдельные, ничего не значащие слова.

Чтобы постучать и попросить что-нибудь, чем можно накрыться, не было и речи. Мужчины пили, это было слышно по звону посуды. Провоцировать их не хотелось. Так и заснула на этом старом матрасе, а вот утром у меня был гость.

На мне распахивают пальто, дальше только тонкая водолазка и белье. Как только рука накрывает грудь, резко вскакиваю, отстраняясь к стене. Тот, что поменьше и моложе, Антоха, смотрит на меня мутными глазами, двигается ближе.

– Ну чего ты испугалась, красавица?

– Чего ты хочешь? Почему ты здесь?

– Ты такая ладная и складная. У меня никогда не было та-

ких красивых. К тому же жена самого Беса. Ну чего, будешь ломаться? Иди ко мне.

Он двигается совсем близко, тянет меня к себе, отвратительный запах перегара и немытого тела накрывает хуже паники. Цепляет пальто, резко дергает на себя, он хоть и невысокого роста, но гораздо сильнее меня.

– Подожди, подожди, пожалуйста. Давай не так.

Выставляю руки вперед, опираясь на его грудь. Пытаюсь дышать ровно и смотреть ему в глаза.

– Антон, да? Ведь тебя зовут Антон?

Чуть сокращаю между нами расстояние, двигаясь боком к открытой двери, которую я до этого не видела за его спиной.

– Да, Антон, – он смотрит с подозрением, но интересом.

– Вероника.

– Да я знаю, кто ты. Ты жена Беса и ты заговариваешь мне зубы. Иди сюда. Мне не нужен этот тупой базар. Я просто хочу тебя трахнуть, пока нет этого зануды Костяна.

Мужчина снова дёргает меня силой на себя, начинает стаскивать пальто. Я вырываюсь, но он задирает водолазку, больно сжимая кожу.

– Нет, нет, подожди. Давай не так. Я сама.

– Что ты сама? Сама разденешься?

– Да, сама, только скажи, зачем я здесь?

– Какая хитрая сучка. Наверняка что-то задумала, но Антоху не проведешь даже такой смазливой мордашкой и классными титьками. Ну, покажи, какие у тебя классные

тительки.

Он тянет снова ко мне руки, вот тут окончательно накрывает. Отбиваюсь, кричу, но мужчина сильнее, давит своим телом, рвет тонкую ткань одежды на груди, царапая ногтями. Задыхаюсь, пинаю ногами, один раз попадаю ему в пах, он сгибается, стонет.

– Сука!

Удар тыльной стороной ладони обжигает лицо, лопается губа, чувствую во рту соленый привкус теплой крови. Антоха замирает, а я, лежа на матрасе, с силой, какая только есть у меня, ботинком на тонком каблуке ударяю его в живот. Срываюсь с места, пока он сыпет матами мне вслед и корчится от боли, бегу к открытой двери через другие комнаты. Вылетаю на крыльцо и резко натыкаюсь на высокую фигуру в поношенной кожаной куртке.

– Куда собралась?

И снова этот взгляд, пронзающий, абсолютно неживой. Так, наверное, смотрят трупы или на трупы. Ему больше сорока, гораздо больше, глубокие морщины между бровей и сеточка из мелких морщинок вокруг глаз. Резкие черты лица, темные волосы, шрам на скуле, которого я не заметила ночью, и глаза – холодные, пронизывающие.

Он держит меня за плечи, склоняет голову ниже, чтобы разглядеть лицо. Я пока не чувствую боли, но пульсирует нижняя губа, а во рту теплая кровь, пытаюсь ее проглотить, но начинает мутить. Резко кружится голова, тошнота подсту-

пает к горлу, вырываюсь из рук мужчины.

Он отпускает, а меня сгибает пополам на краю крыльца и выворачивает на землю одной горькой желчью. Сплёвываю кровь, не могу отдышаться, тошнота подкатывает опять, но уже просто нечем. Сердце бешено рвется из груди, опускаясь прямо на крыльцо, вдыхаю холодный воздух.

Позади меня какая-то возня, слышен сильный грохот. Оборачиваюсь, вижу, как тот, что Костян, пинает валяющегося на полу Антоху ногами.

– Сука ебаная, я говорил тебе держать свой отросток в штанах и не лезть к девчонке! Сука, я говорил или нет? Отвечай, тварь!

– Костян, да ты чего? Чего меня метелишь из-за какой-то бабы! Дай попользоваться, да ее хватит на нас двоих. Там-то все равно ее отымеют по полной программе. Да она не выйдет уже от тех людей живой!

Застываю и леденею от такого откровенного признания Антохи. Спасибо, теперь понятно, что меня куда-то везут, я для чего-то нужна тем людям, и обратно мне дороги уже не будет. Господи, это какой-то кошмар, и он никогда не закончится. Точнее, нет, скоро уже закончится.

Возня утихает, Антоху перестают пинать, хотя, думаю, это было чисто в воспитательных целях, и никто его не покалечил. Но вот у меня начинает болеть правая сторона лица, губа опухла, трогаю ее пальцами, стирая кровь и слюну. На колени падает бутылка с водой.

– Пей и иди умойся.

Напившись воды и еще раз сплюнув кровь на землю, иду к умывальнику на убогой кухне. Видимо, это чей-то дачный домик, хозяева закрыли его до лета или вообще много лет не появляются. Кругом раскиданная утварь, посуда, детские игрушки, наткнувшись взглядом на которые, я забываю, куда шла.

– Умывальник дальше, – грубый голос вырывает меня из ступора.

Прохожу мимо сидящего на табурете Антохи, он держится за ребра и зло смотрит исподлобья. Ничего, мы с ним, можно сказать, квиты.

Старый умывальник с треснутым зеркалом, лучше вообще не смотреть в него. Холодная вода приносит минутное облегчение, но губа так же болит. Приглаживая волосы, всё-таки смотрю на себя, худое и бледное лицо, большие глаза и разбитая губа. Как там сказал Антоха– я уже не жилец?

– Вы можете сказать, зачем я вам? Куда и к кому вы меня везете?

Недобрый взгляд в сторону Антохи, мужчина сплевывает на пол и отворачивается.

– Вы мне ответите?

– Иди, попей сладкого чаю и съешь что-нибудь.

Он не собирается отвечать на мои вопросы, кивает в сторону стола, на котором стоит чайник и продукты. Есть не хочется, но я чувствую, что надо. Еще придется бороться за

свою жизнь, поэтому капризы тут ни к чему.

Все дальнейшее происходит молча, горячий сладкий чай обжигает горло, впихиваю в себя булку и печенье. Мужчины молчат, лишь несколько раз у Костяна вибрирует в кармане телефон, это очень хорошо слышно, он уходит говорить на улицу. А я жую булку с маком и не знаю, что меня ждет дальше.

Глава 44

Егор

Мне снился сон. Реальный такой, яркий. В нем я чувствовал запахи, слышал голоса. В нем я заходил в комнату, я четко знал, что нахожусь у себя в особняке, но этой комнаты там раньше не было. Она светлая, уютная, но я ничего не замечаю вокруг, потому что у окна стоит Вера. Я точно знаю, что это она, никакая другая женщина, только Вера. Моя Вера.

Она держит на руках ребенка, что-то показывая ему в окне, тихо говорит, я не могу разобрать слов, но малыш смеется и тоже показывает пальчиком в окно, я тоже хочу заглянуть в окно и разглядеть то, что так увлеченно рассматривают Вера и малыш. Но стою, словно парализованный, не решаясь сделать еще хоть шаг и спугнуть это видение.

Но тут Вера поворачивается, видит меня и улыбается. Ребенку на ее руках по виду нет еще и года, пухлые щечки, короткие черные волосики, это мальчик, точно мальчик. На нем синяя кофточка с нарисованными машинками и такие же штанишки. Малыш тоже обращает на меня внимание и

улыбается, словно узнавая. Вера опять ему что-то тихо говорит, и малыш начинает тянуть ко мне ручки.

Оглушенный эмоциями, я медленно подхожу, жадно разглядывая Веру и малыша. У нее отросли волосы, теперь они ниже плеч, она такая же тонкая и хрупкая. Малыш снова поворачивается к ней, но Вера смотрит на меня, улыбаясь, чуть склонив голову. Она такая красивая, словно светится изнутри.

Я подхожу совсем близко, поднимаю руку, чтобы коснуться ее лица. Но сильный шум отвлекает. Чей-то голос выдергивает из сна.

– Егор, проснись, – Глеб трясет за плечи.

Я так и заснул, одетый, на неудобном кресле в Вериной маленькой квартире. После того, как улыбчивая медсестра рассказала мне последние новости, которые, как оказалось, скрывали от меня из лучших побуждений, я кипел и скрипел зубами. Медсестричка была с матом выгнана и со слезами на глазах убежала, в стену полетели поднос с едой и ваза с цветами.

Как хорошо и шикарно я устроился— отдельная палата, обслуживание и лечение, когда там моя девочка совершенно одна. Я, дурак, думал, что она уехала с мужем, что она с ним. Куда я против него сейчас таком состоянии?

Грыз себя ночами, думал, много думал, как бороться с Бесом, как вырвать из его рук Веру. Проклинал себя за свое бессилие, за то, что ничего сейчас не могу сделать, а время

идет. Жалел о том, что спустился на парковку, что так глупо подставился. Что сам отправил Веру в руки мужу. Надо было держать возле себя и никуда не отпускать, и похуй на все и всех. Прятал бы всю жизнь.

А оказывается, Беса грохнули. Уже потом я прочитал на новостных сайтах, отобрав планшет у главного врача, потому что мой, сука, горе-начальник охраны не отвечал на звонки.

Узнал, как аккуратно снайпер снял Бессонова Анатолия Александровича в тот самый момент, когда они с женой подходили к автомобилю на парковке аэропорта. Что ведется следствие, отрабатывается несколько версий, в том числе причастие его супруги к убийству собственного мужа.

Далее шли статьи о таком внезапном появлении законной жены, которую никто не видел на протяжении почти двух последних лет. Версии были одна фантастичней другой: от лечения от алкоголизма и наркозависимости до побега к любовнику, который как раз и отправил на тот свет уважаемого в городе и области человека.

Мне было плевать на смерть Беса, возможные ее причины и версии, собаке – собачья смерть. Но то, что я ничего не знал о Вере, напрягало больше всего. Что с ней? Как она? Где и с кем? Может быть, ей нужна помощь, хороший адвокат? Бессилие убивало, а бездействие рвало на части.

Но скоро пришел мой пропавший начальник охраны Морозов и получил от босса по полной. Он не пререкался, как только хотел вставить хоть слово и перебить меня, тут же за-

молкал, натываясь на недобрый взгляд. Медленно, но передвываясь самостаятельно, я покидал элитную клинику. Морозов тащил коробку с лекарствами, но мне было плевать на нее, так же, как и на все вокруг.

Дорога в аэропорт, не заезжая домой, одежду тоже купил прямо там. Ожидание рейса и долгий, почти шестичасовой, перелет дался нелегко. Таблетки и обезболивающие уколы пригодились, от молчаливого Морозова была хоть какая-то польза.

Прилетели вечером. Машина еще не въехала в незнакомый город, как Глебу позвонили, он недолго слушал и отключился.

– Она не возвращалась еще домой. И не смотри на меня так, да, за ней приглядывали. Не следили, а именно присматривали. Один мой друг.

– Хотя за это можно сказать тебе спасибо.

– Не надо мне ни за что говорить спасибо. Я сразу был против всей этой затеи и возни с девчонкой, ты знаешь.

– Морозов, лучше молчи.

Осеннее пальто так кстати подошло по погоде. Декабрь, а тут льет дождь, словно в октябре. Машина петляла по дворах в поисках нужного дома, чуть было не окатили из лужи какую-то девушку, снова заехали не в тот квартал.

Мы опоздали. Двор был пуст, тусклый фонарь за углом освещал лишь его часть. Женская сумочка валялась почти у подъезда, как ее еще никто не подобрал, удивительно. Я

увидел ее сразу, по сердцу полоснуло острым стеклом. В сумочке был ее паспорт, ключи от дома и немного денег.

Ударил несколько раз кулаком в закрытую обшарпанную подъездную дверь. Боль эхом отдалась во всем теле, сильно сжал зубы, так, что, казалось, они начнут крошиться. Морозов стоял рядом, что-то набирая в телефоне.

– Пойдем, зайдем в гости. Ключи есть.

Мы поднялись на четвертый этаж, три двери, одна из них, самая старая, оказалась нужной. Щелкнул выключатель, тусклый свет под низким потолком осветил тесную прихожую. Прошел дальше, включая свет. Старая мебель, старые обои, на кухне капающий кран. Затопанный палас на полу, выцветшие обои, тусклые зеркала. Здесь делали ремонт, скорее всего, именно в год Вериного рождения или того раньше.

– Это квартира ее матери, девушка жила здесь. Но после ее убийства– какой-то маньяк изнасиловал и задушил женщину– девочку удочерил Геннадий Штольц, очень, кстати, состоятельный человек, владелец антикварных магазинов, галерей и ресторана. Но история странная, кем он приходился на самом деле Веронике Резниковой – непонятно.

Ходил по квартире, рассматривая, где жила моя девочка, как была эти три недели. Все чисто убрано, все на своих местах, много книг, но нет ни одной фотографии. На кухне почти пустой холодильник, только масло, яйца и немного сыра. В шкафах тоже пусто, чай, кофе, рис и макароны.

– Мой друг присматривал за ней. Она сегодня ходила в цветочный салон, потом зашла в кафе. Он довел ее до поворота во двор, дальше не пошел, чтобы не пугать девушку. Видимо, ее взяли прямо у подъезда.

– Морозов, ты понимаешь, я как загнанный зверь. Не знаю, что делать, в чужом городе, на другом конце страны.

– Плохая была идея сюда ехать.

– Глеб, не накаляй меня!

– Я могу накалять, это уже ничего не изменит. И мое мнение остается прежним. Не надо было сюда ехать и подставляться.

– Какого хрена ты несешь, Морозов? Ты молчал три недели, ничего не говорил, что вообще случилось. Я узнаю о том, что Беса убили, от медсестры. А сейчас ты мне говоришь, что не надо было совсем сюда ехать?

– Ты можешь орать на меня сколько угодно, но я, в первую очередь, несу ответственность за твою безопасность. Я виноват, мой прокол, что тебя приложили на парковке. Я не оправдываюсь, но никто не знал, что Бес так быстро сориентируется, даже взятый ОМОНОм.

Я сжимал кулаки, молчал, давал выговориться Глебу.

– Снежану до сих пор не могут найти, убийцу Романова тоже. Веру везли спонтанно, мы понадеялись на случай, были уверены, что успеем, и никто не узнает, хорошо, двое еще остались живы. Дымовые шашки в доме – дело рук одного из охранников. Все это дерьмо смешалось вместе, не разгрести.

Беса снимает снайпер, твоя девочка под подозрением. Ты понимаешь, что своим появлением ставишь под удар именно ее? Хочешь носить ей передачи на зону, когда на нее повесят заказ собственного мужа? Наверняка исполнителя уже убрали, и скоро найдут тело. Ты ведь знаешь, как у нас быстро шьют дела, если это кому-то надо. Или сам хочешь пойти под следствие? Когда следаки сложат два и два, где и с кем была Бессонова. Как тогда ты ей поможешь? Да, деньги решают многое, но если кому-то очень понадобится найти крайнюю или крайнего, то найдут.

– И что, ты предлагаешь мне лежать в теплой кроватке, пока мою женщину через день прессуют на допросах?

– Я бы предложил выждать, мы бы все равно связались с ней.

– Если бы я узнал раньше, всего бы этого не случилось.

Нервно тру шею и сильно отросшую щетину на лице, так скоро борода вырастет. Впору завить от бессилия, но нельзя сдаваться, надо найти мою девочку.

– Ты видел, что я нашел тут еще? А ты посмотри, стратег хренов.

Достаю из кармана пальто запакованный тест на беременность, который нашел в сумочке на самом дне, не поняв сразу, что это за коробка. Машу им перед лицом Морозова.

– Это, сука, тест на беременность! Мать ее, беременность! Ты понимаешь, что моя женщина, беременная от меня, сейчас неизвестно где! Что ей может угрожать опасность! А ты

мне говоришь о моей безопасности и о том, что надо было ждать! Чего еще нужно ждать?

Морозов молчал, зло смотрел мне в глаза, лишь желваки играли на скулах. Верю, он хотел как лучше, но не в данной ситуации. В чем-то он прав, но мои эмоции берут верх над здравым смыслом, да и нет его, того здравого смысла, уже давно нет.

С появлением Веры все рухнуло, все летело с обрыва в пропасть. Дела, расчет, устоявшиеся привычки, даже взгляд на отношения стал другим. С Верой все изменилось. Она изменила все.

– Я ее найду.

Морозов ушел, громко хлопнув дверью, а я остался в тишине и пустоте Вериного мира. Конечно, по паспорту она не Вера, а Вероника, но для меня только Вера. Интересно, как жила эта девочка здесь? О чем мечтала? Как проводила время? Вот бы посмотреть на ее детские фото.

Я видел только фото с ее свадьбы, на них ослепительно красивая девушка с темными волнами волос на оголенной спине и плечах смотрела в объектив немного грустно и отстраненно. Словно это и не ее свадьба, а она всего лишь гостья.

Сев на неудобное кресло, прокручивая все, что произошло, думал только о ней. Голова раскалывалась, с ног валила усталость, так и не принял таблетки, не поставил укол. Ребра еще не срослись, на голове швы, с лица не до конца спала

опухоль. Вот же Вера меня увидит, испугается.

Так и уснул, как сидел, а потом этот сон и Вера с ребенком на руках. Я точно знал: это мой ребёнок, мой сын.

– Егор, проснись! Нашли машину, на которой увезли Веру.

Глава 45

Вера

Горячий сладкий чай обжигал горло, но стало легче, по телу разливалось тепло, и перестало тошнить. Съев булку, смотрю в окно на зеленый покосившийся забор и соседний участок. Я даже не знаю, в какой стороне от города это Губино, а может, это и не оно.

– Константин, – все-таки снова решаюсь задать вопрос, – может, ответите, кому и зачем я понадобилась? Куда вы меня везете?

Мужчина даже не смотрит в мою сторону, достал из-под куртки пистолет и положил его перед собой на стол. Я плохо в них разбираюсь, но видела такой у Толиной охраны. По спине пробежал холодок, даже дыхание задержала, крепко сжав в руках кружку.

Антоха, сидевший до этого хмуро, выпрямил спину и настороженно посмотрел на напарника.

– Ты чего, Костян? Зачем ствол?

– Вы убьете меня? – мой тихий вопрос.

Мужчина о чем-то долго думал, не ответив ни на один вопрос. Мы с Антохой притихли, ждали, что будет дальше. Но

ожидание и незнание угнетало, давило тяжелым грузом.

– Антоха, собери наши вещи, выведи девчонку в туалет, и выезжаем.

Антоха тут же засуетился, собирая в сумку какие-то тряпки, а мужчина, спрятав оружие, встал и вышел на крыльцо. Оттуда сразу потянуло сигаретным дымом. Потом хлопнула автомобильная дверь, и завелась машина.

Меня любезно сопроводили в уличный туалет. Проходя мимо соседнего дома, заметила, как в его окне дернулась занавеска. Долго сидела, думала, как привлечь внимание соседей, что в доме кто-то есть, не было никаких сомнений. Я же точно видела, как шевельнулась штора, а за ней была тень. Но со стороны туалета была лишь глухая стена дома и забор, через который не перелезешь быстро.

Думай, думай, Вероника. Надо что-то делать, если меня эти люди не убили сейчас, значит, у них есть приказ привезти меня живой. Надо рисковать.

Антоха волновался на улице и уже стучал в дверь. Надо было найти что-то тяжелое, чтобы кинуть в окно, если, конечно, хватит сил и докину. Выхожу, медленно иду, смотрю под ноги, делаю вид, что споткнулась. Падаю на колени, быстро хватаю обломок кирпича, тут же замахиваюсь и кидаю в окно. Осколок маленький, окно, конечно, не разбивается, но удар ощутимый.

– Помогите!– кричу как можно громче. – Помогите, меня похитили и удерживают силой!

– Ты чего, совсем больная? Чего орешь, дура?– Антоха больно хватает меня за плечи, трясет, тащит к машине.

– Что у вас там за крики?

– Костян, она орать удумала. Сучка бешеная. Можно я ее уйму?

– Все замолчали и быстро в машину.

Меня заталкивают на заднее сиденье, машина выруливает с участка, я всматриваюсь в соседний дом, на вид он совершенно безлюден. Неужели мне показалось? Но ведь я отчетливо видела, что человек был за занавеской.

Это был дачный поселок, прилегающий к деревне Губино. Деревня тоже выглядела полузаброшенной. Выехав на трассу, машина поехала не дальше, а в сторону, откуда приехали.

– Костян, я не понял? Ты куда рулишь? Нам в другую сторону.

– Планы поменялись.

– Эй, ты чего, я не понял! Какие планы? У нас один план: доставить девчонку куда надо.

– Я сказал, заглохни. Едем туда, куда надо мне.

Машина набирала скорость, я сидела, вжавшись в сиденье. Мужчины впереди ругались, я ничего не могла понять. Меня снова куда-то везут, но уже в другое место. Хорошо это или плохо, что меня везут не к тем людям, после которых, по словам того же Антохи, я не жилец? Что задумал этот Костян?

– Нет, мне не нравится все это,– Антоха не унимался.–

У нас был договор доставить сучку кому надо. Какого хрена мы едем обратно в город? Ты что, меня за лоха держишь? А ну давай, разворачивайся обратно!

Он хватается за руль, пытаясь его выкрутить, но его отталкивают, прикладывают к панели. Он воеет, зажимает нос рукой, кидается на обидчика. Я сижу и не знаю, что делать, они сейчас переубивают друг друга, и мы можем попасть в аварию.

Машина виляет по трассе, встречные автомобили истошно сигналият. Но тут Костян достает оружие и направляет его на парня. Я замираю вместе с Антохой, оружие так и направлено на него, ствол почти упирается в его голову. Мужчина зол и взбешен, совершенно не смотрит на дорогу, быстро смотрю вперед и вижу, как на нас несется черный внедорожник.

– Осторожно! Машина! – кричу, хватаясь за переднее сиденье.

Мужчина резко выкручивает руль вправо, машина начинает вилять по дороге, он пытается справиться с управлением. Нам чудом удается избежать столкновения, внедорожник проносится мимо в считанных сантиметрах от нас.

Но машину выбрасывает на обочину, сбивая ограждение, она летит в небольшой овраг с крутого спуска, сквозь высокий кустарник, с грохотом и треском падая на бок. Сначала я держусь за что могу, цепляюсь за сиденья, ручки дверей, потом лишь только успеваю прижать голову руками, чувствую

сильный удар и на мгновение теряю сознание.

Очнулась от того, что тошнило и жутко воняло бензином. Неудобно лежу на боку, подо мной пассажирская дверь. Медленно тяну руку к голове, нащупываю что-то мокрое, подношу к лицу, пальцы в крови. Видимо, разбила стекло головой.

Пытаюсь подняться, но выходит плохо, карабкаюсь по сиденью до другой двери. Мельком замечаю, что мужчины свалены друг на друга. Подтягиваться трудно и не получается, надо еще как-то открыть дверь. Сил нет никаких, тошнит еще сильнее, может, от запаха бензина или от сотрясения.

Пытаюсь выбить ногой заднее стекло, оно и так треснуло. Получается, просто выползаю, падаю на землю, жадно глотаю воздух, останавливаю подступающую рвоту. Сажусь на жухлую траву, покрытую утренним инеем. Из рта идет пар, поднимаю голову к небу. Шепчу одними губами: «Господи, когда это все закончится?»

Поднимаюсь, хочу посмотреть, что там с мужчинами. Вижу сквозь стекло, покрытое мелкими трещинами, что мужчина, лежащий сверху, начинает шевелиться. Нужно срочно уходить. Оглядываюсь по сторонам, впереди лишь только лес, позади крутой спуск, с которого мы скатились и перевернулись.

Бегу к склону, пытаюсь забраться, цепляюсь за мерзлую землю и траву, ломая ногти, обдирая кожу на ладонях. Но ничего не выходит. Слышу за спиной треск стекла. Оборачи-

ваюсь, но пока никого не вижу. Судорожно ищу, где можно спрятаться, если на дорогу выбраться не получается, но вокруг ничего нет, позади меня только лес. Отползаю подальше от машины и бегу сквозь высокую засохшую траву к лесу.

Высокие каблуки проваливаются в мерзлую землю. Пробираюсь сквозь деревья, царапая лицо ветками. Постоянно оборачиваюсь назад, но пока ничего не вижу и не слышу. Сердце бешено колотится в груди, стучит в ребра, страх гонит неизвестно куда.

Глава 46

Вера

Холодно. Мороз пробирает до костей, кутаюсь в пальто. Я так быстро поспешила скрыться в лесу, бежала не разбирая дороги, неизвестно куда. Не знаю, сколько прошло времени, брожу, наверное, несколько часов. Но знаю, что на месте нельзя оставаться. Постоянно оглядываюсь, прислушиваюсь.

Слышу свое прерывистое дыхание и шум леса. За каждым деревом мерещится человек. Хорошо, что нет снега и сугробов, тогда бы давно замёрзла насмерть.

Снова кружится голова, и ноет затылок. Прислоняюсь к широкому стволу дерева, начинает тошнить. Сажусь на корточки, обхватываю себя руками, пытаюсь согреться.

Вспоминаю, что так и не сделала тест на беременность. Купила, а он так и остался лежать в сумочке, носила с собой несколько дней. Когда затошнило в первый раз, испугалась,

но отмахнулась от мысли о беременности. Тогда доктор сказал, что я еще могу иметь детей, но надо что-то там подлечить, я не вникала и не вслушивалась в его слова. Была полностью поглощена своим горем.

А когда симптомы повторились, сомнений не осталось. Но все равно боялась сделать тест. Боялась, что это может быть неправдой, боялась идти к врачу, услышать про осложнения. Трусиха.

Сижу на корточках, изо рта идет пар, похолодало. На рукав пальто падет первая снежинка, долго смотрю на нее. Поднимаю голову к небу, идет снег. Улыбаюсь. Интересно, как там Егор? Может, у него тоже идет снег?

Слышу хруст ветки— совсем близко. Медленно оглядываюсь, пытаюсь понять, откуда он, с какой стороны. Ничего не вижу, перед глазами одни деревья, кусты, мерзлая трава. Все слилось и смешалось. Снова хруст, еще ближе. Слишком резко поднимаюсь, меня ведет в сторону, делаю несколько шагов, и тут меня хватают за руку.

Вскрикиваю, пытаюсь вырваться. Но мужчина крепко держит, разворачивает и придавливает к дереву.

– Не ори ты, блять, ненормальная, – Костян, с разбитым лбом и засохшей на нем кровью, зло смотрит, больно сжимая руку. – А ты шустро бегаешь, не один час меня погоняла по лесу.

– Чего вам нужно?

– Ты мне нужна, девочка. Только ты.

– В каком смысле– я? Вы что, маньяк?

– Совсем ебанулась?

– Тогда зачем? Зачем меня похитили? Потом повезли не туда, куда хотели? Что за фотография, на которой была я? Кто вы вообще?

– Пошли давай обратно, ходим тут кругами.

Он дернул меня за руку и потащил вперед. Шел быстро, я не успевала за ним, спотыкаясь о корни деревьев и упавшие ветки.

– Кто-то хочет с тобой поговорить, дали только фотографию, сказали адрес и чтобы привез в определенное место. Пообещали немалые деньги.

– Кто?

– Я не знаю, но есть кое-какое соображение. Если так много бабла за то, чтобы привезти какую-то девчонку, то девчонка-то непростая. Так и оказалось. Да, девочка, ты ведь непростая? Вдова самого Толи Беса.

– Так чего вы не отвезли меня, как хотели?

– Потому что за тебя могут дать больше.

– Подождите, дайте отдохнуть. Голова кружится.

– Да, вот к тому же еще и беременная вдова.

Мужчина останавливается, отпускает мою руку, я прислоняюсь к дереву, закрываю глаза. Дышу ровно, пытаюсь успокоить сердце. Да кому я опять понадобилась? Три недели в городе, и только сейчас со мной захотели поговорить? Нельзя было просто прийти домой? Почему эти люди все всегда

усложняют?

– Я головой ударилась, когда машина свалилась в овраг. Сотрясение, скорее всего, – не хочу, чтобы он мог подумать, что я и правда беременная.

– Ну, да, да. Пусть будет сотрясение. Но за вдову с наследником дадут еще больше.

– Акак вы думаете, кто эти люди?

– Я не думаю, я уверен. Дядька Беса, шишка крутая, из Москвы. Он-то его здесь и поставил, в городе, да и в области, делать свои грязные дела.

Плохо помню, но я точно видела Толиного дядю, он был на свадьбе. Но это было всего один раз, и я была в таком состоянии, мало что замечала вокруг себя. Но для чего я ему?

– А почему вы говорили, что живой мне оттуда уже не выйти? – не знаю почему, но тяну время, словно выкруживаю у судьбы лишние минуты.

– Так ты себя в зеркало-то видела? Никто не откажется позабавиться с женой Беса, к тому же, видимо, он сильно огорчил дядю. Разные ходят слухи, тебе незачем их знать. Подышала? Тогда пошли, – снова тянет за руку.

Ничего не могу понять, но дела мои плохи. Если этот человек не повезет меня сразу, то, может, я смогу как-то уговорить его не отдавать меня никому? Дам денег, отдам все, что есть. Пока я размышляла, мы почти вышли из леса. Костян словно знал, куда идти, видимо, правда, я ходила кругами. Снег пошел еще сильнее, засыпая серую мерзлую землю.

Мы вышли практически к месту аварии, только чуть дальше. Нам была видна перевернутая машина, а рядом с ней человек. Костян замер, мы оба рассматривали крепкого мужчину в короткой куртке. Выше, на склоне, стоял автомобиль.

– А вот и наш транспорт, пойдём. И только попробуй открыть рот.

Он достаёт из-за пояса пистолет, демонстрируя его мне. Снова не отпускает мою руку, таща за собой, но не к машине, а вверх по склону, здесь он не такой крутой.

– Что ты задумал? – карабкаюсь, другого выхода нет, как только идти за ним.

Поднимаемся на дорогу и замираем на месте. Три машины: два черных мерседеса и автомобиль ГИБДД – стоит, сверкая проблесковыми маячками, метрах в трёхстах от нас. Костян было дернулся назад, но нас заметили. Четверо мужчин оборачиваются в нашу сторону. Двое в форме, двое других в чём-то тёмном. Снег начинает валить ещё сильнее, падая большими хлопьями, из-за него невозможно разглядеть их лиц, только силуэты.

Чувствую, как мне в спину упирается оружие, оборачиваюсь, хочу посмотреть, но меня толкают, заставляя идти вперед.

– Будешь дергаться, получишь пулю, – у самого уха противный, скрипучий голос Костяна.

Сглатываю, страх парализует тело, иду словно на деревянных ногах. Смотрю вперед, ничего перед собой не вижу, руки

дрожат, ствол больно упирается прямо в позвоночник. Мужчина, прикрываясь мной, словно щитом, идет сзади. Неужели все повторяется заново?

Глава 47

Егор

Раннее утро. Двумя машинами, выжимая скорость по максимуму, выезжали из города. Глеб уверенно держал руль, практически не смотрел в мою сторону.

– Ну и видок у тебя, краше в гроб кладут.

– Дай бог, это будет не сегодня. Хотя, если с Верой что-то случится, сам лягу рядом.

– Все не так плохо. Машину нашли, вроде наша.

– Вот именно что «вроде».

– Надо сказать спасибо жильцам дома, что повесили камеры, Кир быстро узнал номера тачки.

Да, друг Морозова молодец, сильно помог, без него в чужом городе было бы трудно, имея хоть сколько денег, но не имея связей. Кирилл подключил нужных людей, проверяли камеры на всех постах выезда из города. Нашли ближе к утру, хоть и по заляпаным в грязи номерам поняли, что это наша машина.

Но тут был звонок в службу спасения из дачного поселка вблизи деревни Губино. Звонивший сообщил о том, что двое подозрительных людей, приехав ночью и забравшись на чужой участок, удерживают молодую женщину. Назвал знакомые номера.

Но как только мы выехали из города, поступил звонок об аварии, что произошла на трассе именно в том районе. Очевидцы видели, как машину занесло, и она перевернулась в кювет. Мы прибыли одновременно с полицией, бригада скорой медицинской помощи вот-вот должна была подъехать.

Вокруг никого не было, Глеб спустился вниз, чтобы посмотреть, есть ли кто в машине, что лежала перевернутая на бок. Молил бога, чтобы там не было моей девочки. Я готов был душу отдать, чтобы только ее там не оказалось, и она была жива. Глеб молчал, что-то осматривал в машине, Кирилл общался с сотрудниками полиции, и тут на дороге метрах в двухстах от нас появились двое.

Я думал, мое сердце выскочит из груди, когда увидел Веру. Так внезапно снег закружил крупными хлопьями, я не мог разглядеть ее лица, но я точно знал, что это она. Ее вел мужчина, шедший позади, крепко держал за локоть, но она не дергалась, не просила о помощи. Я хотел было пойти навстречу, но Кирилл меня остановил и потянулся, начав медленно расстёгивать куртку, под которой была отчетливо видна кобура с оружием.

Когда они подошли ближе, она смотрела вокруг стеклянными глазами, не узнавала меня. Ровная спина, расстёгнутое пальто, бледное лицо, искусанные губы. Они подошли ближе, встали почти у самого края дороги. И тут она посмотрела на меня, в глазах вспыхнул блеск, одними губами проговорила мое имя. Сделала шаг вперед, но ее дернули обратно,

отчего больно сморщилась.

– Мне нужна машина! – мужик, что удерживал ее, закричал в нашу сторону. – Мне нужна машина, иначе девчонка получит пулю!

– Э, мужик, ты чего? – это уже полицейские синхронно потянулись за своим оружием.

– Я сказал, я не шучу! Быстро все отошли и дали мне машину!

Мужик нервничал, а я видел только Верины глаза, которые смотрели в мои. В них было столько боли и сожаления.

– Давай ты отпустишь девушку и получишь машину. Вот эту, смотри, – показываю на нашу с Глебом. – Полный бак, вот ключи. Только отпусти девушку.

– Нет, мы едем вместе. Кидай мне ключи и отходи.

Парни в форме пытаются медленно обойти и приблизиться к мужчине, оружие уже направлено на него и Веру.

– Нет, мужики, не надо. Я сам, – поднимаю руки в знак того, что безоружен, делаю несколько шагов к ним. – Послушай, это плохая идея – брать заложника с собой. Отпусти ее. Возьми машину. Уезжай. Тебя никто не станет преследовать.

Он думает несколько секунд, но потом все равно кричит, чтобы все отошли и дали ему машину. Время словно замерло, Вера бледнеет еще больше, видно, что ей тяжело стоять.

– Отпусти меня, ну что ты вцепился? Ты же видишь, тебе не уйти со мной.

Полицейские о чем-то переговариваются по рации, слыш-

но, как им отвечают, что дорога перекрыта.

– Сильно умная, да? Я один не проеду и километра, меня сразу подстрелят. Отошли все дальше! Дальше, я сказал!

Вижу, как ровно за ними, на самом краю, около искорёженного ограждения дороги, поднимается фигура Глеба. Он делает знак, чтобы его не выдали, прислоняя палец к губам. А я начинаю говорить, чтобы как-то отвлечь его.

– Тебе правда не уйти с ней. Смотри, девочка сейчас упадет в обморок, на ногах почти не стоит. Если тебе так нужен заложник, возьми меня. Давай поедем вместе. Я поведу. Только отпусти ее.

– Нет, так не пойдет. Мне нужна девчонка.

Мужик нервничает еще больше, я шепчу Вере одними губами: «Все хорошо, девочка. Все хорошо, милая». Она понимает, чуть кивает головой, но в это время отчетливо слышен звук сирен приближающейся скорой. Мужик дергается, выводит руку из-за спины Веры и направляет оружие на меня.

– Вы специально, суки, тянете время! Ну-ка, отошли все дальше!

Он размахивает пистолетом в разные стороны, Вера испуганно смотрит на меня, прижимая руки к груди. Глеб подходит совсем вплотную сзади и приставляет ствол к его виску, пытаясь отеснить Веру в сторону.

– А теперь, мразь, прекратил орать и отпустил девушку.

Мужик замирает, но, долго не думая, прислоняет свой ствол к виску Веры.

– А если так?

Вера застывает на месте, даже, кажется, перестает дышать. Глазами, полными страха, смотрит на меня, а я снова ничего не могу сделать. Она начинает оседать на землю.

Все дальнейшее происходит за считанные доли секунды. Вера падает, мужик отталкивает ее в сторону, разворачивается к Морозову. Два громких выстрела оглушают пустую трассу. Мужик падает на землю словно куль, Глеб валится на бок, а я бегу к Вере, которая лежит без сознания.

Быстро смотрю на Глеба, к которому спешат медики. Трогаю холодные щеки, пытаюсь согреть, прижимаю крепче. Поднимаю на руки, больно простреливает спину, и трещат несросшиеся ребра. Но я этого не замечаю, ее надо срочно унести, согреть, привести в сознание.

– Вера. Вера! Очнись, девочка моя, – всматриваясь в бледное лицо.

– Егор, – она тихо говорит и открывает глаза.

– Да, родная, да, это я.

Поднимает руку, проводит тонкими пальцами по лицу, задевая разбитую скулу, сильно отросшую щетину.

– Я снова падаю в обморок, а ты носишь меня на руках. От меня одни проблемы.

– Не говори так, а то отшлепаю.

– Меня только отшлепать и не хватало, – улыбается.

– Кирилл, помоги.

Доношу Веру до машины, Кир помогает открыть дверь,

сам садится за руль.

– Поехали за медиками, в больничку.

Вера ерзает на руках, пытается сеть, но я ей не даю, прижимая еще крепче.

– Посиди, пожалуйста, и не ерзай, я соскучился.

– Но я не хочу в больничку, – смотрит прямо в глаза, а у меня сердце гулко стучит от переполняющей меня нежности.

– Хочешь. Совсем бледная, да и надо узнать, что там с нашим героем.

Глава 48

Вера

– Так вас зовут Вера или Вероника?

– Вероника, но для Егора я Вера, он сам так решил. Точнее, я долгое время была под этим именем.

Наш новый общий знакомый и старый друг Морозова, Кирилл, словно между прочим задавал мне вопросы. Он привез нас в больницу вслед за бригадой, что везла Глеба.

Каждого из нас определили в отдельную палату, хотя Егор сопротивлялся и хотел постоянно быть со мной. Пришлось его успокоить и сказать, что со мной все хорошо, хотя голова периодически кружилась. Если он так и дальше будет рядом, то снова начнет носить меня на руках.

На мои вопросы Егору, что с ним случилось и почему он такой помятый, словно его били трое боксеров, ответил, что упал с лестницы. На что Кирилл закачал головой и засмеялся. Правды от него не услышу все равно.

Больница тоже оказалась непростая, как и мужчины, окружающие меня. Егора с трудом, но удалось уговорить пройти осмотр, ему поставили уколы, дали обезболивающее, а еще успокоительное, и теперь он спал в соседней палате.

Мне разрешили принять душ, выдали свежую пижаму, взяли анализы и сказали отдыхать. Но напряжение прошедших суток так и не отпускало, успокоительное принимать отказалась.

– Что с Глебом? Его можно увидеть? – Кирилл стоял у окна и смотрел на меня, склонив голову.

– С ним все хорошо, пуля прошла навывлет: бедро, мягкие ткани. Кости и сухожилия не задеты. Врачи говорят, парень он здоровый, заживет как на собаке.

– Так и говорят—«как на собаке»?

– Так и говорят.

Кирилл мне нравился, он не напрягал, его внимание не настораживало. Мне не хотелось попросить его выйти или уйти самой. Жгучий брюнет лет тридцати пяти, такая слегка восточная внешность, легкая щетина, которая ему шла, темные внимательные глаза, дружелюбная улыбка.

– Что вас связывает с Глебом?

– Вместе служили.

– Но пошли дальше по разным дорожкам?

– Примерно так.

– А вы, Кирилл, ведь парень непростой? Угадала?

Кирилл отошел от окна, сел рядом на стул, скрестив руки

на груди.

– А вы, Вероника, неглупая женщина, но так по-глупому попадаете в плохие истории.

– Подсказать и научить в свое время было некому, как отличить плохое от хорошего. Вы из какой-то спецслужбы? Ведь так? Так и не сказала вам спасибо за мое спасение.

– Морозову спасибо скажите.

– У нас с ним как-то с первого дня не заладилось, я, безусловно, ему очень благодарна и скажу спасибо.

– Да, Морозов не тот человек, с которым легко с первого дня знакомства. Я хотел спросить, о чем вы разговаривали с тем мужчиной, что вас взял в заложницы? Он что-то говорил, куда вас собирались везти?

– Я расспрашивала, но так толком и не поняла. Ему дали мое фото, назвали адрес и велели привезти в нужное место. Но Костян, так его называл дружок, передумал, они поспорили прямо в машине. Костян махал пистолетом, выехал на встречную полосу, ушел от столкновения, и мы полетели, но прямо в кювет. Тот, второй, его звали Антоха, погиб?

Кирилл лишь кивнул.

– Что было дальше?

– Я выбралась и убежала в лес, он меня нашел, потащил к дороге, а там уже вы. И Егор, которого я и не ожидала больше вообще увидеть в жизни.

– Что вам говорил Константин?

– Говорил, что получит за меня больше денег, что он уве-

рен: это дядя моего мужа попросил меня доставить. Ко мне есть разговор, и еще, что я от них живой не уйду.

– Ну, это он погорячился.

– Мне стоит дальше опасаться за свою жизнь? За Егора? Он непременно в это ввяжется. Я не могу его потерять.

– Бессонов был давно в разработке, последние два года он словно озверел, но подойти близко и найти зацепки – было трудно. Когда он сорвался на другой конец страны, удивил всех. Мы ждали его, был готов захват, но, скорее всего, его свои же и отправили на тот свет. Бес слишком много знал, был очень весомой фигурой, но последнее время пошел по наркоте, сомнительные и непроверенные поставщики. Его исход при такой работе был предопределен.

Я слушала Кирилла, затаив дыхание. Оказывается, нас ждали в аэропорту, но все пошло не по плану.

– Я был очень удивлен, когда позвонил Глеб и попросил присмотреть за вами. За женой Толи Беса и так велось наблюдение, но только первые две недели, дальше была моя инициатива и просьба друга.

– Так, значит, все закончилось?

– Будем надеяться, что да.

– А как же тот человек, что хотел меня видеть? Дядя Бессонова?

– Он ушел, не думаю, что вы ему так важны, и он будет искать с вами встречи.

– Спасибо, вы меня успокоили.

– Не за что, я пойду, вам надо отдохнуть. И да, не забудьте пригласить на свадьбу.

Я от удивления приоткрыла рот, а Кирилл подмигнул и вышел из палаты. Сразу навалилась жуткая усталость. Проваливаясь в сон, я думала, что все, что приключилось – это было не со мной, это просто какой-то детектив, но я-то точно не героиня таких романов.

Рано утром меня разбудила медсестра, чтобы взять еще анализы, но после этого я опять заснула. В следующий раз проснулась сама, и, как только умылась и привела себя в порядок, в палату зашел доктор.

– Вероника Васильевна, как вы себя чувствуете?

Приятный немолодой мужчина что-то рассматривал в бу-магах на планшете, а потом посмотрел на меня и улыбнулся.

– Хорошо. Что с Егором? К нему можно?

– Егор Ильич еще спит, думаю, будет можно, но позже.

– Вероника, вы знали, что беременны?

– Я догадывалась. Скажите, как вообще, что по анализам?

Я так и не дошла до гинеколога.

– По анализам все хорошо. Чуть понижен гемоглобин и глюкоза, но надо провести осмотр.

– У вас можно его пройти прямо сейчас?

– Можно, пойдемте.

Я тихо открыла дверь и заглянула в палату к Егору. Бы-

ло тихо, шторы задернуты. Подошла к кровати, хотела присесть, но не стала, боясь разбудить. Он лежал на спине, повернув голову, не удержалась и провела рукой по припухшей скуле, небритым щекам, задевая губы. Я так жадно всматривалась в его черты, морщинки около глаз и глубокую складку между бровей. Так хотелось его поцеловать.

Склоняюсь ближе, невесомо касаюсь губами его губ, но тут Егор тянет меня себе на грудь, целует сам. Господи, как я соскучилась по его поцелуям. Целует жадно, горячо, сминая губы, прижимая к себе сильнее.

– Я чуть не сдох без тебя, – хрипит, задирая пижамную рубашку.

– Я тоже.

Скидываю ее через голову, сядясь на него сверху. Наклоняюсь, целую сама, ерзая на его бедрах.

– Я так скучала по тебе, думала, никогда не увижу.

Продолжаю целовать, Егор накрывает мою грудь рукою, сжимая до стонов чувствительный сосок. Приподнимает чуть вверх, всасывает его в рот. Возбуждение вспыхивает во мне, как спичка, подставляю для поцелуя другую грудь. Егор мнет ее, перекачивает соски между пальцев, кусает, зализывает, нежно сосет.

– Черт, Вера. Сейчас взорвусь.

Не отрываясь от груди, стягивает с меня больничные штаны. Помогаю, чуть сводя колени, он откидывает их на пол. Я совершенно обнаженная и раскрытая перед ним. Сердце ко-

лотится, его пальцы скользят по моим мокрым складочкам. Снова мой громкий стон на всю палату.

– Помоги мне, сними белье.

Дрожащими руками оттягиваю резинку на его штанах. Возбуждённый член вырывается на свободу, беру в руку, скользя по стволу, смотрю на раздутую багровую головку.

– Вера, у меня женщины не было три недели. Еще немного, и я кончу прямо в твои руки.

Ползу наверх, сажусь прямо напротив его стоящего члена, наклоняюсь вперед, опираясь руками на плечи. Хочу его чуть помучить, скольжу по члену уже своим лоном, размазывая по нему влагу. Егор жадно смотрит на мои движения, на то, как головка мелькает между припухших половых губ. Сама нахожусь в какой-то нирване, вожу бедрами, стимулирую клитор.

– Девочка, сядь на него.

Покорно подчиняюсь, чуть приподнимаю бедра, Егор направляет член, а я медленно на него опускаюсь, ловя свой первый кайф. Легкая судорога проносится по телу, стенки влагалища сжимают член.

– Черт, Вера, двигайся.

Раскачиваюсь, но Егор приподнимает свои бедра, наклоня меня на себя, упираясь ногами в кровать, и начинает вколачиваться резкими движениями. Из легких выбивает воздух, стон разносится на всю палату, кричу, когда так неожиданно накрывает оргазм.

Тело трясёт, мышцы больно сводит, Егор держит мои бедра, кончает с хриплым рыком. Чувствую его горячую сперму, чувствую, как сама теку на нем, пока он пульсирует глубоко во мне. Падаю на грудь, вся мокрая, с последними стонами целую его губы.

– Как же я тебя люблю, ты не представляешь.

Рукой приподнимает мой подбородок. Он все еще во мне, я все еще голая на нем. И нет никакого стыда, что к нам может кто-то войти. Так должно быть всегда, только он рядом, никто другой, только он. Мой горячий мужчина с далекого севера.

– Нет, родная, не так. Это ты не представляешь, как я люблю тебя.

Улыбаюсь, упираюсь лбом в его лоб, глажу по щекам, царапая пальцы щетиной.

– Мне надо ещё кое-что тебе сказать.

– Говори, любимая.

– Я беременна.

– Я знаю.

– Но откуда?– поднимаюсь, удивленно смотрю в его глаза.

– У нас будет сын. Я видел его.

Эпилог

Егор

Разве мог я представить год назад, что моя жизнь изменится так кардинально? Что в мой дом войдет девушка, от которой я потеряю голову. С которой я пойму, что такое лю-

бовь. Которая утренним морозным утром посмотрит своими огромными серыми глазами прямо в душу и заберет ее навсегда. Которая станет моей верой в любовь. Моей Верой. И тот обрыв, с которого мы падали вместе, станет нашим спасением.

– Посмотри, какой он милый, когда спит.

Вера стоит у кровати, накрывая одеялом нашего сына. Ему всего три месяца, но он уже центр нашей вселенной. Матвей родился чуть раньше срока, я безумно испугался, когда начались схватки. Мы были за городом, в особняке, Вера спокойно собралась, спустилась, села в машину, а меня трясло так, что не решился вести машину. Тамара Степановна перекрестила нас, водитель погнал в город, а я крепко сжимал Верину руку.

Самый большой страх – это потерять Веру. Теперь еще страх за сына. Думаете, сильный мужик ничего не боится? Боится, еще как. Морозов ржал, как конь, глядя на то, как трясется стакан воды в моих руках. Посмотрю я на него, когда его женщина будет рожать. Роды прошли хорошо, малыш и мама были здоровы.

– Почему милый, только когда спит?

– Потому что ночью он сущий дьяволенок, как и его папа.

Вера смотрит на меня и чуть щурит глаза. Подхожу сзади, обнимаю, целую открытую шею. На ней тонкое домашнее платье, прижимаю сильнее к себе, даю понять, как я возбужден. Вера откидывает голову мне на плечо, расслабляясь

в моих руках.

Продолжаю целовать, нежно захватывая губами мочку уха. Чуть сжимаю руками налитую молоком, чувствительную грудь. Приподнимаю халатик.

– Егор, ты торопился, – она прерывисто дышит, поднимая руки, обхватывая меня за шею.

– Подождут. Морозов их развлечет, он теперь член совета директоров, пусть опыта набирается.

Разворачиваю Веру, приподнимаю за попку, сажаю на себя, целую ее пухлые губы, от которых мне так трудно оторваться. Несу в нашу спальню, аккуратно укладываю на еще не заправленную кровать. Поднимаю халатик выше, отодвигаю трусики, моя девочка уже вся влажная. Растираю ее соки, слегка надавливая на клитор.

– Чем дольше я с тобой, тем мне труднее от тебя оторваться.

Расстегиваю халат, бюстгальтер, у которого застежка спереди. Жадно всасываю сосок. Вера громко стонет, но тут же вскрикивает.

– Егор, больно.

– Извини, – тут же нежно зализываю.

– Давай уже, Егор, не мучай меня.

– Моя ненасытная девочка.

– Я твоя голодная жена. Ты два раза за ночь мучил меня, но когда твой сын наконец-то заснул, уснул и ты.

– Прости, родная.

Пред глазами охрентительная картина: обнаженная Вера на грудь с торчащими сосками, в глазах туман, она кусает губы, которые я только что целовал. Высвобождаю член, лишь спуская брюки, хочу ее до одури. Она разводит колени шире, приглашая меня, мнет рубашку на плечах. Вхожу медленно на всю длину. Вера стонет, подается навстречу бедрами.

Мокрая безумно, горячая, вхожу снова, но резче, целую шею. Не протяну долго. Увеличиваю темп, приподнимаю попку, чтобы войти глубже. Вера протяжно стонет, закрывает рот, чтобы не кричать и не разбудить сына.

– Кончай, милая. Не могу больше.

Сильнее сжимаю ее бедра, проникая глубже, чувствую первую судорогу, что проходит по ее телу, затем вторая и еще одна. Ее внутренние мышцы плотно обхватывают мой разбухший член, сокращаясь на нем. Кончаю сам, сжимая челюсти, утыкаюсь мокрым лбом ей в плечо. Оба тяжело дышим.

Поднимаюсь, Вера гладит меня по лицу, на пальце блестит тонкий ободок обручального кольца. Она теперь моя жена, с новым именем, фамилией и даже отчеством.

– Ты ведь знаешь, что я тебя люблю?– она так пристально смотрит мне в глаза, что начинает щемить сердце от нежности.

– Я люблю тебя сильнее. И я самый счастливый мужчина на земле. Ты сделала меня таким.

– А ты знаешь, что к нам сегодня на ужин придет Морозов

с девушкой?

– Ну, наконец-то, а то прячет от нас свое сокровище столько времени. Я уж думал, она у него вымышленная.

– А еще, если мы не будем предохраняться, то у нас может родиться еще ребенок.

– Я этого и добиваюсь. Родишь мне девочку, такую же красивую, как ты?

– Обязательно.

КОНЕЦ

Читайте историю Глеба Морозова в романе "РЕЦИДИВ"